A2 4/43

В. В. Назаревскій.

Великія историческія годовщины.

1612—1613—1812.

Междуцарствіе и народныя ополченія.

Трехсотлѣтіе избранія на царство Михаила Θеодоровича Романова.

Столѣтіе Отечественной войны 1812 года.

Съ 146 рисунками.

90

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1911.

В. В. Назаревскій.

ВЕЛИКІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ ГОДОВЩИНЫ—1612—1613—1812.

Конецъ смутнаго времени, избраніе на царство Михаила Өеодоровича Романова и Отечественная война.

7353.

Со 148 рисунками.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1911.

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 1214
29/III 1931 г.
БИБЛИОТЕКА

Мы, русскіе, въ отличіе отъ другихъ народовъ, обогнавшихъ насъ въ образованности, мало знаемъ свою Отечественную Исторію и недостаточно чтимъ ея важныя событія и ея великихъ героевъ и должны пользоваться каждымъ случаемъ для расширенія и углубленія нашихъ познаній въ области нашего историческаго прошлаго. Прекрасные поводы къ этому даетъ вошедшее у насъ въ обычай чествованіе историческихъ юбилеевъ.

Со времени семисотлѣтія Москвы (въ 1847 году) у насъ учащается ихъ празднованіе. Вспомнимъ, напримѣръ, тысячелѣтіе съ основанія Русскаго государства (въ 1862 году), девятисотлѣтіе крещенія Руси (въ 1888 году), двухсотлѣтіе съ рожденія Петра Великаго (въ 1872 году), основанія Петербурга (въ 1903 году), Полтавской битвы (1909 году), столѣтія покоренія Финляндіи и проч.

Въ настоящее время приближаются три знаменательнѣйшихъ юбилея родной исторіи, которые падаютъ на два уже недалекіе года 1812 и 1813, это — трехсотлѣтіе со времени освобожденія Москвы и Россіи отъ смуты и владычества Польши, а также и съ возстановленія Москвы и Русскаго государства, подъ державою основателя новой національной династіи — царя Михаила Ѳеодоровича Романова; а съ трехсотлѣтіемъ нашей народной войны 1612 года совпадаетъ столѣтіе Отечественной войны 1812 года, спасшей Россію отъ грознаго завоевателя—Наполеона I, приведшаго къ намъ полчища почти всей Западной Европы.

Чѣмъ своевременнѣе и старательнѣе приготовятся русскіе люди къ чествованію этихъ великихъ эпохъ и ихъ выдающихся героевъ, тѣмъ больше будетъ пользы для русскаго народа и нашего родного государства.

«Да не престанетъ память предковъ нашихъ», говорили встарь на Святой Руси мудрые люди и побужденія къ этому указывали въ слѣдующихъ своихъ словахъ: *дабы свѣща не угасла,* разумѣя подъ нею свѣточъ поучительныхъ историческихъ преданій и національнаго самосознанія, которыя освѣщаютъ намъ пути дѣятельности въ настоящемъ и будущемъ.

Предстоящее празднованіе указанныхъ юбилеевъ дѣло уже неизмѣнно рѣшенное: по волѣ Государя Императора, правительственныя, общественныя и ученыя учрежденія готовятся къ подобающимъ чествованіямъ этихъ великихъ эпохъ. Но и самому народу, и дома и въ школѣ, пора принять участіе въ этихъ важныхъ приготовленіяхъ ознакомленіемъ съ тѣми событіями и историческими дѣятелями, кои станутъ предметами прославленія, чтобы не кое-какъ, а сознательно отнестись къ предстоящимъ празднествамъ.

Въ виду этого мы и рѣшились въ настоящей книжкѣ собрать все главное, что необходимо знать каждому русскому о событіяхъ и герояхъ достопамятныхъ 1612, 1613 и 1812 годовъ. Предлагаемые очерки мы сопровождаемъ цѣлымъ рядомъ историческихъ рисунковъ и спискомъ свѣтовыхъ картинъ, нужныхъ въ тѣхъ случаяхъ, если настоящее изданіе дастъ матеріалъ для чтеній въ школьныхъ и другихъ собраніяхъ.

I.

Наше лихолѣтье и 1612 годъ.

Со смерти послѣдняго царя изъ дома св. Владиміра—Өеодора Іоанновича, въ 1598 году, у насъ, на Руси, наступило смутное время, особенно тяжелое потому, что призванные на престолъ сперва Борисъ Өеодоровичъ Годуновъ, а потомъ князь Василій Іоанновичъ Шуйскій оказались безсильными утвердить свой родъ въ наслѣдственной у насъ царской власти. Родъ Годуновыхъ, при помощи противопоставленнаго ему внутренними смутьянами и поляками мнимаго сына Іоанна IV Димитрія, на самомъ же дѣлѣ, самозванца, былъ низвергнутъ. Низложившій Лжедимитрія I и провозглашенный царемъ Василій Іоанновичъ Шуйскій въ четыре года (1606—1610) не укрѣпился со своимъ родомъ на престолѣ потому, что не одолѣлъ внутренней смуты и внѣшнихъ враговъ, и потому, что не могъ передать державу ни любимому народомъ доблестному племяннику своему князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому, умершему въ 1610 году, ни брату своему Димитрію Іоанновичу, на котораго обрушилась народная ненависть за понесенное имъ отъ поляковъ пораженіе при Клушинѣ и по подозрѣнію, будто онъ отравилъ своего выше названнаго племянника, въ которомъ хотѣли видѣть будущаго царя.

Когда же Василій Іоанновичъ принужденъ былъ покинуть престолъ, а верховная власть перешла къ знатнѣйшимъ семи лицамъ боярской думы, настала самая тяжкая пора смутнаго времени, лихолѣтье междуцарствія, доведшее Русское государ-

ство почти до полной гибели. Правительство семибоярщины не отличалось ни силою, ни мужествомъ, ни прозорливостью. Оно было безсильно избрать царя изъ среды русскихъ людей и, опасаясь, что Москву и государство захватитъ Лжедимитрій II, противо-

Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій.
(По Титулярнику).

поставленный Василію Шуйскому и вербовавшій себѣ сторонниковъ въ низшихъ классахъ народа, стало искать царя въ Польшѣ. Правители государства не придавали значенія тому, что поляки въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ подвластныхъ имъ Малой, Бѣлой,

Червонной и Черной Руси католичили и полячили высшіе классы народа, а низшіе, обращенные въ крѣпостное состояніе, совращали изъ православія въ унію, подвергая жестокимъ притѣсненіямъ самую русскую народность. Ихъ близорукость не смущало и то, что поляки поддерживали и Лжедимитрія I, какъ тайнаго католика, и Лжедимитрія II, какъ орудіе расшатыванія Россіи, что они еще недавно, подъ предводительствомъ пановъ Сапѣги и

Святѣйшій патріархъ Гермогенъ. Скончался 17 февраля 1612 года.

Лисовскаго, 16 мѣсяцевъ осаждали Троицкую лавру. Имъ не казалось опаснымъ и то, что заклятый врагъ православія король польскій Сигизмундъ III началъ наступательное движеніе на Восточную Русь и уже осадилъ Смоленскъ. Они думали помирить Польшу съ Россіей и умиротворить вторую избраніемъ на престолъ польскаго королевича, сына Сигизмунда—Владислава.

Противъ этого энергически возсталъ доблестный патріархъ Гермогенъ. Онъ проявилъ уже свою преданность православію, когда

требовалъ, чтобы невѣста Лжедимитрія I, полька Марина Мнишекъ, раньше своего вѣнчанія съ нимъ, приняла православіе. При Василіи Шуйскомъ онъ возставалъ противъ Лжедимитрія II и поляковъ и защищалъ противъ смутьяновъ законнаго царя, что и удерживало его на престолѣ. Но ни поддержка патріарха, ни доблестная 16-мѣсячная защита Троицкой лавры отъ поляковъ и приверженцевъ самозванца, ни предводимыя Михаиломъ Скопинымъ-Шуйскимъ ополченія городовъ и вспомогательныя войска шведовъ не удержали Василія Іоанновича на престолѣ. Готовившійся итти на выручку Смоленска князь Скопинъ-Шуйскій неожиданно скончался отъ кровотеченія горломъ и носомъ, которое началось у него на крестинномъ пиру у князя Воротынскаго. Стали распускать молву, что народному любимцу подала отравленную чашу съ медомъ жена Димитрія Шуйскаго, разсчитывавшаго, по смерти бездѣтнаго Василія, сдѣлаться его преемникомъ на царствѣ. Этотъ Димитрій Шуйскій и посланъ былъ противъ поляковъ, но былъ, какъ сказано, разбитъ при Клушинѣ ихъ гетманомъ Жолкѣвскимъ.

Эти два обстоятельства дали силу внутреннимъ врагамъ Василія Шуйскаго, среди которыхъ дѣйствовали польскіе агенты. Братья Ляпуновы, Голицыны и другіе подбили народъ, вопреки патріарху Гермогену, просить Василія Іоанновича Шуйскаго сойти съ престола, потому что родъ его несчастенъ. Тотъ, не видя себѣ достаточной поддержки, уступилъ этимъ крамольнымъ требованіямъ и переѣхалъ въ свой боярскій домъ на Арбатѣ. Но его враги, опасаясь его возвращенія на царство, насильственно постригли его въ монахи и перевезли въ Чудовъ монастырь. Верховная власть перешла, какъ было сказано, къ боярской думѣ, къ ея главнѣйшимъ семи боярамъ, во главѣ которыхъ стоялъ князь Мстиславскій. Такимъ образомъ на Руси съ 19 іюня 1610 года наступило междуцарствіе. Всѣ, въ томъ числѣ и сама семибоярщина, отлично понимали, что замѣнившее Василія Шуйскаго учрежденіе составляетъ лишь временное правительство и что необходимо избрать царя. Но кого? Этотъ вопросъ привелъ къ раздѣленіямъ и спорамъ. Патріархъ Гермогенъ, не одобрявшій насильственнаго низведенія съ престола и постриженія Шуйскаго, требовалъ или возстановленія его на царство, или избранія царя изъ русскихъ бояръ, при чемъ указывалъ на юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова, состоявшаго по бабкѣ своей, царицѣ Анастасіи Романовнѣ, въ родствѣ съ угасшимъ царскимъ родомъ, или же на другого русскаго же боярина, какъ князя

Василія Голицына. Многіе стояли за второго самозванца, удалившагося послѣ распаденія Тушинскаго лагеря отъ Москвы, а теперь пришедшаго въ село Коломенское и угрожавшаго взятіемъ Москвы, гдѣ у него было не мало приверженцевъ, особенно среди черни. Подъ вліяніемъ страха предъ воцареніемъ «тушинскаго вора», бояре и рѣшились призвать на Русскій престолъ польскаго королевича Владислава, сына короля Сигизмунда III.

Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій.
Съ современнаго портрета.

Многіе дѣятели переворота, низвергшаго Шуйскаго, и сторонники Владислава не подозрѣвали того, что они были только орудіемъ польской интриги, которая начала у насъ вить себѣ гнѣздо еще со времени перваго самозванца и сдѣлала успѣхи при второмъ. Послѣ его удаленія изъ Тушина, его приверженцы Салтыковъ и Андроновъ вошли въ измѣнническія сношенія съ королемъ Сигизмундомъ, прося у него на царство его сына и въ польскихъ интересахъ чрезъ своихъ сообщниковъ стали подкапываться подъ Шуйскаго. Это раскрылъ въ своихъ запискахъ гетманъ Жолкѣвскій, шедшій съ войсками на Москву, какъ на наслѣдство польскаго королевича.

Онъ самъ говоритъ въ этихъ «Запискахъ», что раньше «*онъ посылалъ тайнымъ образомъ въ Москву много писемъ съ универсалами* (по-нынѣшнему — прокламаціями, а по-старо-русски — подметными грамотами) *для возбужденія ненависти противъ царя Василія*, и указывалъ въ нихъ, какъ въ царствѣ Московскомъ въ его правленіе все идетъ дурно и какъ чрезъ него и за него безпрестанно проливалась христіанская кровь; эти универсалы разбрасывали по улицамъ въ Москвѣ. Въ частныхъ же письмахъ, подготовляя заговоръ, онъ *давалъ обѣщанія нѣкоторымъ лицамъ* и обнадеживалъ ихъ, отчего де *умы волновались*. Не довольствуясь такою пропагандою, онъ заключалъ съ податливыми на измѣну лицами и прямые договоры. Его *договорная запись съ княземъ Елецкимъ* и нѣкоторыя другія бумаги произвели въ Москвѣ такое агитаціонное возбужденіе, что, какъ

доносилъ панъ Жолкѣвскій Сигизмунду, московскіе сторонники его *готовы были прочесть тѣ бумаги у Кремля, на Лобномъ мѣстѣ* Красной площади и, согласившись съ лицами, дѣйствовавшими съ ними заодно, намѣревались *поймать Шуйскаго и отослать* къ нему или же, въ случаѣ неудачи, выѣхать къ нему изъ столицы». Къ несчастью, русскіе люди все это исполнили буквально.

Скоро подошли къ Москвѣ поляки, чтобы использовать сдѣланное руками русскихъ измѣнниковъ, смутьяновъ и малодушныхъ. Жолкѣвскій съ своими войсками расположился лагеремъ на Дѣвичьемъ полѣ. Москва, уже заранѣе охваченная іезуитскими сѣтями, готовилась сдаться въ польскія руки. Ранѣе поляковавшіе знали, что дѣлаютъ; а малодушные и близорукіе думали, что лучше поддаться Владиславу, чѣмъ тушинскому вору, агенты котораго волновали чернь. Этимъ малодушнымъ людямъ казалось труднымъ на Русскомъ престолѣ утвердить Русскаго царя. Вотъ почему шаткое правительство семибоярщины, правящій классъ и многіе сбитые съ толку изъ народа избрали въ цари Владислава. Однакоже полякующіе чужедумцы, въ виду твердости патріарха и его великаго авторитета въ народѣ, постарались по возможности обставить избраніе польскаго королевича условіями, обезвреживающими его отъ внесенія къ намъ польщизны.

Польское войско XVII вѣка. *Яна Матейки.*

Рѣшено было требовать, чтобы Владиславъ до прибытія въ Россію принялъ православіе; не входилъ въ сношенія съ рим-

скимъ папою, не строилъ въ Москвѣ костеловъ и не держалъ ксендзовъ; наказывалъ смертью отступниковъ отъ православія, женился на русской, имѣлъ при себѣ ограниченное число поляковъ и не ставилъ ихъ на государственныя должности. Для вящшаго обезопашенія Россіи отъ царя польской крови, рѣшено было ограничить его власть въ правленіи постановленіями боярской думы, а въ законодательствѣ и налогахъ земскимъ соборомъ.

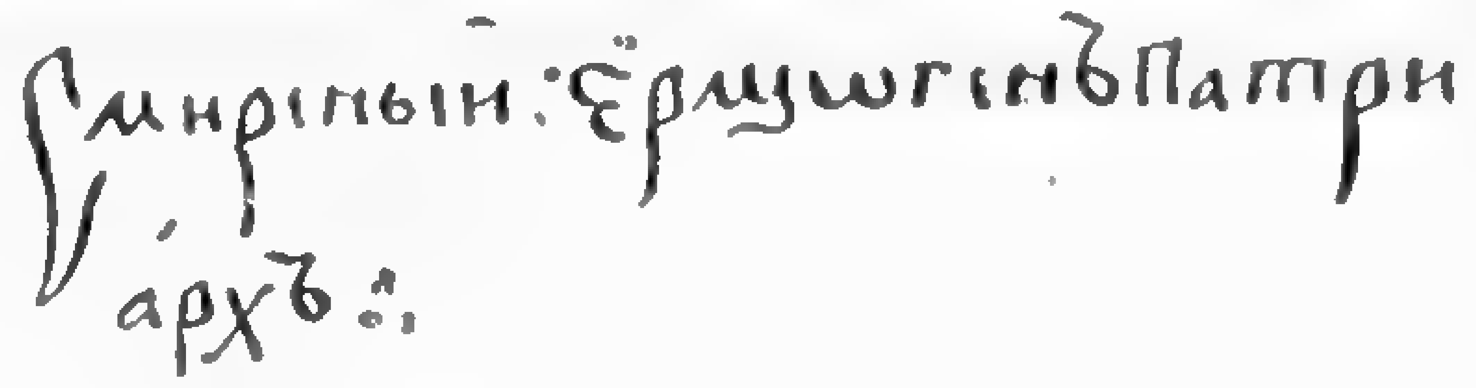
И въ виду указанныхъ гарантій отъ польщизны съ великимъ трудомъ склонили патріарха Гермогена не противодѣйствовать вступленію Владислава, на что, однако, пошелъ онъ, скрѣпя сердце, лишь до поры до времени, какъ покажутъ себя по соблюденію условій Владиславъ и поляки. Хитро примирительный угодовецъ Жолкѣвскій (онъ былъ русской крови, но глубоко ополяченъ) ловко обставилъ на переговорахъ нашихъ бояръ, надававши имъ всевозможныхъ обѣщаній. Они присягнули и заставили народъ присягать королевичу Владиславу и вопреки обязательству Жолкѣвскаго— не вводить поляковъ въ Москву, несмотря на протесты патріарха, за обѣщаніе отогнать отъ столицы самозванца, сдали полякамъ Кремль и Китай-городъ съ ключами ото всѣхъ крѣпостныхъ воротъ.

Мало того, бояре сами сдали въ руки Жолкѣвскаго царя Василія и его братьевъ, и этими трофеями Польша повеличалась надъ униженною Москвою, такъ какъ еще не было случая, чтобы Русскій царь (о князьяхъ не говоримъ) попадалъ въ плѣнъ. Въ великое посольство къ Сигизмунду включили, по желанію Жолкѣвскаго, самыхъ опасныхъ для королевича людей: митрополита Филарета, отца кандидата на престолъ, т.-е. Михаила Θеодоровича Романова, и кн. Голицына, который тоже намѣчался въ цари, чтобы они были заложниками въ польскихъ рукахъ. Когда же Жолкѣвскій обставилъ такъ ловко все это дѣло, получены были отъ Сигизмунда секретныя извѣстія, что онъ совсѣмъ не желаетъ отпускать Владислава и самъ будетъ царствовать въ Москвѣ. Отлично понимая, что русскіе люди не согласятся подчиниться этому ученику іезуитовъ и гонителю православія и нашей народности въ Западной Руси, Жолкѣвскій поспѣшилъ стушеваться и сдалъ начальство надъ польскимъ войскомъ въ Москвѣ своему помощнику пану Гонсѣвскому.

При немъ сразу круто измѣнились отношенія поляковъ къ русскимъ и въ Москвѣ и подъ Смоленскомъ: Гонсѣвскій лишилъ значенія боярскую думу, враждебно относился къ патріарху, давалъ вѣсъ только людямъ полякующимъ, какъ Салтыковъ и Андроновъ, отсылавшимъ Сигизмунду короны и другіе аттри-

буты царской власти, и дурно обращался съ москвичами. Однако поляки въ Москвѣ пока не раскрывали вполнѣ видовъ Сигизмунда; но чуткій патріархъ уже началъ говорить въ кругу, впрочемъ, близкихъ людей, что разрѣшитъ всѣхъ отъ присяги Владиславу, если онъ не приметъ православія, и не потерпитъ самого Сигизмунда на престолѣ. *Будучи*,—какъ говоритъ лѣтопись, — *единъ и уединенъ, но зная, что иному некому пособити въ словѣ и дѣлѣ*, Гермогенъ ждалъ только, чтобы поляки открыто показали себя, готовый мужественно и громко поднять противъ нихъ свой голосъ. Вѣсти объ этомъ разными путями распространялись по Руси среди ея чуткихъ людей.

10 ноября къ патріарху явился Салтыковъ съ хитрыми разговорами о Сигизмундѣ «все на то приводя, чтобы крестъ цѣловати самому королю». Но тотъ гнѣвно и рѣшительно отказался отъ нихъ. На слѣдующій день онъ пришелъ уже съ думными бо-



Подпись патріарха Гермогена.

ярами и нагло требовалъ, чтобы онъ разрѣшилъ крестъ цѣловать королю и отписалъ объ этомъ въ грамотахъ.

«Стану писать къ королю грамоты, — сказалъ мужественно патріархъ,—и духовнымъ властямъ велю руки приложить, если король дастъ сына на Московское государство, королевичъ крестится въ православную вѣру нашу, а литовскіе люди выйдутъ изъ Москвы. А что положиться на всю королевскую волю, то видимое дѣло, что намъ крестъ цѣловать самому королю, а не королевичу, и я такихъ грамотъ не благословляю вамъ писать и проклинаю того, кто писать ихъ будетъ; а Русскимъ людямъ напишу, что если королевичъ на Московское государство не будетъ, въ православную вѣру не крестится и литвы изъ Московскаго государства не выведетъ, то благословляю всѣхъ, кто королевичу крестъ цѣловалъ, итти подъ Москву и помереть всѣмъ за православную вѣру». Вотъ первое и рѣшительное слово о борьбѣ за то, что всего дороже для нашего народа, — за вѣру православную. Оно привело въ ярость понявшаго всю его силу руководителя польской партіи.

Съ наглыми ругательствами наступалъ на святѣйшаго патріарха Салтыковъ и даже бросился на него съ ножомъ. Гермо-

генъ, поднявъ руку съ крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: «Крестное знаменіе да будетъ противъ твоего окаяннаго ножа. Будь ты проклятъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ!» Опасаясь вліянія патріарха на народъ, измѣнникъ испросилъ прощеніе у первосвятителя церкви.

Лжедимитрій II.

Но тотъ отъ слова перешелъ къ дѣлу: ни мало не медля, въ началѣ декабря, собралъ московскихъ гостей (богатыхъ купцовъ) и другой торговый людъ по посадскимъ сотнямъ въ Успенскій соборъ и прямо объяснилъ имъ ужасное положеніе дѣлъ и рѣшительно запретилъ присягать королю. По его слову московскіе люди отказались цѣловать крестъ Сигизмунду.

Когда въ декабрѣ *смерть самозванца*, убитаго на охотѣ крещенымъ татариномъ Урусомъ, освободила русскихъ людей

отъ гнетущаго страха съ этой стороны, патріархъ пошелъ еще далѣе въ борьбѣ съ поляками: онъ сталъ разсылать по городамъ свои грамоты, призывая народъ ополчиться на поляковъ. Въ этихъ грамотахъ онъ объяснялъ королевскую измѣну, разрѣшалъ народъ отъ данной присяги на вѣрность Владиславу и убѣждалъ жителей городовъ, чтобы они, не мѣшкая, по зимнему пути, собрався всѣ въ сборъ со всѣми городы, шли вооруженными ополченіями къ Москвѣ на литовскихъ людей. Гонцы съ подорожными отъ патріарха скакали съ этими грамотами по городамъ разныхъ областей. Прежде всего патріаршія грамоты подняли въ Рязанской землѣ служилыхъ людей, съ Прокопіемъ Ляпуновымъ во главѣ; скоро изъ Нижегородской, Суздальской и Владимірской областей двинулись казаки подъ начальствомъ Просовецкаго, и земскія рати подъ предводительствомъ князя Д. М. Пожарскаго, который раньше Ляпунова прибылъ въ Москву; затѣмъ пошли изъ Калуги и Тулы прежніе тушинцы съ своимъ вождемъ Трубецкимъ.

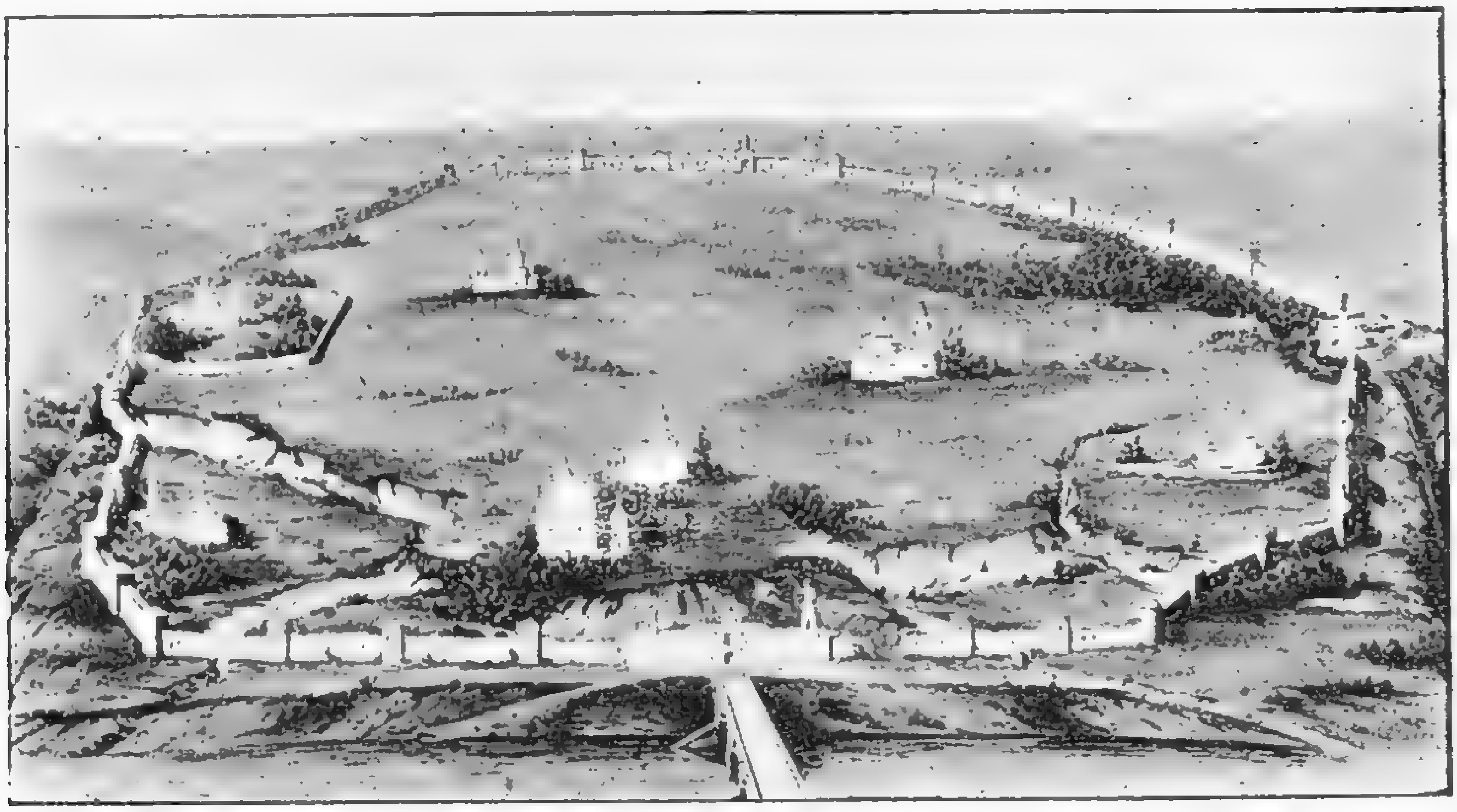
Вслѣдствіе этого временное правительство не остановилось передъ насиліемъ надъ доблестнымъ первосвятителемъ: чтобы прервать дальнѣйшія его сношенія съ городами: «у него дьяки, подьячіе и всякіе дворовые люди были поиманы, а дворъ его весь разграбленъ». Святѣйшаго патріарха стали держать, *аки птицу въ заклепъ*, подъ бдительнымъ надзоромъ. Но русскіе люди оповѣстили города объ этомъ возмутительномъ утѣсненіи и гоненіи на первосвятителя. Это давало еще большее значеніе его призывнымъ грамотамъ, которыя пересылались изъ города въ городъ и будили патріотическія стремленія вырвать Москву изъ рукъ поляковъ.

Прокопій Ляпуновъ «послалъ грамоту къ боярамъ о патріархѣ, о мірскомъ гоненіи и о тѣснотѣ». Слова энергическаго предводителя земскаго ополченія подѣйствовали на московскихъ правителей: «съ тѣхъ мѣстъ,—говоритъ лѣтопись,—патріарху учало быти повольнѣе, и дворовыхъ людей ему немногихъ отдали». Правда полной свободы великій святитель не получилъ: его держали въ Кремлѣ подъ бдительнымъ надзоромъ.

«Встанемъ крѣпко, — писалъ въ другіе города въ своей грамотѣ Рязанскій воевода,—двинемся всей землей къ царствующему граду Москвѣ и со всѣмъ православнымъ христіанствомъ обдумаемъ, кому быть на Москвѣ государемъ. У насъ одна дума: или вѣру нашу православную защитить, или всѣмъ до одного помереть». Такіе пламенные призывы, вмѣстѣ съ грамотами

патріарха Гермогена, переписывались и пересылались изъ одного города въ другой, всюду воспламеняя народъ на борьбу съ поляками.

Сильно было вліяніе патріарха и подъ Смоленскомъ. Когда пришла туда изъ Москвы боярская грамота къ русскимъ посламъ, съ приказомъ поступать имъ во всемъ по волѣ Сигизмунда, митрополитъ Филаретъ сказалъ: «Такимъ грамотамъ по совѣсти повиноваться нельзя: писаны онѣ безъ воли патріарха», а князь Голицынъ заявилъ, что, «когда мы стали безъ государя, патріархъ у насъ человѣкъ начальный, и безъ него въ такомъ важномъ дѣлѣ рѣшать не подобаетъ». Дво-



Смоленскъ и его стѣны и храмы.

ряне, находившіеся въ посольствѣ подъ Смоленскомъ, въ грамотѣ своей писали въ Москву, чтобы не надѣялись, что королевичъ воцарится въ Москвѣ, но что поляки выведутъ изъ Россіи лучшихъ людей, опустошатъ ее и завладѣютъ ею. «Ради Бога,—писали эти русскіе люди,—положите крѣпкій совѣтъ между собою. Разошлите списки съ нашей грамоты и въ Новгородъ, и въ Вологду, и въ Нѣжинъ и свой совѣтъ напишите, чтобы всѣмъ было вѣдомо про то, чтобы всею землею сообща стать за православную вѣру, покамѣстъ мы еще свободны, а не въ рабствѣ, и не разведены въ плѣнъ». Грамота эта во многихъ спискахъ была разослана изъ Москвы по городамъ, а къ ней была приложена московская грамота, писанная въ духѣ патріарха Гермогена. Въ ней былъ такой же призывъ ко всѣмъ единодушно возстать на враговъ православія, выручить Москву изъ бѣды. «Здѣсь (въ Москвѣ),—

говорилось въ грамотѣ,—корень нашего царства, здѣсь знамя отечества, образъ Божіей Матери, Заступницы христіанской, которую евангелистъ Лука написалъ. Здѣсь великіе свѣтильники и хранители: Петръ, Алексій и Іона чудотворцы...» Такія грамоты разсылались по разнымъ городамъ, и всюду стали устраиваться ополченія противъ поляковъ.

Поляки, давно уже обижавшіе москвичей и утѣснявшіе патріарха, всполошились. Салтыковъ, по приказу польскаго начальника Гонсѣвскаго, въ мартѣ 1611 года приступилъ снова къ Гермогену и сталъ говорить: «Это ты по городамъ посылалъ грамоты, ты приказывалъ всѣмъ собираться да итти на Москву; отпиши имъ, чтобъ не ходили». Доблестный первосвятитель говорилъ: «Если ты, всѣ измѣнники и поляки выйдете изъ Москвы вонъ, я отпишу къ своимъ, чтобы вернулись. Если же вы останетесь, то всѣхъ благословляю помереть за православную вѣру. Вижу ея поруганіе, вижу разореніе святыхъ церквей, слышу въ Кремлѣ латынское пѣніе и не могу терпѣть». Самъ Гонсѣвскій грозно сказалъ: «Ты, Гермогенъ, главный заводчикъ всего возмущенія! Тебѣ не пройдетъ это даромъ. Не думай, что тебя охранитъ твой санъ!» Но патріархъ оставался непреклоненъ и былъ готовъ на мученичество за вѣру и отечество. Съ той поры его стали держать подъ стражей.

По мѣрѣ того, какъ росла въ Москвѣ дерзость и жестокость поляковъ, росло противъ нихъ сперва недовольство, а затѣмъ и ожесточеніе народа. Напрасно пришельцы сулили русскимъ свою польскую вольность, которая у нихъ выражалась въ ограниченіи государевой власти сеймомъ и сенатомъ, въ правѣ шляхты составлять вооруженные союзы (конфедераціи) противъ правительства. «Вамъ дорога ваша вольность, а намъ—наша неволя. Вѣдь у васъ — не воля, а своеволіе: сильный грабитъ слабаго, можетъ отнять у него имѣніе и жизнь. Искать правосудія по вашимъ законамъ долго..., ничего не возьмешь; а у насъ самый знатный не властенъ обидѣть послѣдняго простолюдина: по первой жалобѣ царь творитъ судъ и расправу... Какъ Богъ, караетъ онъ и милуетъ. Намъ легче перенесть обиду отъ царя, чѣмъ отъ своего брата, ибо царь — владыка всего свѣта». Москвичи стали громко говорить, чтобы поляки позаботились о скорѣйшемъ пріѣздѣ Владислава или убрались изъ Москвы по-добру, по-здорову. «Россія—не такая невѣста, чтобъ ей не найти жениха получше».

Носители восхваляемыхъ свободъ били москвичей, грабили ихъ дома и церкви, не удерживались даже отъ кощунства надъ

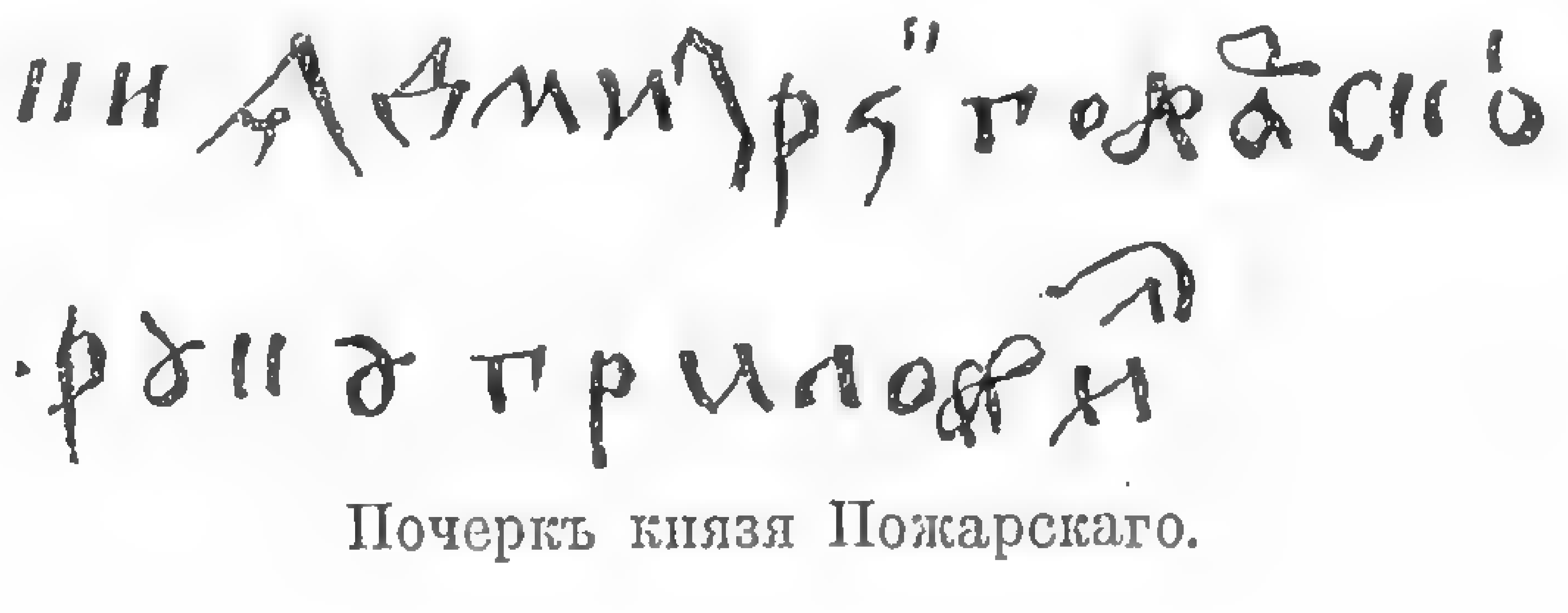
Патріархъ Гермогенъ и поляки въ подземельѣ Чудова монастыря.

святынями, отъ поруганья ихъ. Одинъ полякъ выстрѣлилъ въ икону, стоящую надъ воротами Никольской башни (уцѣлѣвшую и при ея взрывѣ въ 1812 году). Чтобы отвратить народную грозу, самъ Гонсѣвскій велѣлъ казнить дерзкаго соотчича и даже прибить гвоздями его руку къ иконѣ Николая Чудотворца... Незамѣтно приливали въ Москву небольшіе отряды ополченцевъ и потайно вступали въ ея слободы, въ Земляной городъ и даже въ Бѣлый городъ. Прибылъ сюда изъ Суздаля въ свой домъ на Лубянкѣ и князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Поляки съ безпокойствомъ разставляли вездѣ караулы, обходили Москву патрулями, втаскивали на стѣны Китай-города и Кремля пушки.

Подходила Страстная недѣля 1611 года. Чуявшій бѣду Гонсѣвскій отмѣнилъ было патріаршій крестный ходъ въ Вербное воскресенье съ шествіемъ на осляти, но, видя раздраженіе народное, опять разрѣшилъ его. Москвичи мрачные и въ небольшомъ количествѣ собрались на это торжество; всюду видны были польскіе отряды. Чувствовались приближающіяся бѣды. Скоро въ эти святые дни Москвѣ пришлось омыться кровью неповинной и очиститься огнемъ пожаровъ. Съ Великаго понедѣльника на нашей Красной площади скопилось много возовъ

Знамя князя Пожарскаго.

съ дровами. Поляки гнали извозчиковъ втаскивать на кремлевскія стѣны пушки, тѣ не слушались, а кто пошли, сбрасывали пушки со стѣнъ. Поляки стали бить извозчиковъ, а тѣ сдавали сдачу. Поднялся страшный шумъ. Гонсѣвскій приказалъ гнать народъ изъ Китай-города. Польскіе жолнеры и вооруженные нѣмецкіе отряды бросились на безоружныхъ, стрѣляли въ нихъ и рубили саблями. Кровь полилась рѣкой. Заалѣла отъ нея Красная площадь и прилежащія улицы; облились кровью русской иноземцы, а русскіе усыпали своими тѣлами большія пространства. Но уже по всей Москвѣ страшно звучалъ набатъ. Китай-городъ былъ очищенъ отъ русскихъ. Но зато Бѣлый городъ весь уже поднялся на смертную борьбу съ поляками.



Почеркъ князя Пожарскаго.

Съ трудомъ пробрались сюда поляки, но были встрѣчены здѣсь ожесточеннымъ отпоромъ. Князь Пожарскій изъ дома своего на Лубянкѣ громилъ поляковъ изъ пушекъ, но былъ раненъ и отвезенъ въ Троицкую лавру, а отсюда въ свое Суздальское помѣстье; Батурлинъ бился съ поляками у Яузскихъ воротъ, а Колтовскій за Москвой-рѣкою. Отступая за стѣны, поляки, по примѣру проклятаго патріархомъ Салтыкова, поджогшаго свой домъ, зажгли Москву и Замоскворѣчье въ разныхъ концахъ.

Страшно горѣла Москва въ теченіе многихъ дней. Подобный пожаръ она вынесла въ 1812 году. Но въ дыму тогдашняго

Чудовъ монастырь.

пожара улетала послѣдняя терпимость къ полякамъ и измѣнникамъ.

Во вторникъ на Святой недѣлѣ къ сожженной Москвѣ подошелъ Прокопій Ляпуновъ и расположился станомъ у Симонова монастыря. Скоро подошли Заруцкій съ казаками и князь Трубецкой съ калужанами, прежніе приверженцы самозванца. Русскіе заняли пепелище Бѣлаго города, чтобы обложить поляковъ.

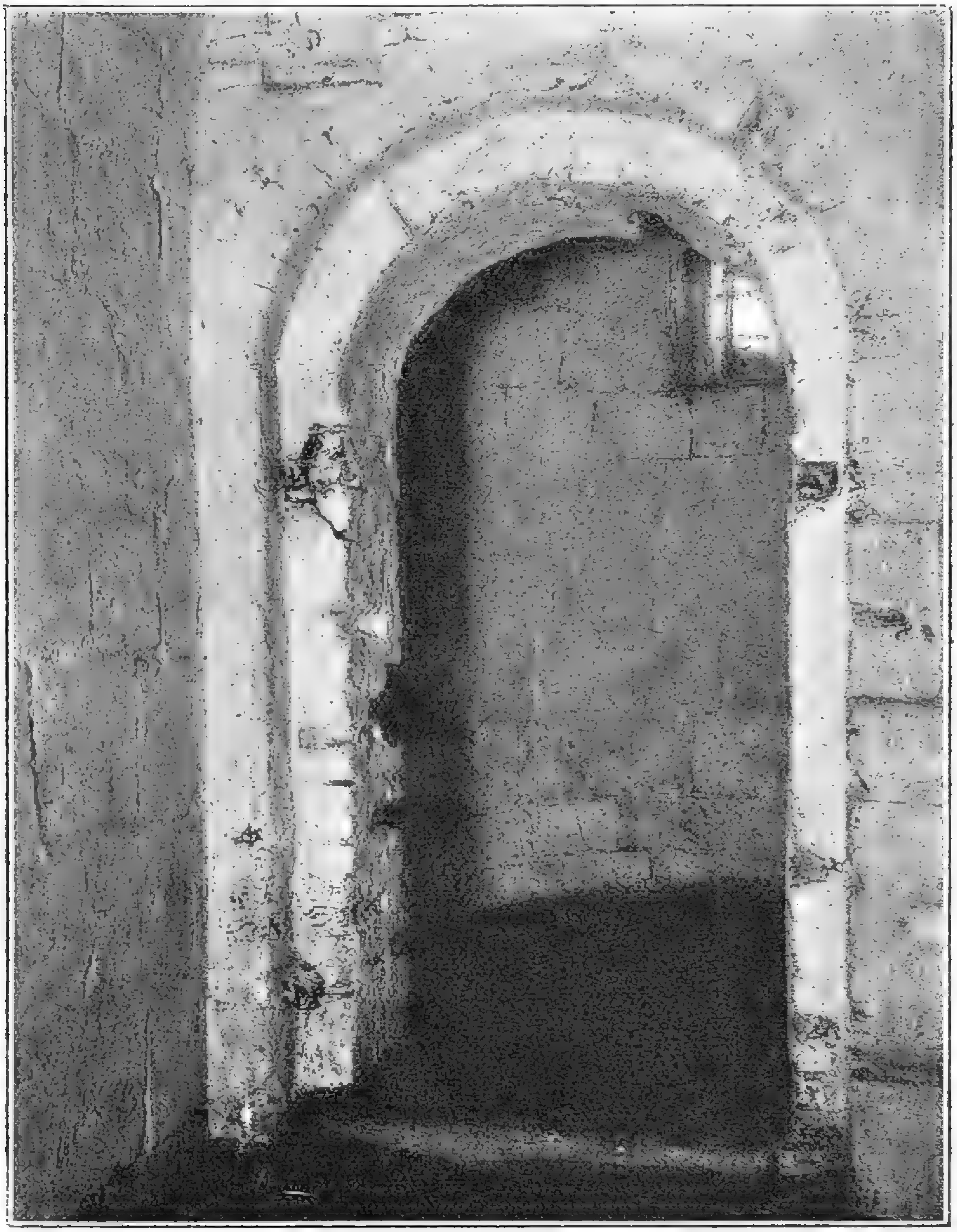
Русскіе измѣнники и Гонсѣвскій опять приступили къ патріарху и требовали: «Напиши Ляпунову и товарищамъ, чтобы они отошли прочь; иначе самъ умрешь лютою смертью». Гермогенъ отвѣчалъ: «Боюсь Одного живущаго на небесахъ! Вы мнѣ сулите злую смерть, а я надѣюсь чрезъ нее получить вѣнецъ и давно желаю пострадать за правду». Патріарха низложили и держали въ тѣсномъ заключеніи въ Чудовомъ монастырѣ въ

подземельѣ, куда ему на веревкѣ спускали въ окно хлѣбъ и воду.

Вмѣсто боярской думы, не имѣвшей у Гонсѣвскаго никакого значенія, вожди ополченій составили изъ себя новое правительство. Но въ средѣ этого правительства не было внутренняго единства и той нравственной чистоты, какія необходимы для совершенія великаго дѣла освобожденія Святой Руси. Теперь Ляпуновъ глубоко одушевленъ былъ патріотическимъ духомъ Гермогена. Но его товарищи еще дышали крамолой: Заруцкій и Трубецкой желали продолженія смуты и со своими полчищами грабили и разоряли русскихъ. Попытки Ляпунова сдержать ихъ и водворить добрый порядокъ въ казачествѣ только разжигали ненависть къ честному и энергическому предводителю. Коварный Гонсѣвскій воспользовался этимъ: подбросилъ въ станъ казацкій грамоту отъ имени Ляпунова, искусно подписанную его почеркомъ, чтобы русскимъ людямъ убивать казаковъ. Тѣ составили кругъ, призвали къ отвѣту Ляпунова и изрубили его саблями [1]). Рухнула съ этимъ поборникомъ за православіе и отечество еще одна опора Россіи, и ополченія городовъ разошлись по домамъ. Скоро послѣ 20-мѣсячной геройской защиты Смоленскъ былъ взятъ поляками. Измѣнникъ Андрей Дешинъ указалъ полякамъ ту часть стѣны, которая была наиболѣе ненадежна. Они, направивъ сюда пушки, пробили ее и обрушились на защитниковъ Смоленска, число которыхъ отъ 80 тысячъ убавилось до 8 тысячъ. Шеинъ долженъ былъ сдаться Потоцкому, а часть смольнянъ заперлась въ соборѣ и взорвала себя на воздухъ. Наше посольство съ митрополитомъ Филаретомъ, княземъ Голицынымъ и бывшимъ царемъ Василіемъ Шуйскимъ отправлено было въ глубь Польши въ заточеніе. Шведы, не желая уступить Польшѣ всю Россію, занявъ теченіе Невы, отъ Орѣшка до нынѣшняго Петербурга, захватили Новгородъ и требовали, чтобы русскіе или объявили своимъ царемъ шведскаго принца Густава-Адольфа или его брата Филиппа, или же признали свои владѣнія страной покоренной. Русскіе крамольные люди еще думали найти себѣ правителя изъ своихъ самозванцевъ: Заруцкій, напр., въ сынѣ Марины Мнишекъ и второго самозванца. 5 августа 1611 года, когда Сапѣга прокрался въ Кремль съ провіантомъ для соотчичей-поляковъ, нѣкто свяженникъ *Радіонъ Мосѣевъ* тайно пробрался въ заключеніе къ патріарху, а тотъ воспользовался этимъ, чтобы

---

[1]) Тѣло его было погребено близъ церкви на Воронцовомъ полѣ, а отсюда, по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича, было перевезено въ Троицкую лавру.



Мѣсто заключенія патріарха Гермогена въ подземельѣ Чудова монастыря.

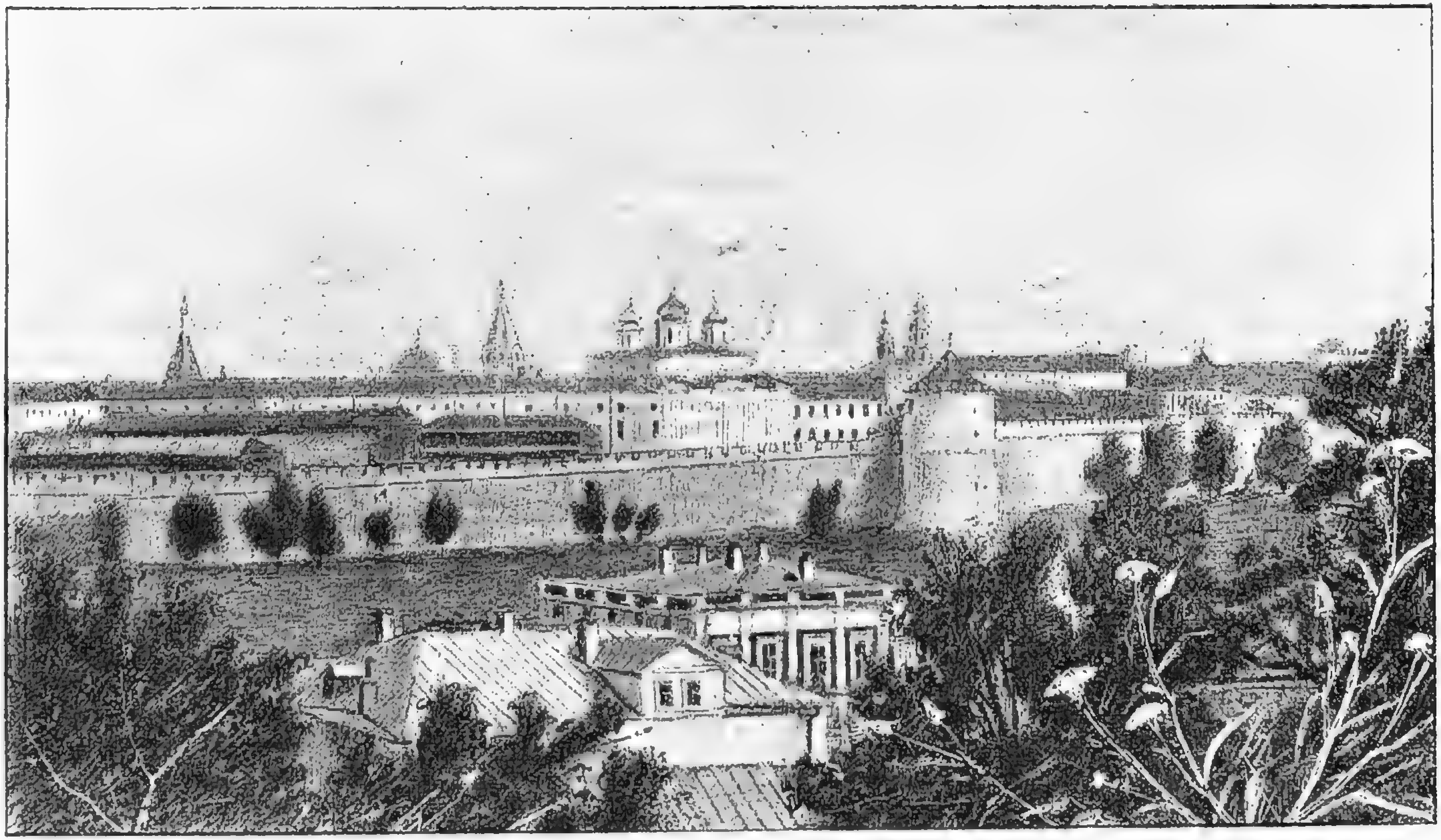
(Воспроизводится впервые). Здѣсь будетъ устроенъ алтарь подземнаго храма, на который уже собираются пожертвованія.

отправить въ Нижній-Новгородъ свою уже послѣднюю грамоту. Вотъ что гласила она:

«Благословеніе архимандритамъ, и игуменамъ, и протопопамъ, и всему святому собору, и воеводамъ, и дьякамъ, и дворянамъ, и

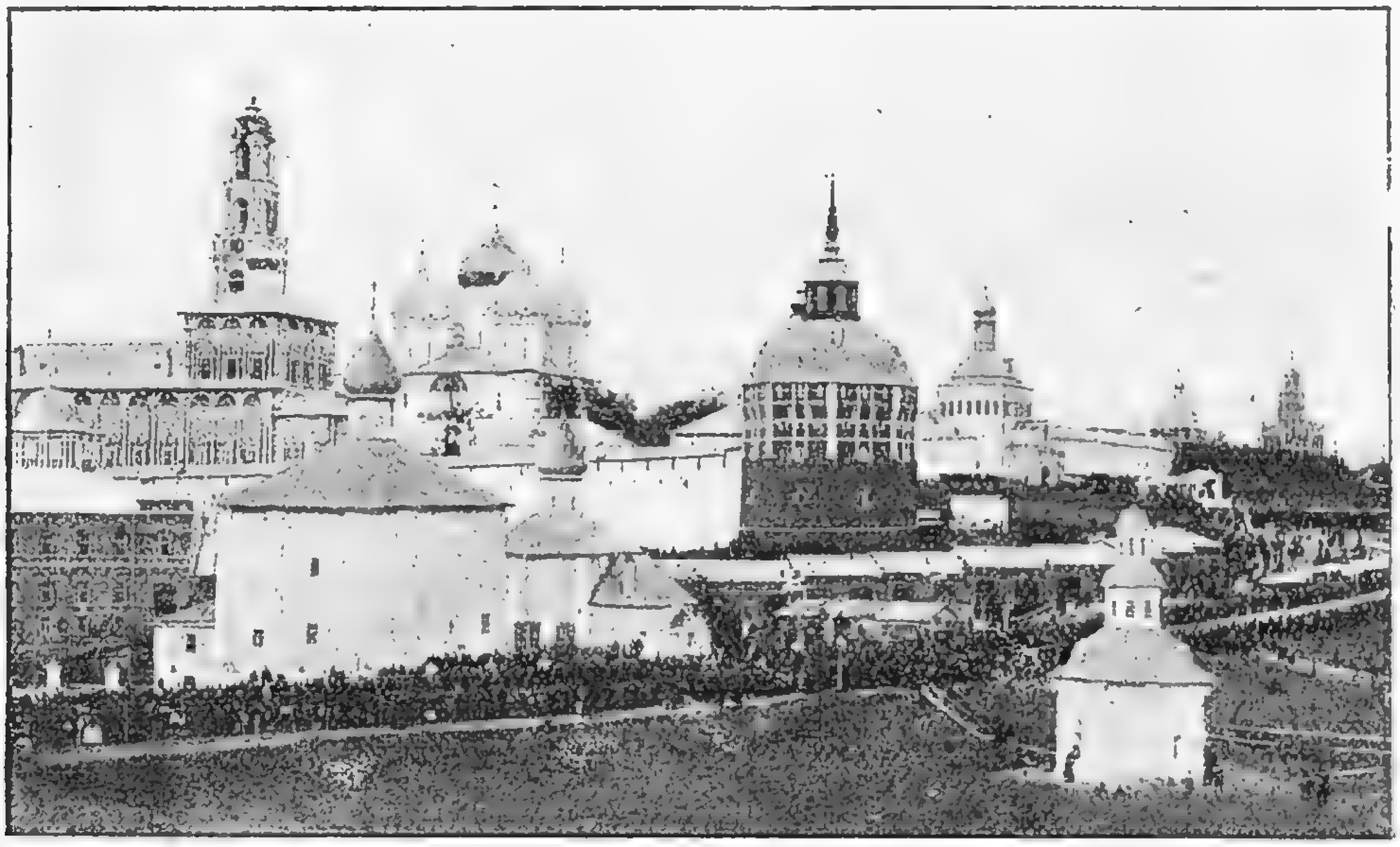
дѣтямъ боярскимъ, и всему міру; отъ патріарха Гермогена Московскаго и всея Русіи миръ вамъ и прощеніе и разрѣшеніе. Да писати бы вамъ изъ Нижняго въ Казань къ митрополиту Ефрему, чтобы митрополитъ писалъ въ полки къ боярамъ учительную грамоту, да и казацкому войску, *чтобы они стояли крѣпко въ вѣрѣ*, и боярамъ бы и атаманьѣ *говорили безстрашно*, чтобы они отнюдь на царство проклятаго Маринкина сына... (не брали)... Я не благословляю. И на Вологду ко властѣмъ пишите жъ, также бы писали въ полки; да и къ Рязанскому (владыкѣ) пишите тожъ, чтобъ въ полки также писалъ къ боярамъ учительную грамоту, чтобъ уняли грабежъ, корчму и развратъ, и имѣли бы чистоту душевную и братство и промышляли бы, какъ реклись, души свои положити за Пречистыя домъ и за чудотворцевъ и за вѣру, такъ бы и совершили; да и во всѣ города пишите, чтобъ изъ городовъ писали въ полки къ боярамъ и атаманьѣ, что отнюдь Маринкинъ (сынъ) ненадобенъ: проклятъ отъ святого собора и отъ насъ. *Да тѣ бы вамъ грамоты съ городовъ собрати къ себѣ въ Нижній-Новгородъ* да пересылати въ полки къ боярамъ и атаманьѣ; а прислати же прежнихъ, коихъ есте присылали, ко мнѣ съ совѣтными челобитными—*свіяженина Радіона Мосѣева да Ратмана Пахомова*, а имъ бы въ полкахъ говорити безстрашно, что проклятый отнюдь не надобе; а хотя буде пострадете, и васъ въ томъ Богъ проститъ и разрѣшитъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ; а въ городы для грамотъ посылати ихъ же, а велѣти имъ *говорить моимъ словомъ*. А вамъ всѣмъ отъ насъ благословеніе и разрѣшеніе въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, что стоите за вѣру неподвижно; а я долженъ за васъ Бога молити».

Эта послѣдняя грамота Гермогена представляетъ огромную важность для выясненія того, какъ онъ глядѣлъ на свою власть въ это наиболѣе смутное,—анархическое время, ужасное и для него лично. Когда правящіе классы или покинули власть на улицѣ, для присвоенія ея каждымъ желающимъ, или направляли ее въ гибельную для отечества сторону, какъ Мстиславскій, Салтыковъ, Андроновъ, Заруцкій и другіе, онъ не поколебался: не только направлялъ церковную власть въ государственныхъ интересахъ, отлучая отъ церкви враговъ государства, но и прямо принялъ на себя самыя важныя полномочія государственной власти, направляя, вопреки требованіямъ правительствующей думы, народъ, его сословія и военныя силы туда, гдѣ видѣлъ спасеніе вѣры и отечества.



Кремль въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Мало того: находясь въ рукахъ поляковъ и измѣнниковъ и ожидая съ часу на часъ мученической смерти, патріархъ, какъ бы великій государь того времени, считалъ себя въ правѣ передовѣрять свои чрезвычайныя государственныя полномочія не только епископамъ, но и архимандритамъ и игуменамъ, а также и боярамъ, дворянамъ, даже ополченіямъ и городскимъ мірамъ или общинамъ; онъ облекалъ государственною властію на такого свойства призывы безстрашныхъ людей, какъ Радіонъ свіяженинъ и Ратманъ Пахомовъ. Вотъ почему, когда въ подземельѣ Чудова монастыря замеръ голосъ патріарха, считали себя въ правѣ обращаться къ народу и преподобный Діонисій съ Авра-



Сергіева лавра.

аміемъ Палицынымъ и нижегородскій протопопъ Савва съ Мининымъ... Но, очевидно, все слагалось такъ, что Россія подпадетъ въ большей своей части подъ власть короля польскаго, какъ подпала западная и юго-западная Русь, и окатоличится и ополячится; другая же часть ея сдѣлается добычей шведовъ и утратитъ свое православіе и народность въ пользу лютеранства и нѣметчины.

Такимъ образомъ наступило самое тяжкое время для нашего отечества. Страшенъ былъ 1812 г., когда Наполеонъ I съ военными силами 20 народовъ Запада вторгся въ Россію. Но тогда у насъ былъ царь, войско, казна и много еще неразоренныхъ врагомъ областей Не то было въ 1611 году. «И было

тогда,—говоритъ современное сказаніе,—такое лютое время Божія гнѣва, что люди и не чаяли впереди спасенія себѣ. Чуть не вся земля Русская запустѣла. И прозвали старики наши это лютое время лихолѣтьемъ... Великій гнѣвъ Божій на людяхъ — глады, моры, зябели на всякій плодъ земной. Звѣри пожирали живыхъ людей, и люди людей ѣли. Плѣненіе было великое людямъ. Жигимонтъ, польскій король, все Московское государство велѣлъ предать огню и мечу, ниспровергнулъ все благолѣпіе Русской земли».

Преподобный Діонисій.
(Съ древней иконы).

Въ малой картинѣ представлялась въ Троицкой лаврѣ въ 1611 и 1612 годахъ вся ужасная гибель Руси: по дорогамъ къ обители преподобнаго Сергія тянулись русскіе люди; на нихъ было страшно взглянуть: они были истомлены голодомъ и болѣзнями; шли израненные; у однихъ были руки отсѣчены, у другихъ глаза были вырваны изъ глазницъ, у третьихъ на спинѣ ремни изъ кожи были выкроены. Шли они къ Троицѣ не для того, чтобы утолить свой голодъ или вылѣчиться. Нѣтъ, русскіе люди умѣютъ безропотно умирать. Но для нихъ тяжко кончать жизнь безъ церковнаго напутствія и жутко остаться безъ христіанскаго погребенія. И вотъ они шли въ Троицкую лавру за могилой и крестомъ. Этимъ сотнямъ и тысячамъ приходившихъ сюда русскихъ людей могли ли ученики преподобнаго Сергія отказать въ пищѣ, одеждѣ и лѣченіи? Они помогали всѣмъ, чѣмъ могли, обративъ лавру въ столовыя для голодающихъ и больницы для недужныхъ, напутствовали св. тайнами умирающихъ, хоронили окончившихъ жизнь. Это неудивительно. Но вотъ что

является поразительнымъ, какъ иноки Сергіевой лавры, видя такое страшное погребальное,—голгоѳское шествіе Русскаго народа, не угасили въ себѣ въ эти дни мрачные, дни отчаянныхъ ужасовъ, надежды и вѣры въ возможность спасенія отечества, по всѣмъ признакамъ погибавшаго безвозвратно. Нѣтъ, у нихъ свѣща вѣры и надежды, такъ ярко зажженная патріархомъ Гермогеномъ, не погасла и свѣтомъ своимъ озарила и оживила погибавшую Русь. Когда голосъ Гермогена умолкъ подъ сводами Чудова монастыря, когда палъ мертвымъ послѣдній надежный защитникъ Руси, Прокопій Ляпуновъ, смиренный настоятель обители преподобнаго Сергія, св. Діонисій, вмѣстѣ съ Аврааміемъ Палицынымъ, беретъ на себя государственную задачу и власть призвать Русскій народъ на послѣднюю вооруженную борьбу съ поляками и измѣнниками. Онъ посадилъ въ своихъ кельяхъ писцовъ скорыхъ писать грамоты, въ которыхъ именемъ Пресвятой Троицы и преподобнаго Сергія призывалъ всѣхъ русскихъ православныхъ людей на подвигъ спасенія отечества, молилъ служилыхъ и всѣхъ прочихъ людей быть въ соединеніи и сообща стать противъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. «Помяните и смилуйтесь надъ видимою общею смертною погибелью, — говорили эти грамоты.—Пусть служилые люди безъ всякаго мѣшканья спѣшатъ къ Москвѣ, на сходъ къ боярамъ и воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Сами знаете, что всякому дѣлу одно время; безвременное же начинаніе суетно бываетъ; хотя бы и были въ вашихъ предѣлахъ какія неудовольствія, ради Бога отложите ихъ на время, чтобы вамъ сообща потрудиться для избавленія православной вѣры, пока ко врагамъ помощь не пришла. Смилуйтесь, сдѣлайте это поскорѣе»... Монахи, садясь на коней, развозили эти поразительно трогательныя грамоты обители преподобнаго Сергія; онѣ всюду читались въ храмахъ съ горячимъ и глубочайшимъ сочувствіемъ и поднимали поникнувшій духъ народа на святое дѣло послѣдней, смертной борьбы за вѣру и отечество.

Особенно яркій и сильный подъемъ патріотическаго одушевленія вызвали онѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ концѣ 1611 года привезена была такая грамота отъ Троицы въ эту столицу Поволжья. Въ непраздничный день зазвонили въ соборѣ въ большіе колокола, собрался народъ, и послѣ обѣдни Нижегородскій протопопъ Савва прочиталъ троицкую грамоту, сказалъ о гибели отечества отъ враговъ и призвалъ всѣхъ постоять за чистую и непорочную

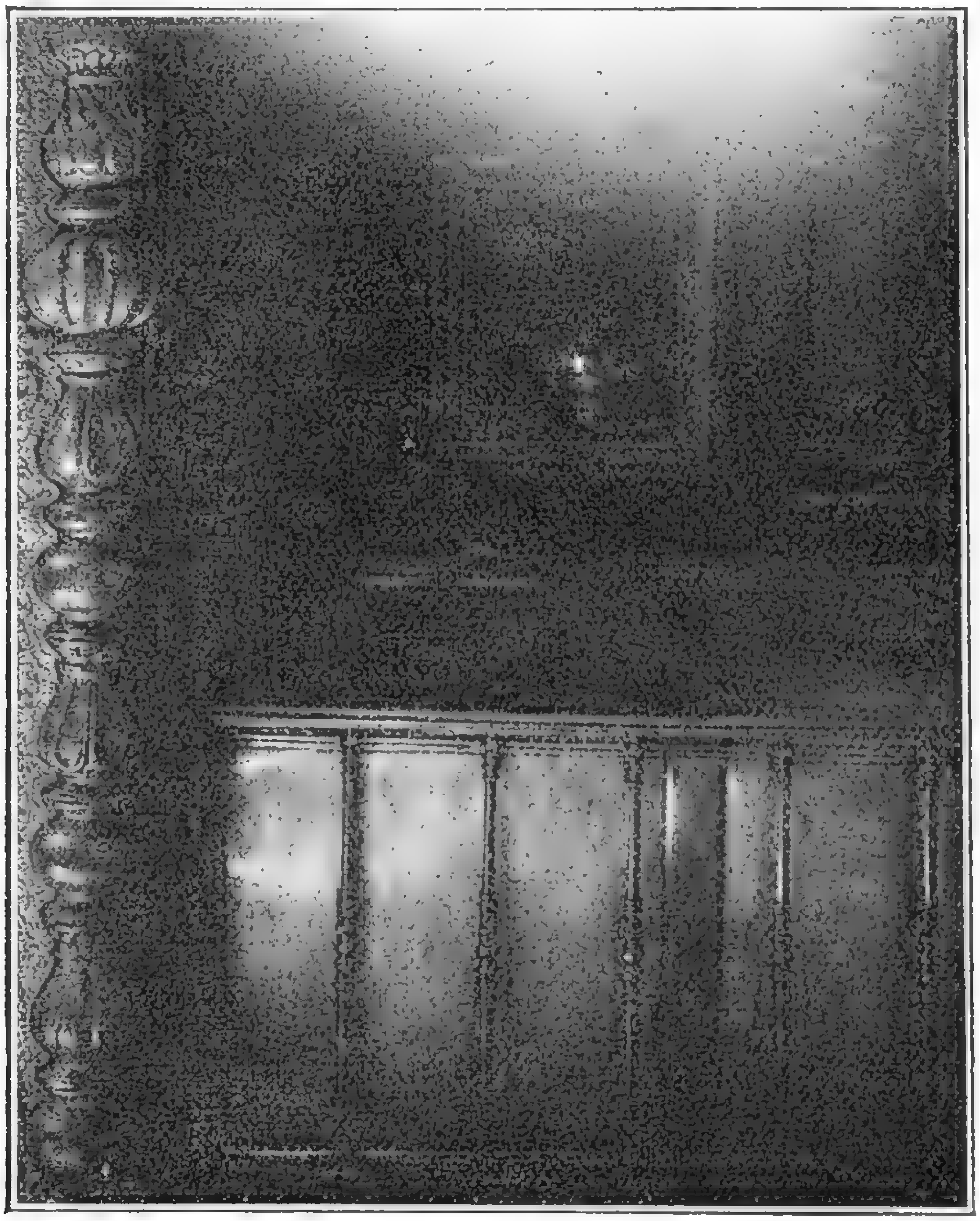
Христову вѣру, за всероссійскій соборъ Успенія Богородицы, за многоцѣлебныя мощи московскихъ чудотворцевъ. Народъ въ глубокомъ волненіи плакалъ, готовый послѣдовать святымъ призывамъ, и рѣшился отдать все до послѣдней капли крови.

Князь Пожарскій и Козьма Мининъ.
По *В. В. Верещагину.*

Когда всѣ выходили изъ Божьяго храма, народъ былъ остановленъ на площади простою, но сильною рѣчью торговаго человѣка, земскаго старосты Козьмы Захаровича Минина; онъ говорилъ: «Православные! Если хотимъ помочь Московскому государству, не пожалѣемъ ничего: дворы и дома свои продадимъ, заложимъ женъ и дѣтей, но соберемъ казну на ратныхъ людей. Станемъ бить челомъ и искать, кто бы вступился за истинную православную вѣру и сталъ бы у насъ начальникомъ. Дѣло великое совершимъ, если Богъ поможетъ. Только мы поднимемся, другіе города пристанутъ къ намъ, и всѣ избавимся отъ враговъ».

Благодатной рѣкой тутъ же полились пожертвованія и отъ бѣдныхъ и отъ богатыхъ. Одни отдавали все свое имущество, другіе—половину или треть; послѣдняя, по общему приговору, стала обязательной. Женщины снимали съ себя кольца и серьги и отдавали Минину. Нищіе отдавали послѣднія копейки.

Нижегородцы отправили посольство къ лѣчившемуся отъ ранъ, полученныхъ въ Москвѣ отъ поляковъ, въ помѣстьи



Гробница патріарха Гермогена въ Успенскомъ соборѣ.

Суздальскаго уѣзда, князю Д. М. Пожарскому, просить его въ начальники народнаго ополченія. Онъ отвѣчалъ, что радъ за православную вѣру страдать до смерти, и посовѣтовалъ для завѣдыванія казной избрать особое лицо и указалъ при этомъ на Минина. Все было исполнено.

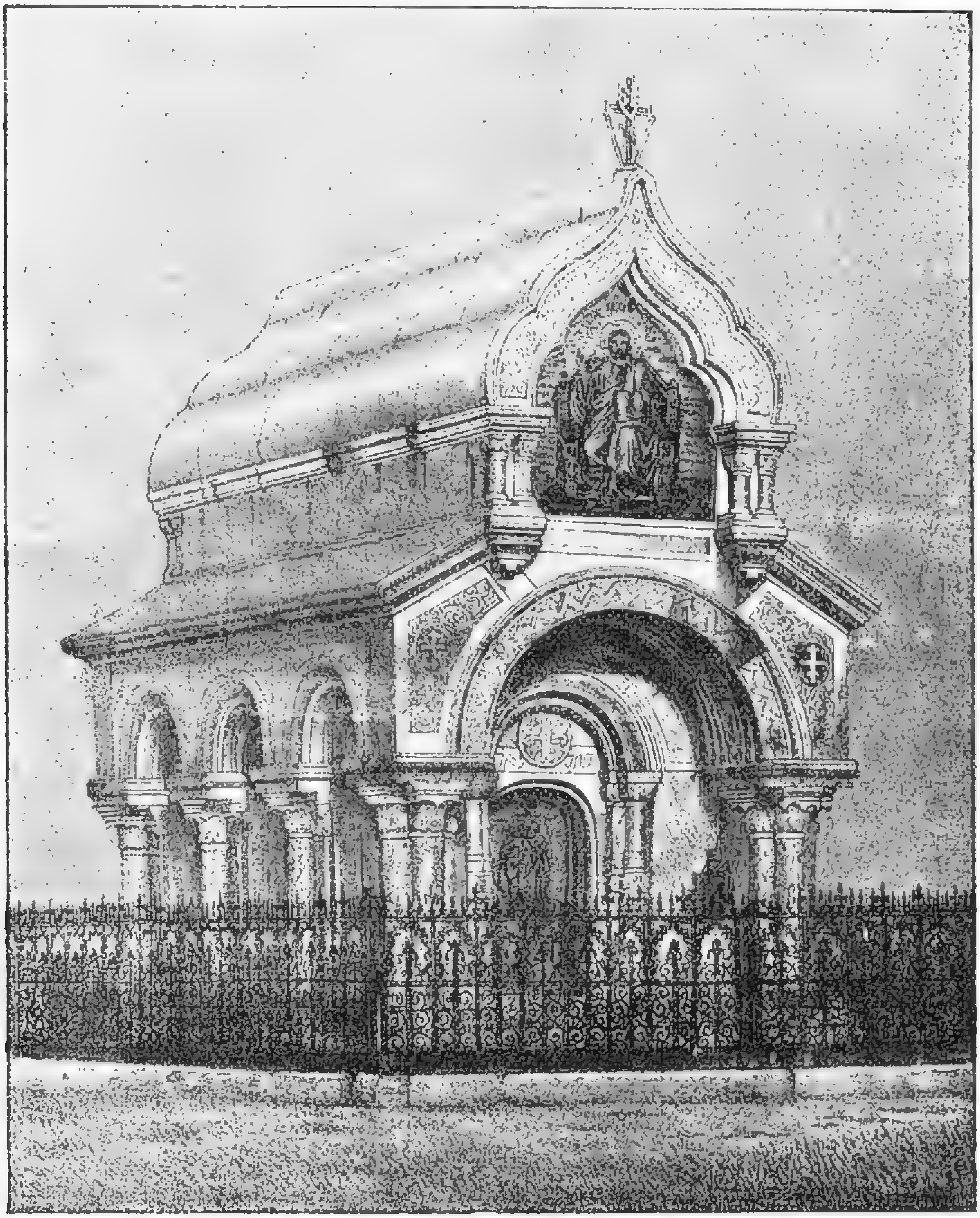
Дружно стали устраиваться въ разныхъ городахъ и уѣздахъ народныя ополченія и стекаться вмѣстѣ съ пожертвованіями въ Нижній-Новгородъ, отсюда они въ слѣдующемъ 1612 году двину-

лись къ Ярославлю. Всполошились въ Кремлѣ поляки, а подъ Москвой казаки. Первые опять, въ послѣдній уже разъ, приступили къ патріарху Гермогену, чтобы онъ написалъ увѣщаніе ополченіямъ оставаться вѣрными Владиславу. Но онъ сказалъ: «Да будетъ надъ ними милость Божія и отъ нашего смиренія благословеніе, а на измѣнниковъ да изліется гнѣвъ Божій, а отъ нашего смиренія да будутъ прокляты они въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ». Это были предсмертныя слова великаго старца: поляки перестали спускать хлѣбъ и воду въ подземелье и уморили голодомъ величайшаго изъ русскихъ патріотовъ. Такъ, 17 февраля 1612 г. окон-

Князь Пожарскій въ битвѣ подъ Москвой въ 1612 году.

чилъ свою святую жизнь этотъ священно-мученикъ. Современныя свидѣтельства называютъ его «противу враговъ крѣпкимъ и непобѣдимымъ стоятелемъ, твердымъ адамантомъ, непоколебимымъ столпомъ, сильнымъ поборникомъ по православной, истинно-христіанской вѣрѣ, новымъ ея исповѣдникомъ». Избавившись отъ него, враги задумали погубить и вождя народныхъ ополченій. Казаки Заруцкаго отправили убійцу въ Ярославль на князя Пожарскаго, онъ занесъ надъ нимъ ножъ, но, поранивъ одного стоявшаго близъ князя, промахнулся и не успѣлъ въ своемъ замыслѣ. Этотъ доблестный вождь народныхъ ополченій грамотами своими призывалъ въ 1612 году русскихъ людей на помощь отечеству: «Вамъ бы, помня Бога и свою православную

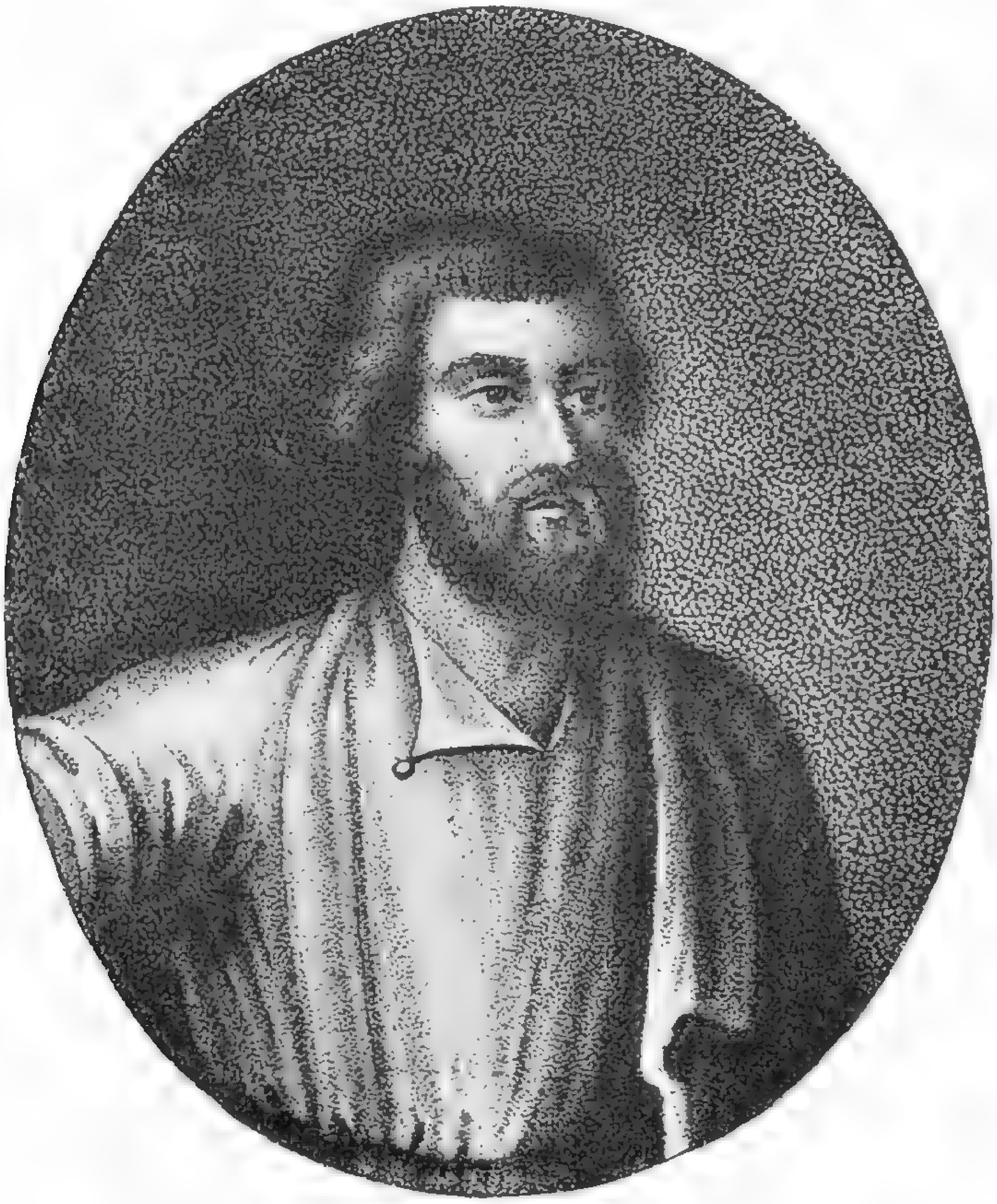
христіанскую вѣру,—писалъ онъ,—совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ, какъ бы намъ въ нынѣшнее конечное разоренье быть не безгосударнымъ, чтобы намъ по совѣту всей земли выбрать сообща государя, кого Богъ милосердный дастъ, чтобы



Памятникъ надъ могилою князя Пожарскаго въ Суздалѣ.

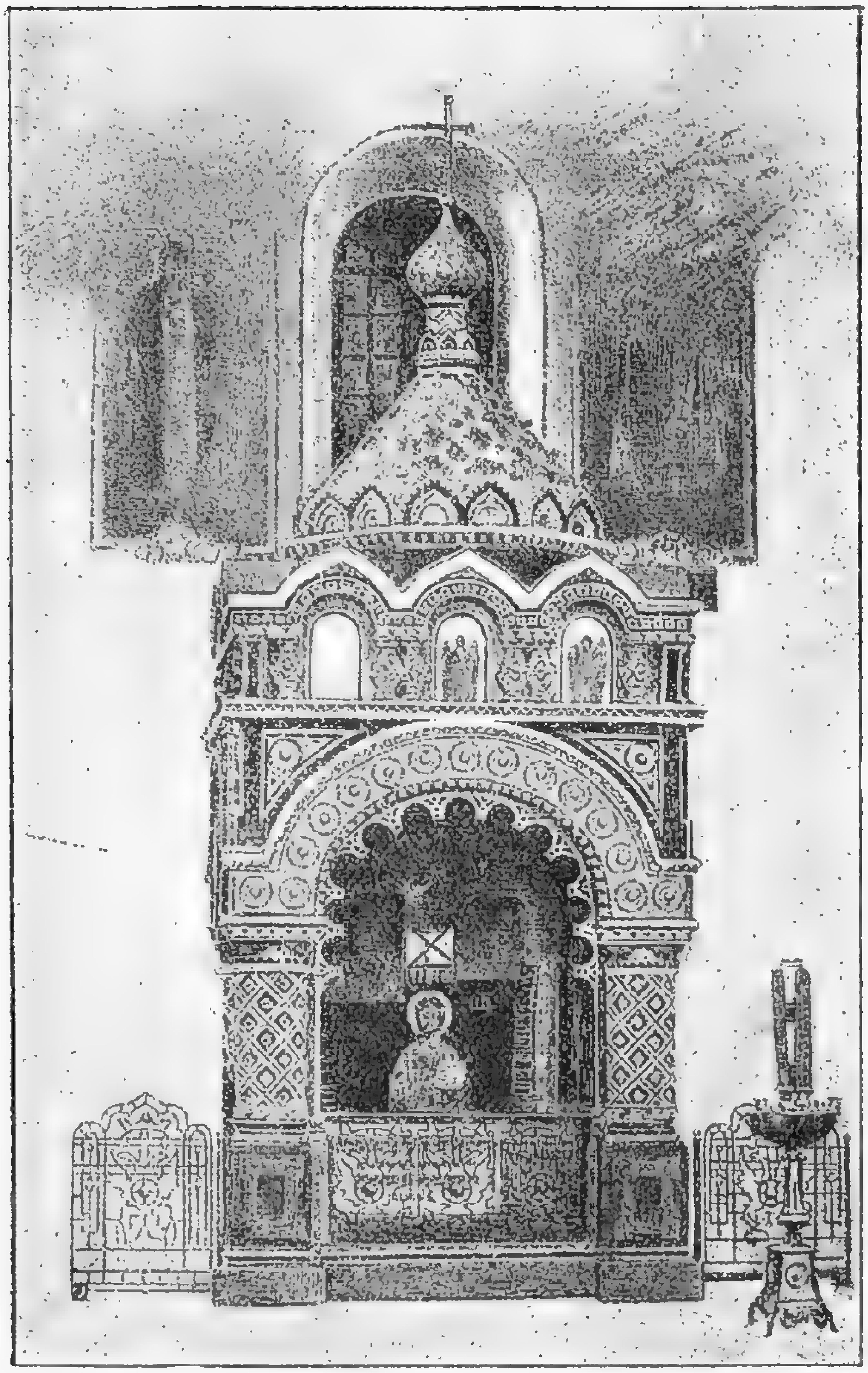
московское государство въ конецъ не разорилось бы. Сами вѣдаете, господа, какъ намъ стоять безъ государя противъ общихъ враговъ, польскихъ, литовскихъ и нѣмецкихъ людей и русскихъ воровъ... Какъ намъ безъ государя о великихъ госу-

дарственныхъ и земскихъ дѣлахъ съ окрестными государствами ссылаться»... Радостно встрѣтили у Троицы Пожарскаго и его сподвижниковъ. Заруцкій съ Мариной и ея сыномъ бѣжалъ на югъ, Трубецкой звалъ къ себѣ въ станъ народное ополченіе. Но оно не довѣряло прежнему тушинцу. Нужно было торопиться, потому что къ Москвѣ подходилъ панъ Хоткевичъ съ вспомогательными польскими отрядами. Народныя ополченія прибыли



Мининъ.
Съ рисунка для памятника, поставленнаго на Красной площади.

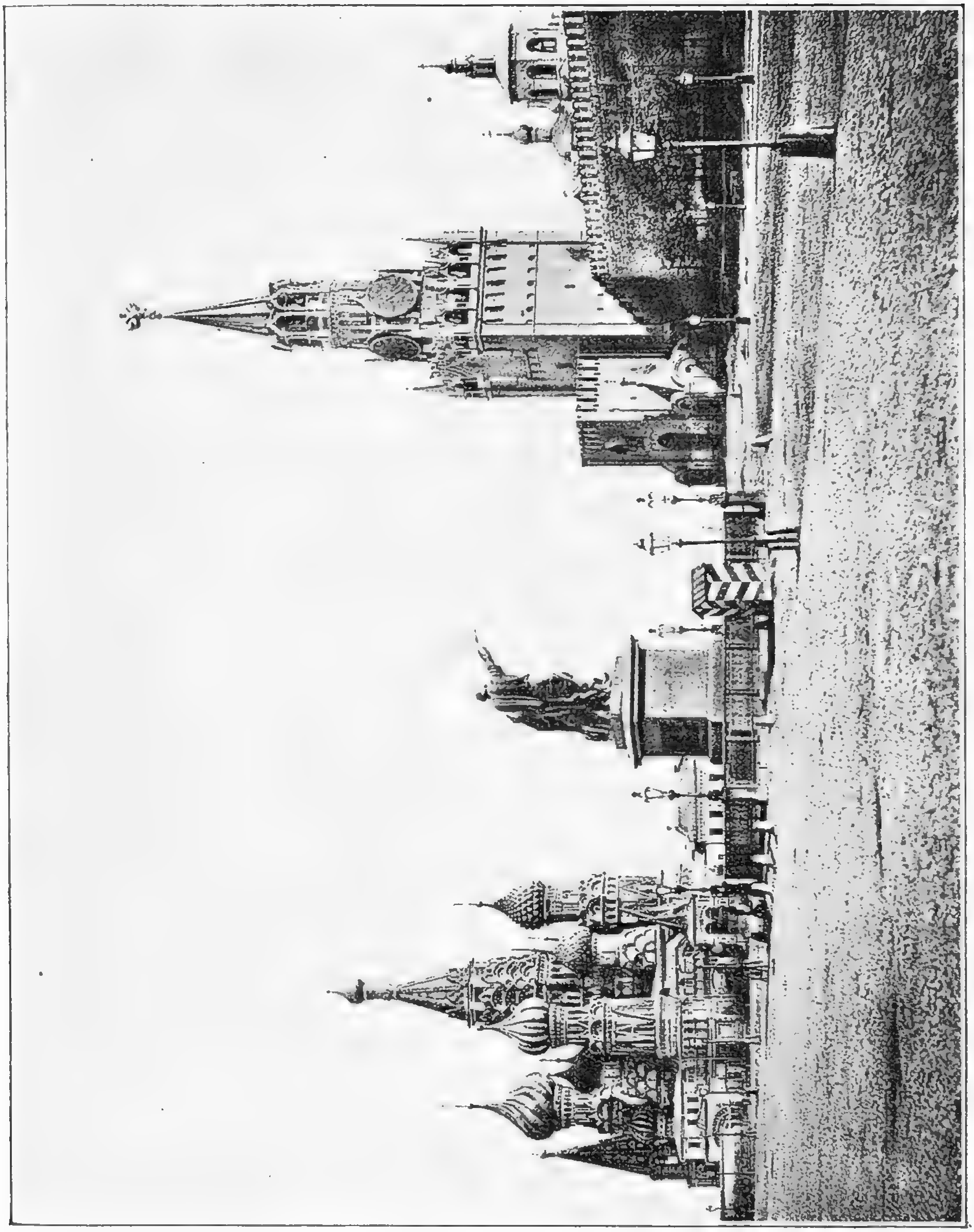
въ сожженную Москву въ двадцатыхъ числахъ августа 1612 года и прямо должны были сражаться съ поляками Хоткевича. Въ нѣсколькихъ битвахъ: у Арбатскихъ воротъ, у Крымскаго брода и за Москвою рѣкою они были къ 24 августа побиты. Хоткевичъ съ своими поляками ушелъ 25 августа, а польскій гарнизонъ былъ осажденъ. Сначала онъ былъ вытѣсненъ (въ сентябрѣ 1612 года) изъ Китай-города и принужденъ запереться въ Кремлѣ, гдѣ осажденные должны были, вслѣдствіе голода, ѣсть воронъ,



Гробница Минина въ Нижегородскомъ соборѣ.

галокъ, крысъ и даже питаться людскими трупами. Поляки, чтобы освободиться отъ лишнихъ ртовъ, выпустили изъ Кремля семьи бояръ и въ ихъ числѣ семью бояръ Романовыхъ съ юнымъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Истомленный голодомъ польскій гарнизонъ вынужденъ былъ, наконецъ, сдаться, 22 октября, въ день Казанской Богоматери, когда русскіе двинулись къ Кремлю на приступъ. 26 октября на Красной площади у Лобнаго мѣста сошлись два крестныхъ хода, одинъ съ иконой Владимірской Богоматери вышелъ изъ Кремля, другой съ иконой Казанской Богоматери шелъ изъ сожженной Москвы. Во главѣ послѣдняго находился преподобный Діонисій; встрѣча ихъ послѣдовала у Лобнаго мѣста на Красной площади.

Печать князя Пожарскаго.



Красная площадь.

II.

Избраніе на царство Михаила Θеодоровича и возстановленіе имъ Русскаго государства.

По очищеніи Москвы отъ поляковъ въ 1612 году, временное правительство, во главѣ коего стояли князья Пожарскій и Трубецкой, разослало грамоты по городамъ съ приглашеніемъ прислать властей и выборныхъ въ Москву «для великаго дѣла». Въ этихъ грамотахъ говорилось, что «Москва отъ польскихъ и литовскихъ людей очищена, церкви Божіи въ прежнюю лѣпоту облеклись, и Божіе имя славится въ нихъ попрежнему. Но безъ Государя Московскому государству стоять нельзя, печься о немъ и людьми Божіими промышлять некому; безъ Государя вдосталь Московское государство разорилось все: безъ Государя государство ничѣмъ не строится, и воровскими заводами на многія части раздѣляется, и воровство многое множится»; а потому бояре и воеводы приглашали, чтобъ всѣ духовныя власти были къ нимъ въ Москву; изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, поскольку человѣкъ пригоже,

Заглавный листъ рукописи XVII вѣка [1]).

для земскаго совѣта и государскаго избранія, всѣ города прислали бы въ Москву жъ, и чтобъ эти власти и выборные лучшіе люди договорились въ своихъ городахъ накрѣпко и взяли у всякихъ людей о государскомъ избраньи полные договоры. Когда,

---

[1]) Рукопись была составлена для царя Алексѣя Михайловича въ посольскомъ приказѣ и хранится въ Московскомъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ.

въ началѣ 1613 г., съѣхалось довольно много властей и выборныхъ, назначенъ былъ трехдневный постъ, послѣ котораго начались собранія Земскаго собора. Прежде всего стали разсуждать о томъ, выбирать ли изъ иноземныхъ королевскихъ домовъ или своего природнаго русскаго, и порѣшили «литовскаго и шведскаго короля и ихъ дѣтей и иныхъ нѣмецкихъ вѣръ и нѣкоторыхъ государствъ иноязычныхъ не христіанской вѣры—греческаго закона на владимірское и московское государство не избирать, а Маринки и сына ея на государство не хотѣть, потому что польскаго и нѣмецкаго короля видѣли на себѣ неправду и крестное преступленье и мирное нарушенье; литовскій же король Московское государство разорилъ, а шведскій король Великій Новгородъ взялъ обманомъ». Стали выбирать своихъ: тутъ начались волненія, всякій хотѣлъ по своей мысли дѣлать, всякій хотѣлъ своего, нѣкоторые хотѣли и сами престола, засылали; образовались стороны, но ни одна изъ нихъ не брала верху. Однажды, говоритъ лѣтопись, какой-то дворянинъ изъ Галича принесъ на соборъ письменное мнѣніе, въ которомъ говорилось, что ближе всѣхъ по родству съ прежними царями былъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, его и надобно избрать въ цари. Раздались голоса недовольныхъ: «кто принесъ такую грамоту, кто, откуда?» Въ то время выходитъ донской атаманъ и также подаетъ письменное мнѣніе. «Что это ты подалъ, атаманъ?» спросилъ его князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. «О природномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ», отвѣчалъ атаманъ. Одинаковое мнѣніе, поданное дворяниномъ и донскимъ атаманомъ, довершило уже назрѣвшее рѣшеніе: Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ избранъ царемъ. Но еще не всѣ выборные находились въ Москвѣ; послали звать ихъ въ Москву для общаго дѣла; послали также надежныхъ людей по горо-

Михаилъ Ѳеодоровичъ.
Съ древняго портрета.

дамъ и уѣздамъ узнать мысль народа относительно новаго избранника, и окончательное рѣшеніе отложили на двѣ недѣли, отъ 8 до 21 февраля 1613 года. Наконецъ пріѣхали и запоздавшіе выборные, возвратились посланники изъ областей съ извѣстіемъ, что народъ съ радостію признаетъ Михаила Романова царемъ. 21 февраля, въ недѣлю православія, т.-е. въ первое воскресенье великаго поста, въ первопрестольномъ храмѣ Успенія происходилъ послѣдній соборъ: каждый чинъ подалъ письменное мнѣніе, и всѣ эти мнѣнія найдены сходными, всѣ чины указывали на одного человѣка—Михаила Ѳеодоровича Романова, «да будетъ онъ царемъ-государемъ». Тогда рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, троицкій келарь Авраамій Палицынъ, новоспасскій архимандритъ Іосифъ и бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ взошли на Лобное мѣсто и спросили у народа, наполнявшаго Красную площадь, кого они хотятъ въ цари. «Михаила Ѳеодоровича Романова», былъ отвѣтъ.

Старинный родъ бояръ Романовыхъ, пришедшій въ Россію изъ Пруссіи въ XIII вѣкѣ, издавна славился своимъ незапятнаннымъ ничѣмъ благородствомъ и приблизился къ царскому престолу еще при Іоаннѣ IV, который взялъ себѣ изъ этого рода въ супруги дочь окольничаго и воеводы Романа Юрьевича (Захарьина)—Анастасію Романовну, оставившую по себѣ добрую память и въ исторіи и въ народѣ своимъ добрымъ вліяніемъ на этого перваго Русскаго царя. Ея братъ, бояринъ Никита Романовичъ,—ходатай за опальныхъ предъ Грознымъ государемъ—пріобрѣлъ такую славу въ народѣ, что сталъ предметомъ его пѣсенъ и, какъ дядя престолонаслѣдника Ѳеодора Іоанновича, былъ у послѣдняго сдѣланъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ членомъ верховной думы, вмѣстѣ съ княземъ Мстиславскимъ, Бѣльскимъ и Борисомъ Годуновымъ. Его сынъ Ѳеодоръ Никитичъ, какъ двоюродный братъ царя Ѳеодора Іоанновича, пользовался при немъ большимъ значеніемъ, которое поддерживалось его высокими личными, какъ душевными, такъ и тѣлесными, качествами. Онъ обладалъ большимъ природнымъ умомъ, который развилъ образованіемъ: въ молодости онъ не только усвоилъ тогдашнее славяно-русское образованіе, но и научился отъ проживавшихъ въ Москвѣ англичанъ латинскому языку, бывшему въ ту пору международнымъ языкомъ всей образованной Европы. Онъ былъ назначенъ намѣстникомъ въ Нижній-Новгородъ и былъ членомъ государевой думы. Высокій, стройный, красивый, привѣтливый, онъ выдѣлялся изъ бояръ своею царственной осанкой. Всегда прекрасно одѣтый, онъ заставлялъ любоваться собою народъ, особенно, когда сидѣлъ

верхомъ на конѣ. Преданіе говоритъ, что умиравшій бездѣтный царь Θеодоръ Іоанновичъ желалъ по смерти своей передать престолъ Θеодору Никитичу, но царская власть перешла къ шурину послѣдняго представителя дома св. Владиміра—Борису Годунову, который, видя въ родѣ Романовыхъ самыхъ сильныхъ соперниковъ себѣ и своей династіи, подвергъ всѣхъ ихъ тяжкимъ, но не заслуженнымъ гоненіямъ, которыя только возвысили значеніе Романовыхъ въ народѣ, окруживъ ихъ вѣнцомъ мученичества. Всѣ сыновья боярина Никиты Романовича были отправлены Годуновымъ въ тяжкое заточеніе. Александръ, Василій и Михаилъ Никитичи не пережили этой опалы. Лѣтописцы говорятъ, что Александра удавили у береговъ Бѣлаго моря. Василій и Иванъ были посланы въ Пелымъ, гдѣ первый умеръ отъ дурного обращенія съ нимъ приставовъ. Михаила Никитича держали въ земляной тюрьмѣ въ Ныробской области, близъ Чердыни. До сихъ поръ въ тамошней церкви показываютъ тяжелыя цѣпи, въ которыя былъ закованъ этотъ страстотерпецъ. Θеодора же Никитича насильно постригли въ монахи въ Сійскомъ монастырѣ подъ именемъ Филарета и держали подъ особо бдительнымъ надзоромъ. Жену его, Ксенію Іоанновну, изъ рода Шестовыхъ, постригли подъ именемъ Марθы и сослали въ Зоонежье въ Егорьевскій погостъ, Толвуйской волости. Малолѣтній ихъ сынъ, Михаилъ Θеодоровичъ, родившійся 12 іюля 1596 г., вмѣстѣ съ сестрою и теткою Анастасіей Никитичной, былъ сосланъ на Бѣлое озеро. Такое тяжелое дѣтство, безъ заботъ и ласки матери и отца, положило на всю жизнь будущаго царя оттѣнокъ грусти. Филаретъ Никитичъ,—какъ доносилъ Годунову приставъ Воейковъ,—сильно тосковалъ о семьѣ и говорилъ: «Милыя мои дѣтки, маленькія, бѣдныя, остаются—кто-то будетъ ихъ кормить, поить? А жена моя бѣдная жива ли? Чаю, гдѣ-нибудь туда ее заточили, что и слухъ не зайдетъ. Охъ, мнѣ лихо, что—жена и дѣти: какъ помянешь ихъ, такъ словно рогатиной въ сердце кольнетъ. Хоть бы ихъ раньше Богъ прибралъ!» Но Господь судилъ иначе.

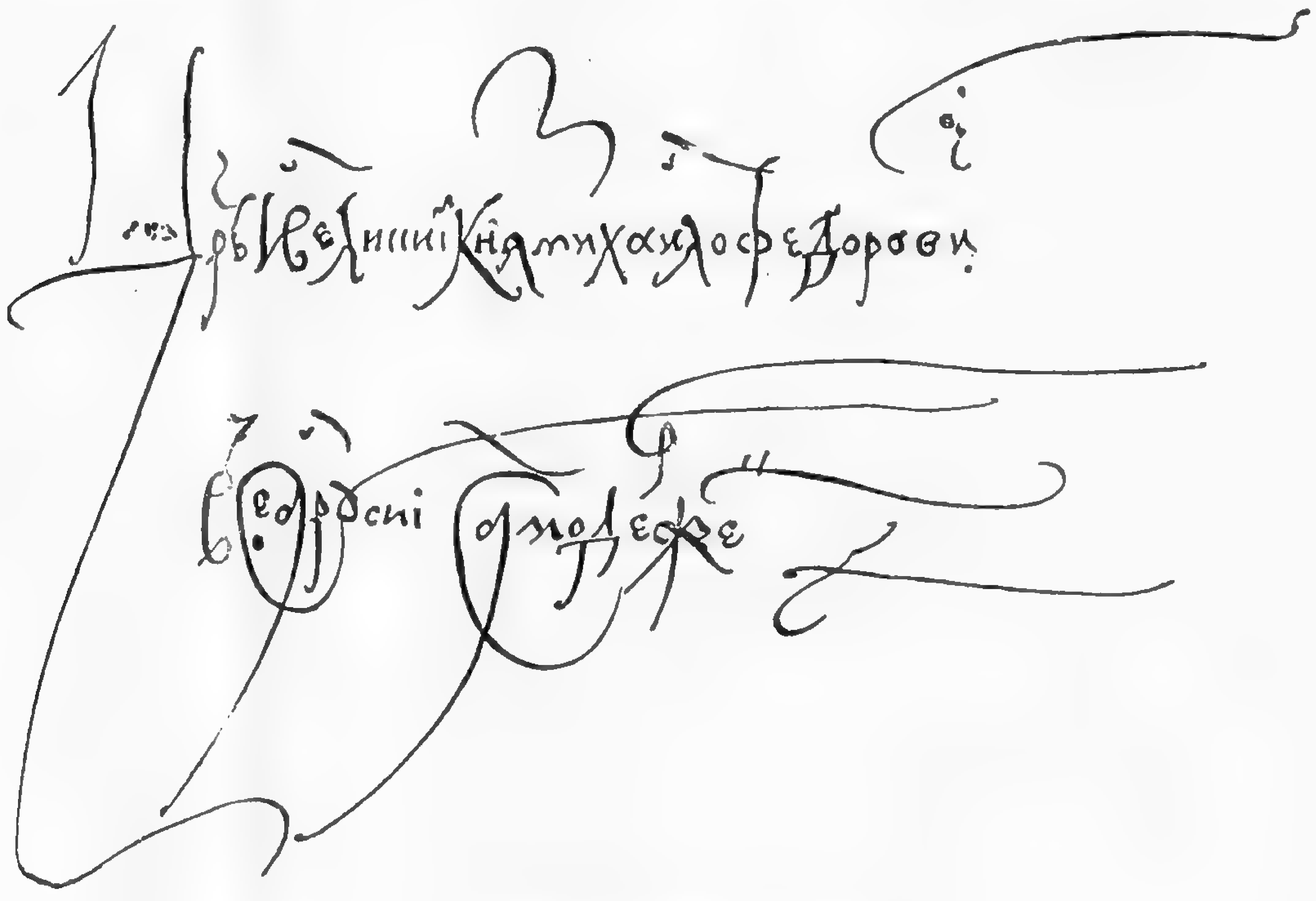
Съ паденіемъ Годуновыхъ и воцареніемъ Лжедимитрія I участь оставшихся въ живыхъ Романовыхъ измѣнилась. Возвращенный изъ ссылки Иванъ Никитичъ былъ возведенъ въ санъ боярина, а отецъ будущаго государя Филаретъ Никитичъ былъ посвященъ въ митрополита Ростовскаго и въ согласіи съ патріархомъ Гермогеномъ стоялъ за царя Василія Іоанновича Шуйскаго. Онъ ѣздилъ въ Угличъ за мощами царевича Димитрія, а когда города одинъ за другимъ начали признавать царемъ ту-

Бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ. *По Рѣпину.*

Послы Земскаго собора спрашиваютъ народъ, кого онъ желаетъ видѣть на Русскомъ царствѣ? (Изъ книги XVII вѣка «Объ избраніи на престолъ Михаила Θеодоровича Романова».)

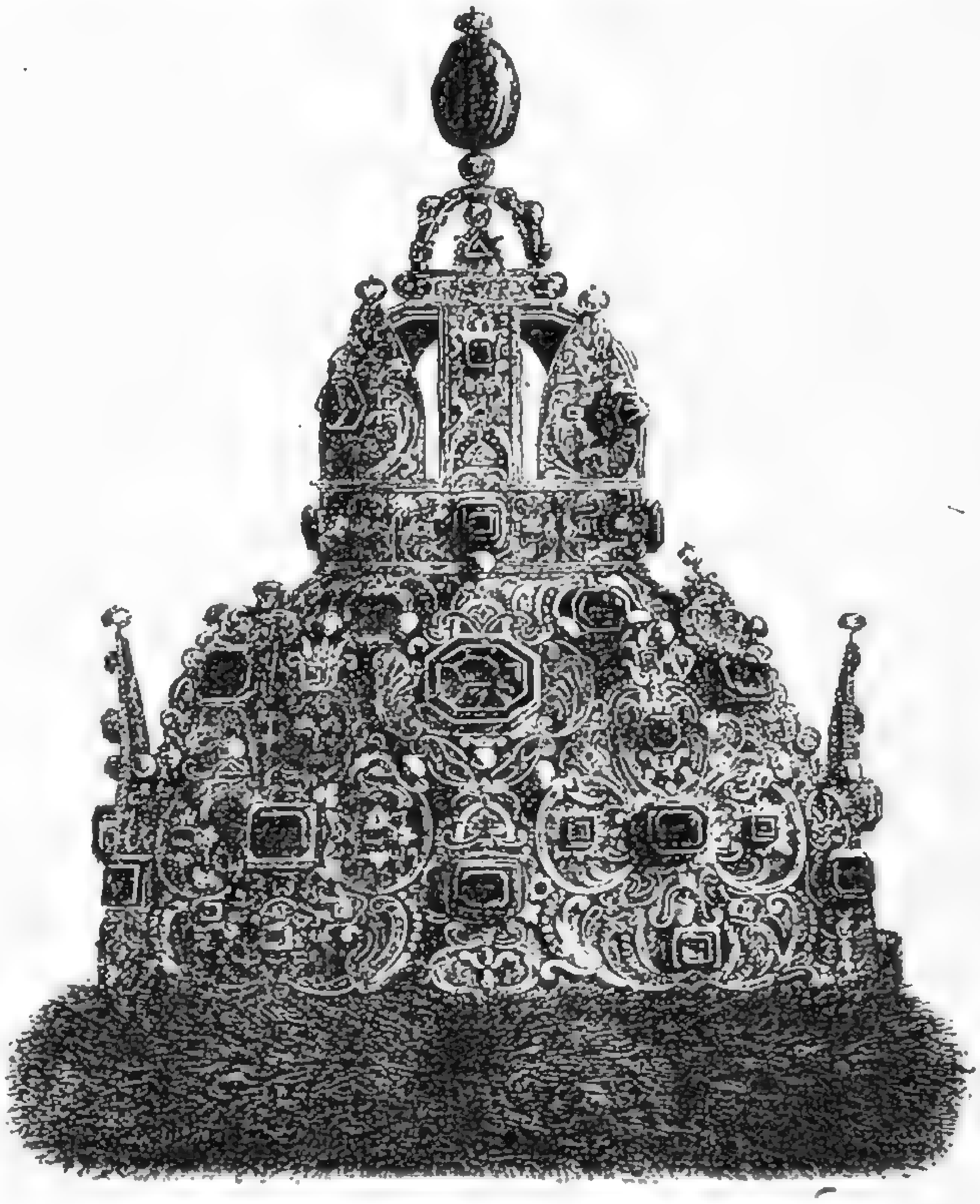
шинскаго вора, Филаретъ Никитичъ удерживалъ Ростовъ въ повиновенiи Шуйскому. Лжедимитрiй II приказалъ, во что бы то ни стало, привести митрополита въ свой станъ. 11 октября 1608 года переяславцы съ московскими людьми, присланными Сапѣгою изъ-подъ Троицы, напали врасплохъ на Ростовъ. Филаретъ Никитичъ облачился въ святительскiя одежды и сталъ въ церкви съ народомъ. Когда же переяславцы ворвались въ храмъ, митрополитъ сталъ уговаривать ихъ не измѣнять законной присягѣ. Но тѣ не послушались, сорвали съ митрополита священныя одежды, надѣли на него сермягу и татарскую шапку и съ жестокимъ издѣвательствомъ отвезли этого «добраго страдальца за Русскую землю» въ Тушино, гдѣ самозванецъ принялъ его съ почетомъ и даже поставилъ патрiархомъ, вмѣсто Гермогена.

«Филаретъ,—говоритъ Авраамiй Палицынъ,—былъ разуменъ, не склонялся ни направо, ни налѣво». Находясь въ самозванческихъ рукахъ, онъ совершалъ у него церковныя службы. Тѣмъ не менѣе, строгiй къ измѣнникамъ патрiархъ Гермогенъ въ своихъ грамотахъ къ народу говорилъ, что Филаретъ не своею волею, а по нуждѣ находится въ Тушинѣ, что за это первосвятитель не порицаетъ его, а молитъ за него Бога. По распаденiи тушинскаго лагеря Филаретъ Никитичъ, какъ было уже говорено, отправленъ былъ изъ Москвы подъ Смоленскъ во главѣ ве-



Собственноручная подпись.

ликаго посольства къ королю Сигизмунду, гдѣ его мужественное единомысліе съ Гермогеномъ и доблестный патріотизмъ окружали въ глазахъ народа его личность еще новою славою радѣльца и страдальца за отечество. Намѣчавшійся въ цари и Өеодоромъ Іоанновичемъ и самимъ народомъ онъ, какъ инокъ, не могъ уже взойти на престолъ, но, вопреки своимъ намѣреніямъ, невольно проложилъ путь къ царству своему сыну, который былъ избранъ народомъ, несмотря на свою юность и происки искателей престола.



Царскій вѣнецъ Михаила Өеодоровича.

Провозгласивши царемъ шестнадцатилѣтняго Михаила Өеодоровича, земскій соборъ, или великая земская дума, назначилъ ѣхать къ нему въ челобитчикахъ: Өеодориту архіепископу, съ троими архимандритами, троицкимъ келаремъ Аврааміемъ Палицынымъ, протопопами и боярами. Соборъ не зналъ подлинно, гдѣ находился въ это время Михаилъ, и въ наказѣ, данномъ посламъ, говорилось: «ѣхать къ государю царю и великому князю Михаилу Өеодоровичу всея Руси въ Ярославль, или гдѣ онъ, государь, будетъ». Въ это время Михаилъ Өеодоровичъ съ матерью, инокиней Марөой, жилъ въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ. Посланные, бивъ челомъ новоизбранному царю и его матери и увѣдомивъ ихъ объ избраніи, должны были говорить Михаилу: «Всякихъ чиновъ всякіе люди бьютъ челомъ, чтобъ тебѣ, великому государю, умилиться надъ остаткомъ рода христіанскаго, многорасхищенное православное христіанство Россійскаго царства отъ расплѣненія отъ польскихъ и литовскихъ людей собрать во единство, принять подъ свою государеву паству, подъ крѣпкую высокую свою десницу, всенароднаго слезнаго рыданія не презрить, по изволенію Божію и по

избранію всѣхъ чиновъ людей, на владимірскомъ и на московскомъ государствѣ и на всѣхъ великихъ государствахъ Россійскаго царствія государемъ, царемъ и великимъ княземъ всея Руси быть, и пожаловать бы тебѣ, великому государю, ѣхать на свой царскій престолъ въ Москву и подать намъ благородствомъ своимъ избаву отъ всѣхъ находящихъ на насъ бѣдъ и скорбей; а какъ ты, государь, на своемъ царскомъ престолѣ будешь на Москвѣ, то, послыша про твой царскій приходъ, литовскіе люди и всѣ твои государевы недруги будутъ въ страхѣ, а Московскаго государства всякіе люди обрадуются. А какъ твой государевъ подвигъ въ Царствующій градъ будетъ, то изъ Москвы митрополитъ и архіепископы со всѣмъ освященнымъ соборомъ, бояре и всякіе люди встрѣтятъ тебя съ чудотворными иконами и животворящими крестами, по вашему царскому достоинству; и служить тебѣ, государю, и прямить и головы свои за тебя класть всѣ люди отъ мала до велика рады». Въ заключеніи наказа говорилось: „Если государь не пожалуетъ, станетъ отказывать, или начнетъ размышлять, то бить челомъ и умолять его всякими обычаями, чтобъ милость показалъ, былъ государемъ—царемъ и ѣхалъ въ Москву вскорѣ; такое великое Божіе дѣло сдѣлалось не отъ людей и не его государскимъ хотѣньемъ: Богъ учинилъ его государемъ. А если государь станетъ разсуждать объ отцѣ своемъ митрополитѣ Филаретѣ, что онъ теперь въ Литвѣ, и ему на Московскомъ государствѣ быть нельзя для того, чтобъ отцу его за то какого зла не сдѣлали; то бить челомъ и говорить, чтобъ онъ, государь, про то не размышлялъ: бояре и вся земля посылаютъ къ литовскому королю и за отца его даютъ на обмѣнъ литовскихъ многихъ лучшихъ людей».

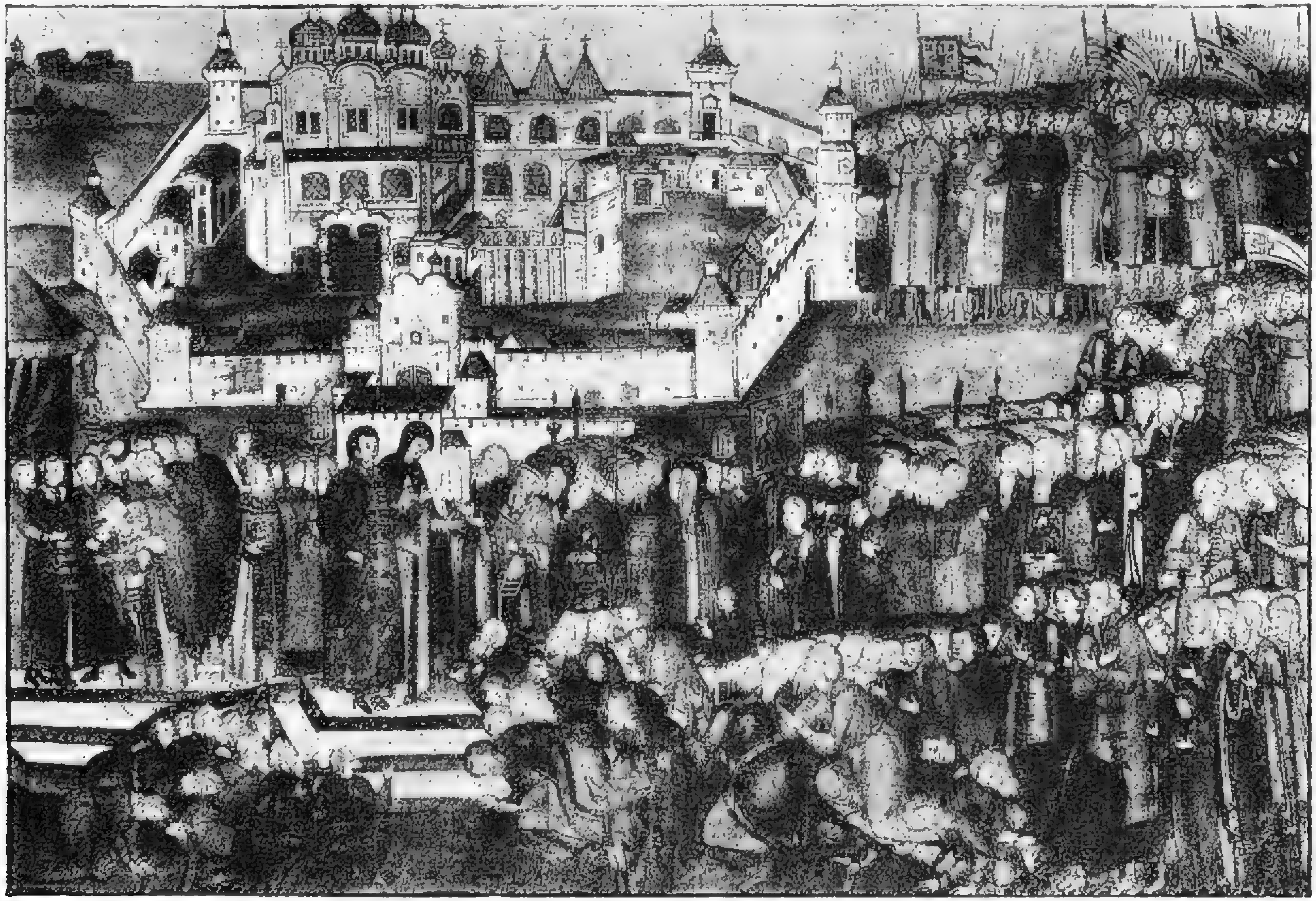
Послы выѣхали изъ Москвы 2 марта; но еще прежде, отъ 25 февраля, разосланы были грамоты по городамъ съ извѣстіемъ объ избраніи Михаила: «И вамъ бы, господа,—гласила грамота,—за государево многолѣтіе пѣть молебны и быть съ нами подъ однимъ кровомъ и державою и подъ высокою рукою христіанскаго государя, Царя Михаила Ѳеодоровича. А мы, всякіе люди Московскаго государства отъ мала до велика, и изъ городовъ выборные и невыборные люди, всѣ обрадовались сердечною радостію, что у всѣхъ людей одна мысль въ сердце вмѣстилась—быть государемъ царемъ блаженной памяти великаго государя Ѳеодора Ивановича племяннику, Михаилу Ѳеодоровичу; Богъ его, государя, на такой великій царскій престолъ избралъ не по чьему-либо

заводу; избралъ его мимо всѣхъ людей, по Своей неизреченной милости; всѣмъ людямъ о его избраніи Богъ въ сердце вложилъ одну мысль и утвержденіе». Вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ разослана была и крестоцѣловальная запись. Присяга областей послѣдовала быстро.

Наконецъ пришло извѣстіе отъ пословъ, которые нашли Михаила съ матерью въ Костромѣ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Послы доносили собору, что 13 марта они пріѣхали въ Кострому

Великая инокиня Марѳа Іоанновна, мать царя Михаила Ѳеодоровича.

въ вечерни, дали знать Михаилу о своемъ пріѣздѣ, и онъ велѣлъ имъ быть у себя на другой день. 14 числа, поднявши иконы, пошли всѣ крестнымъ ходомъ въ Ипатьевскій монастырь. Михаилъ съ матерью встрѣтили образа за монастыремъ, но когда послы объявили имъ, зачѣмъ присланы, то Михаилъ отвѣчалъ «съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ», что онъ государемъ быть не хочетъ, а мать его Марѳа прибавила, что она не благословляетъ сына на царство; и оба долго не хотѣли войти за крестами въ



Михаилъ Өеодоровичъ и его мать предъ посольствомъ у Ипатьевскаго монастыря.
Изъ „Книги объ избраніи на царство“ и проч.

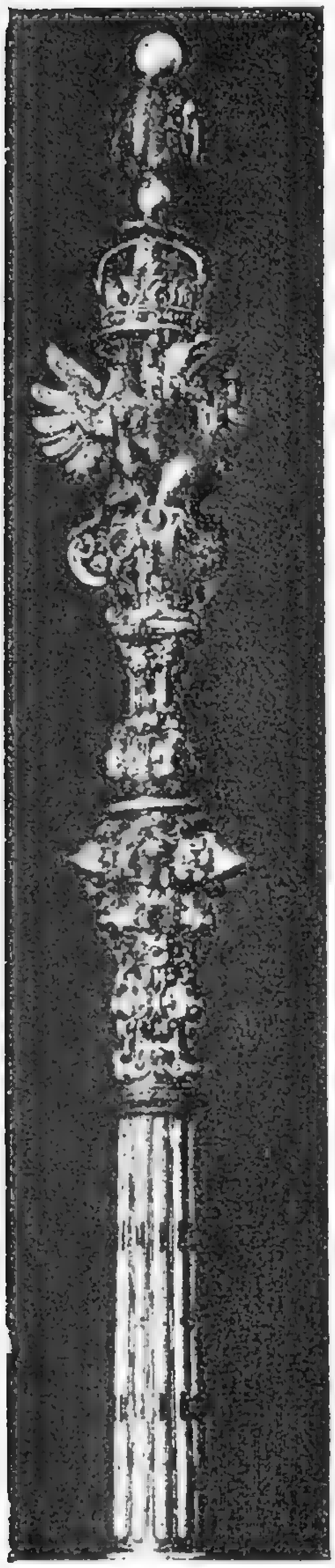
соборную церковь: насилу послы могли упросить ихъ. Въ церкви послы подали Михаилу и матери его грамоты и говорили рѣчи по наказу, на что получили прежній отвѣтъ: Мареа говорила, что «у сына ея и въ мысляхъ нѣтъ на такихъ великихъ преславныхъ государствахъ быть государемъ; онъ не въ совершенныхъ лѣтахъ, а Московскаго государства всякихъ чиновъ люди

Святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ.
(По Титулярнику).

по грѣхамъ измалодушествовались; давъ свои души прежнимъ государямъ, не прямо служили». Мареа упомянула объ измѣнѣ Годунову, убійствѣ Лжедимитрія, сведеніи съ престола и выдачѣ полякамъ Шуйскаго; потомъ продолжала: «видя такія прежнимъ государямъ крестопреступленія, позоръ, убійства и поруганія, какъ быть на Московскомъ государствѣ и прирожденному государю государемъ? Да и потому еще нельзя: Московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей и непостоянствомъ рус-

скихъ людей разорилось до конца; прежнія сокровища царскія, изъ давнихъ лѣтъ собранныя, литовскіе люди вывезли; дворцовыя села, черныя волости, пригородки и посады розданы въ помѣстья дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и всякимъ служилымъ людямъ и запустошены, а служилые люди бѣдны; и кому повелитъ Богъ быть царемъ, то чѣмъ ему служилыхъ людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и противъ своихъ недруговъ стоять?» Потомъ Мароа Іоанновна продолжала: «Что быть ему на государствѣ, а ей благословить его на государство— только на гибель; кромѣ того, отецъ его митрополитъ Филаретъ теперь у короля на Литвѣ въ большомъ утѣсненьи, и какъ свѣдаетъ король, что на Московскомъ государствѣ учинился сынъ его, то сейчасъ же велитъ сдѣлать надъ нимъ какое-нибудь зло; а ему, Михаилу, безъ благословенья отца своего, на Московскомъ государствѣ никакъ быть нельзя». Послы со слезами молили и били челомъ Михаилу, чтобъ соборнаго моленья и челобитья не презрилъ: выбрали его по изволенію Божію, а не по его желанью: положилъ Богъ единомышленно въ сердца всѣхъ православныхъ христіанъ отъ мала до велика на Москвѣ и во всѣхъ городахъ. А прежніе государи — царь Борисъ сѣлъ на государство своимъ хотѣньемъ, изведши государскій корень—царевича Димитрія; началъ дѣлать многія неправды, и Богъ ему мстилъ кровь царевича Димитрія богоотступникомъ Гришкою

Скипетръ Михаила Феодоровича.



Навершье.

Оконечность.

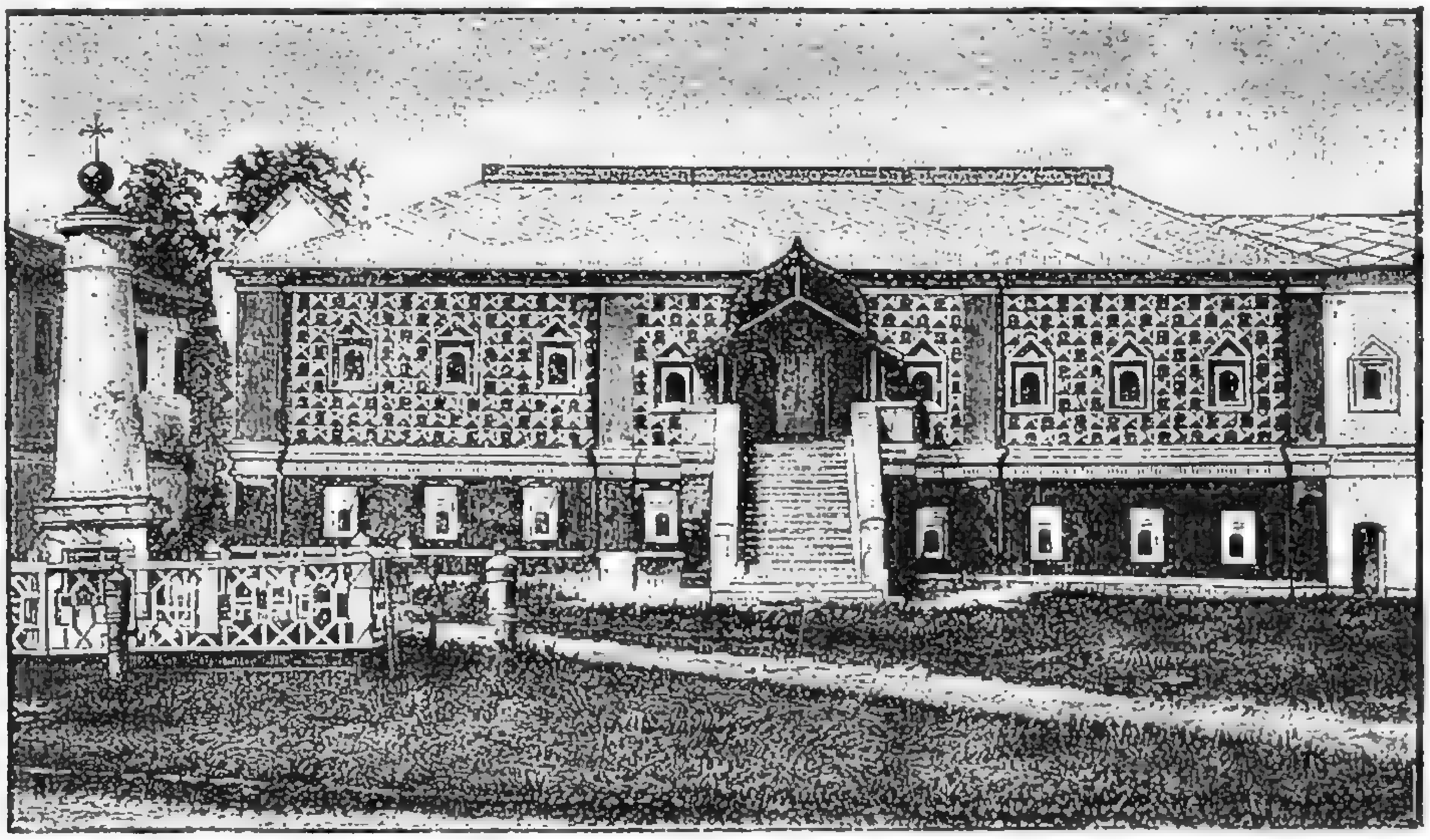
Отрепьевымъ; воръ Гришка-разстрига по своимъ дѣламъ отъ Бога месть принялъ, злою смертью умеръ; а царя Василья выбрали на государство немногіе люди, и, по вражью дѣйству, многіе города ему служить не захотѣли и отъ московскаго государства отложились; все это дѣлалось волею Божіею да всѣхъ православныхъ христіанъ грѣхомъ; во всѣхъ людяхъ Московскаго государства была рознь и междоусобіе. А теперь Московскаго государства люди наказались всѣ и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ». Послы молили и били челомъ Михаилу и матери его съ третьяго часа дня до девятаго, говорили, чтобъ

Ипатьевскій монастырь.

онъ воли Божіей не снималъ, былъ на Московскомъ государствѣ государемъ. Михаилъ все не соглашался; тогда послы стали грозить ему, что Богъ взыщетъ на немъ конечное разоренье государства; подъ дѣйствіемъ такихъ чрезвычайныхъ убѣжденій Михаилъ и Марѳа сказали, что они во всемъ полагаются на праведныя и непостижимыя судьбы Божіи; и мать благословила сына, Михаилъ принялъ царскій посохъ отъ архіепископа, допустилъ всѣхъ къ рукѣ и сказалъ, что поѣдетъ въ Москву скоро.

Слова Ѳеодорита съ товарищами, что Михаилу нечего было бояться участи своихъ предшественниковъ, потому что люди Московскаго государства наказались и пришли въ соединеніе — были вполнѣ справедливы. Страшнымъ опытомъ научились наши предки, что значитъ рознь и шатость, развязывающія руки во-

рамъ. Лучшіе люди имѣли столько нравственной силы, что могли воспользоваться наказаніемъ, встали, соединились, очистили государство, и будутъ въ состояніи крѣпко сомкнуться вокругъ новаго государя и грудью и всѣми силами отстаивать его, несмотря на отсутствіе матеріальныхъ средствъ. До какой степени въ лучшихъ людяхъ 1613 года крѣпко было убѣжденіе, что должно пожертвовать всѣмъ для поддержанія и охраненія новаго царя, призваннаго возстановить государственный нарядъ, показывалъ всего лучше подвигъ Сусанина. Когда Михаилъ, выѣхавши изъ Москвы, послѣ сдачи Кремля, жилъ въ Костромѣ, отрядъ поляковъ (какъ говоритъ грамота), узнавши объ избраніи новаго

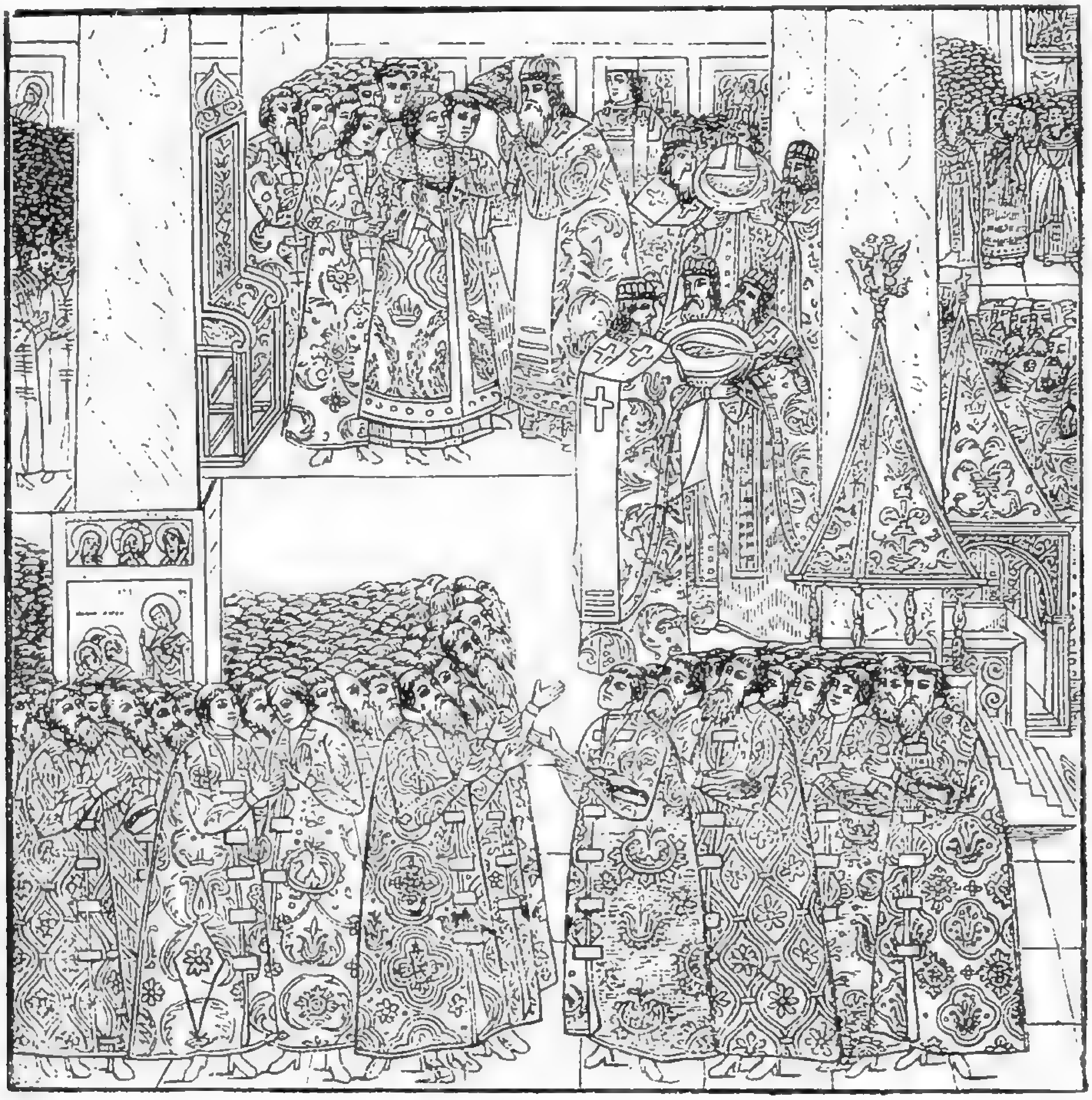


Романовскія палаты въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

царя, отыскивалъ его мѣстопребываніе, съ цѣлью умертвить нежеланнаго имъ возстановителя Русскаго государства; въ этихъ поискахъ враги схватили крестьянина Ивана Сусанина изъ села Домнина, принадлежавшаго Рома́новымъ, и начали пытать его страшными пытками, вымучивая показаніе, гдѣ скрывался Михаилъ. Сусанинъ зналъ, что онъ въ Костромѣ, но не сказалъ, завелъ ихъ въ дремучій лѣсъ и былъ замученъ до-смерти, но и враги погибли тамъ отъ лютаго мороза.

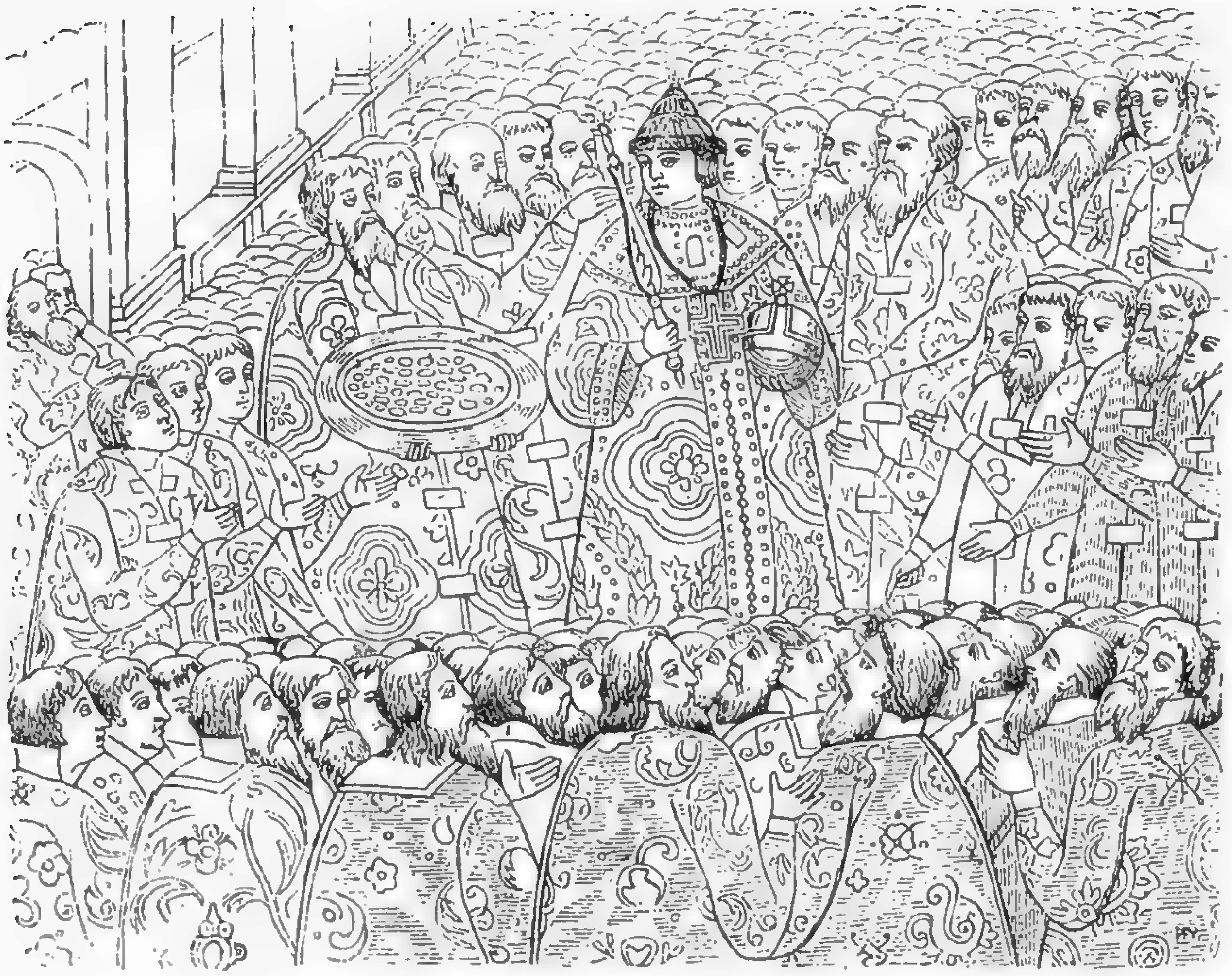
19 марта выѣхалъ Михаилъ Ѳеодоровичъ изъ Костромы въ Ярославль. Послѣ недолгаго его пребыванія въ обители преподобнаго Сергія, 2 мая Москва торжественно и восторженно встрѣтила юнаго царя, а 11 іюля въ Успенскомъ соборѣ происходило его вѣнчаніе на царство. Священнодѣйствіе было совершено по тому

же уставу, по какому оно было совершено надъ послѣднимъ представителемъ угасшей царской династіи — Ѳеодоромъ Іоанновичемъ. Сперва предъ литургіей торжественно были принесены въ Успенскій соборъ шапка и бармы Мономаха, скипетръ и держава. Затѣмъ состоялся выходъ государя изъ Золотой палаты въ соборъ. Предъ началомъ литургіи на него былъ возложенъ



Вѣнчаніе на царство Михаила Ѳеодоровича въ Успенскомъ соборѣ.

царскій вѣнецъ, бармы и животворящій крестъ. Предъ причащеніемъ было совершено священное миропомазаніе изъ того сосуда, который нѣкогда принадлежалъ императору Августу и изъ котораго донынѣ помазываются на царство наши государи. Затѣмъ Богомъ вѣнчанный и помазанный царь пріобщался тѣла и крови Христовыхъ. Знаки царскаго достоинства держали въ соборѣ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ и князья Мстиславскій и Трубецкой.



Выходъ царя изъ Успенскаго собора.

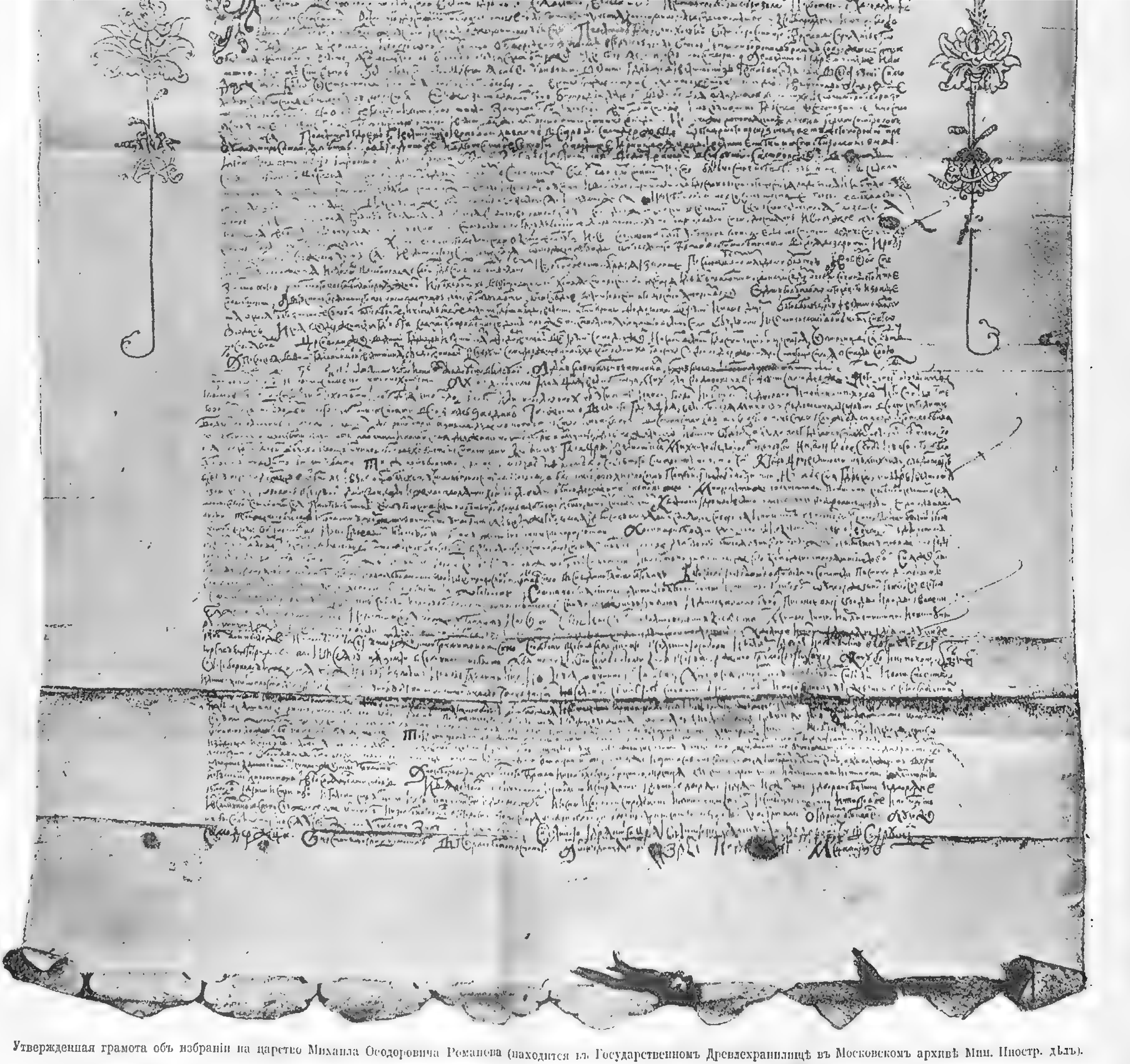
Передъ тѣмъ, какъ итти въ соборъ на коронованіе, сказано было боярство двоимъ стольникамъ: родственнику царскому князю И. Б. Черкасскому и вождю-освободителю князю Д. М. Пожарскому; 12 іюля, въ день именинъ государя, пожалованъ былъ въ думные дворяне Козьма Мининъ. Милостей и льготъ народу государь не могъ дать: казна была совсѣмъ пуста.

Приводимъ въ фотографическомъ воспроизведеніи утвержденную (подписями) грамоту объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича и ради трудности разбирать ее даемъ ея начало и конецъ въ типографскомъ. Вся средина грамоты содержитъ короткое обозрѣніе всей Русской исторіи по царствованіямъ.

Вотъ начало грамоты:

Грамота, утвержденная о избраніи на Россійскій престолъ Царемъ и Самодержцемъ Михаила Ѳеодоровича Романова-Юрьевыхъ за подписаніемъ бывшихъ при выборѣ всякаго чина и званія людей—писано 1613 года въ маіѣ мѣсяцѣ.

Великаго Господа Бога Отца, страшнаго, и всесильнаго и вся содержащаго, пребывающаго во свѣтѣ непреступнемъ, въ превелицей, и превысочайшей, и велѣлѣпной и святей славѣ вели-



Утвержденная грамота объ избранiи на царство Михаила Өеодоровича Романова (находится въ Государственномъ Древлехранилищѣ въ Московскомъ архивѣ Мин. Иностр. дѣлъ).

чествія Своего, сѣдящаго на престолѣ херувимстемъ съ Превѣчнымъ Единороднымъ Своимъ Сыномъ, Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, и съ Божественнымъ и животворящимъ Своимъ Духомъ, имъ же вся священотса, единосушныя и нераздѣльныя Троицы, равно Божественныя, и равно честныя, и равно сопрестольныя и равно сильныя, и равно совѣтныя и равно дѣйственныя, и равно сущныя, и соприсносущныя, и собезначальные, и единоначальные, и трисоставные, и нераздѣльные, въ тріехъ ипоставехъ единаго Божества, Царя царствующихъ и Господа Господьствующимъ, непреодолѣннаго и всякие силы крепчайшаго, имъ же Царіе царствують и велицыи величаютца, сего въ Троицѣ присноелавимаго Бога нашего недоумеваемыми и недовѣдомыми судбами и неизреченнымъ премудрымъ промысломъ всяко созданье отъ небытия въ бытие создаваетца, и отъ не сущихъ въ существо приводитца, и отъ рода въ родъ лѣтами исчитаютца; отъ Него-жъ примиша земля наша Русская своими Государи обладаема быти, ихъ же Великихъ Государей Царей Россійскихъ, корень изыде отъ превысочайшаго цесарскаго престола, и прекрасно цвѣтущаго и пресвѣтлаго корени, Августа Кесаря, обладающаго всею вселенною. Первый князь великій Рюрикъ содержаше скифетръ великаго Россійскаго государства въ Великомъ Новѣграде»...

Михаилъ Ѳеодоровичъ.
Съ древняго портрета.

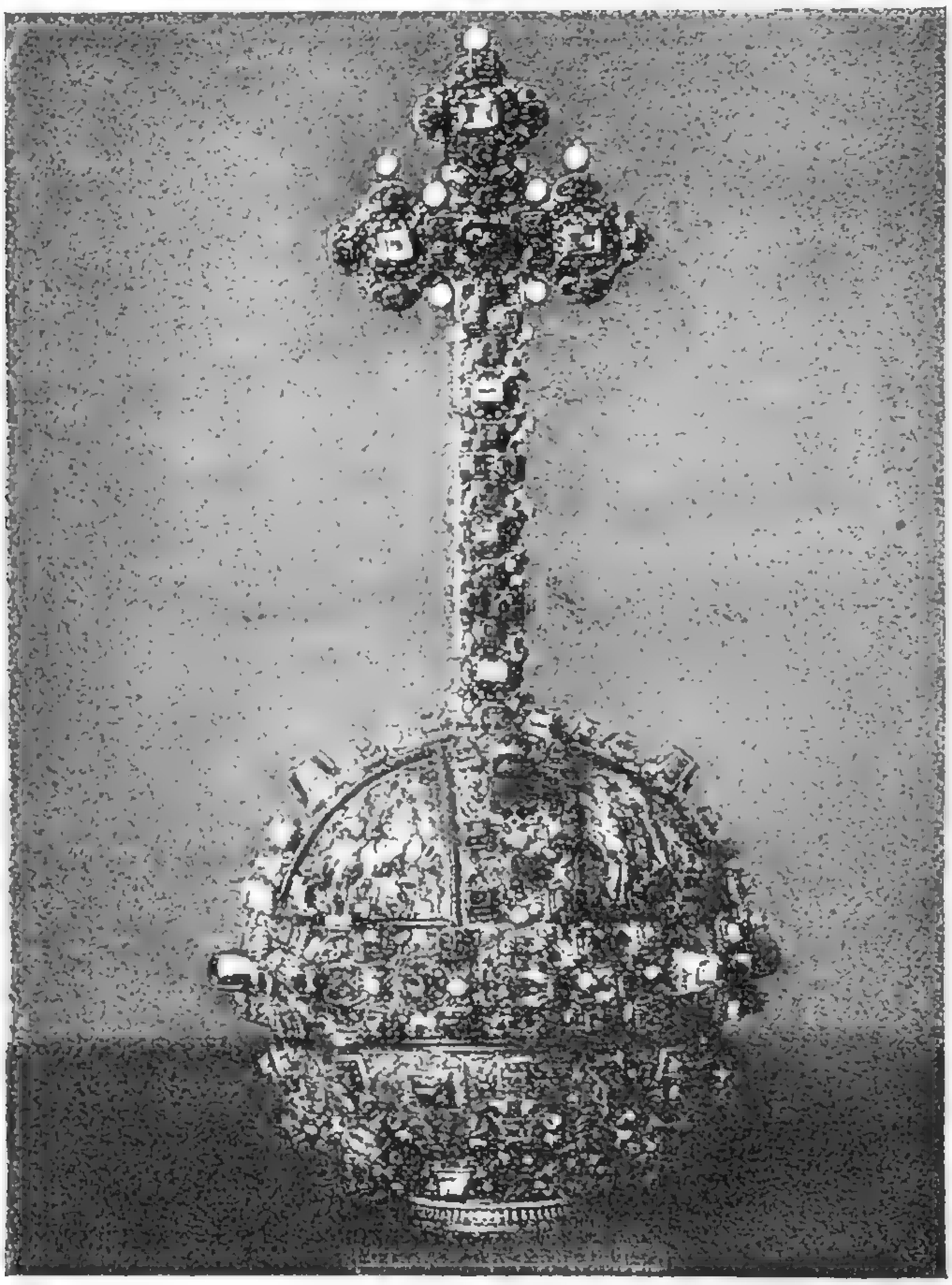
Послѣ изложенія Русской исторіи до избранія на царство Михаила Ѳеодоровича говорится: «Кто похочетъ мимо Государя Царя и Великаго князя Михаила Федоровича, всея Руси Самодержца и его дѣтей, которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ, искати и хотѣти иного Государя изъ какихъ людей не-

буди, или какое лихо хто похочетъ учинити: и намъ боярамъ, и окольничимъ, и дворянамъ, и приказнымъ людямъ, и гостемъ, и детемъ боярскимъ и всякимъ людемъ на того измѣнника стояти всею землею за одинъ. Также намъ, Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича всеа Русіи всему синклиту, бояромъ, и окольничимъ, и княземъ, и воеводамъ, и дворянамъ, и приказнымъ людемъ, не по отечеству и не по своему достоинству, свыше своего отечества и службы, мимо царскаго повелѣнья, чести себѣ никакой не хотѣти и не искати; и вотчины и помѣстья держати по своей мѣрѣ, чѣмъ кого Государь пожалуетъ; и быти въ Государскихъ дѣлехъ и во всякихъ чиновныхъ людехъ несупротивну быти, какъ кому Государь, Царь и Великій Князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи, на своей Государевой службѣ и у всякаго дѣла, гдѣ кому быти велитъ, такъ тому и быти...»

Въ своемъ заключеніи грамота гласитъ:

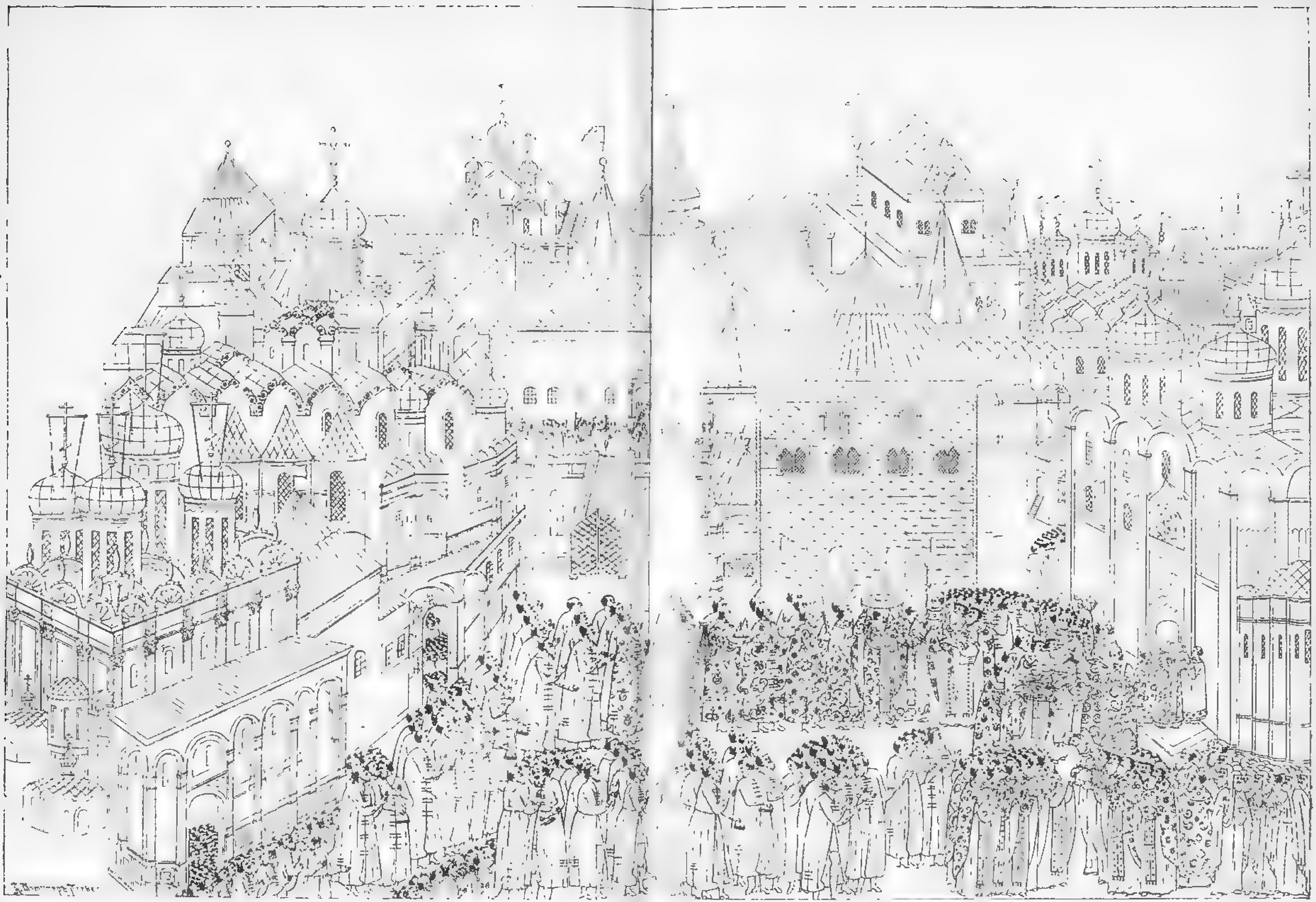
«А кто убо и не похощетъ послушати сего соборного уложенія, его же Богъ благоизволи, и начнетъ глаголати ино и молву въ людехъ чинити: таковый, аще отъ священнаго чину, и отъ болярѣ, царскихъ синклитъ и воинственныхъ, или инъ хто отъ простыхъ людей и въ какомъ чину ни буди, по священнымъ правиломъ Святыхъ Апостолъ, и Вселенскихъ седми соборовъ, Святыхъ Отецъ и помѣстныхъ, и по соборному уложенью всего освященнаго собора, чину своего изверженъ будетъ, и отъ церкви Божіи отлученъ... А на соборѣ были Московскаго государства и изо всѣхъ городовъ Российского царствия власти, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и протопопы и весь освященныи соборъ, и боляре, и окольничие, и чашники, и стольники, и стряпчие, и думные дворяне и дьяки, и жильцы, и дворяне большие и дворяне изъ городовъ, и дьяки изъ приказовъ и головы стрѣлецкие и всякие приказные и дворовые люди и гости и сотники стрелецкие, и атаманы казачьи, и стрѣльцы, и казаки, и торговые и посацкие, всякихъ чиновъ всякие служилые и жилецкие люди, и изо всехъ городовъ всего Российскаго царствия выборные люди, которые присланы съ выборы за всякихъ людей руками о государскомъ обиранье. А уложено бысть и написана сия утвержденная грамота за руками и за печатми Великого Государя нашего Царя и Великаго Князя Михайла Федоровича всеа Русіи Самодержца, въ царствующемъ граде Москвѣ, въ первое лѣто царства его, а отъ созданія міру ҂зрк҃а-го, а индикта а҃і-го, месяца маия.

Необходимо глубже всмотрѣться въ это возстановленіе на Руси государства самимъ народомъ. Поляки, какъ сказано выше, въ періодъ междуцарствія, выхваляли москвичамъ свой западный видъ монархіи съ политическими вольностями, съ ограниченной властью короля-государя, не могшаго ничего рѣшать безъ сейма. Но уже тогда русскіе люди указывали, что они желаютъ себѣ,



Держава царя Михаила Θеодоровича.

по завѣтамъ своей исторіи, такого царя, который, какъ Богъ, караетъ и милуетъ, который не дастъ въ обиду слабаго сильнымъ, и назвали польскую вольность своеволіемъ, при которой слишкомъ трудно найти слабому правосудіе надъ тѣми, кто въ Польшѣ творили безчинства и всякое насиліе надъ людьми меньшими. Значитъ, русскій народъ не хотѣлъ монархіи по западнымъ образцамъ. Отказываясь отъ польскихъ вольностей Рѣчи Посполитой, или республики, какъ называли поляки свое



Дворцы въ Кремлѣ и выходъ съ царскими регаліями въ Успенскій соборъ. (Изъ книги «Избраніе на царство Михаила Өеодоровича».)

государство, русскій народъ, при возсозданіи своего государства, не думалъ и о вольностяхъ новгородскихъ, при которыхъ власть государя, по особымъ рядамъ или договорамъ, была ограничена вѣчемъ, или народнымъ собраніемъ съ выборнымъ посадникомъ, тысяцкимъ и старостами новгородскихъ концовъ. Онъ помнилъ, какими буйными усобицами ознаменовала себя эта новгородская вольность. Равнымъ образомъ, при избраніи государемъ Михаила Ѳеодоровича никто не говорилъ объ ограниченіи его верховной государевой власти думой боярской, какъ было при Василіи Іоанновичѣ Шуйскомъ, котораго народъ называлъ только полуцаремъ и считалъ невольнымъ и связаннымъ въ своихъ царскихъ дѣйствіяхъ. Не было рѣчи и о такихъ ограниченіяхъ, какія были сдѣланы и при избраніи Владислава. Нѣтъ, русскіе люди ни о чемъ подобномъ и думать не хотѣли. Они возстановили государство въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно создано было тяжкимъ трудомъ Русской исторіи, въ видѣ царства самодержавнаго. Народъ никогда не вспоминалъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ имъ избранъ на царство и почиталъ его царемъ прирожденнымъ, царемъ Божіею Милостію, а не волею народа... Когда шведскіе послы сказали русскимъ: «что ихъ король прирожденный государь, а Михаилъ Ѳеодоровичъ—не царскій сынъ», наши послы сказали: «вы такія непригожія, воровскія слова про Помазаника Божія оставьте... Богъ избиралъ царей славныхъ и не отъ царскаго корня».

Изъ исторіи царствованія Михаила Ѳеодоровича мы видимъ, какъ важно государству съ распутія и смуты вступить на свой историческій путь, на стезю твердаго государственнаго порядка. Государь, въ 17 лѣтъ возложившій на себя шапку и бармы Мономаха, конечно, не обладалъ ни правительственною опытностью Годунова, ни волей и умомъ своего внука Петра I, а государство получилъ въ полномъ разореніи. Но онъ, идя правымъ путемъ, скоро привелъ его въ порядокъ, въ прежнее его положеніе. Дѣйствительно, положеніе государства въ началѣ царствованія его было крайне печально. Государственная казна не то что была пуста, а просто не существовала: нечѣмъ было не только жаловать служилыхъ людей, но и нечѣмъ было отстроить кремлевскіе дворцы, которые стояли безъ крышъ и оконъ. Приходилось немногихъ людей достатка просить въ грамотахъ о помощи государству, приходилось отъ Англіи принять денежное пособіе заимообразно. Земля до того обезлюдѣла, что иностранные послы, проѣзжая сотни верстъ, встрѣчали деревни, села и города съ

домами, наполненными трупами; въ нихъ нельзя было отъ труп-наго запаха пріютиться на ночлегъ, и приходилось ночевать въ полѣ. Слишкомъ мало было на Руси всякихъ средствъ для государственныхъ нуждъ, но враговъ было безъ конца; въ Астрахани сидѣлъ Заруцкій съ сыномъ самозванца, которыхъ поддерживали и турки, и персы, и русскіе инородцы. Внутри государства все грабили и разоряли шайки разнаго сорта воровъ и разбойниковъ, изъ которыхъ особенно выдѣлялись ватаги атамана Баловня. Вдоль и поперекъ крестилъ Русь, дѣлая переходы по сту верстъ въ сутки, неутомимый польскій наѣздникъ Лисовскій. На сѣверѣ Россіи хозяйничали шведы, уже захватившіе Новгородъ и другіе города, а ихъ король Густавъ-Адольфъ осаждалъ Псковъ. Бѣлоруссію и Сѣверскія области занимали поляки; ихъ королевичъ Владиславъ грозилъ юному Михаилу отнять у него врученный ему скипетръ. Но прошло пять лѣтъ съ 1613 года по 1618, когда царю Михаилу Ѳеодоровичу было всего только 21 годъ, а Русь нельзя было узнать. Заруцкій, спасаясь отъ преслѣдованія царскаго воеводы князя Одоевскаго, бѣжалъ изъ Астрахани на Уралъ, здѣсь былъ выданъ государевымъ людямъ и казненъ съ сыномъ Марины. Внутреннія шайки успѣшно преслѣдовалъ князь Лыковъ. Баловень былъ захваченъ и повѣшенъ. Князь Д. М. Пожарскій преслѣдовалъ Лисовскаго, но не настигалъ его и тяжко заболѣлъ. По счастію, этотъ вредный для Россіи человѣкъ скоро умеръ въ Литвѣ. Отъ шведовъ мы потерпѣли неудачу: князь Трубецкой былъ разбитъ ими подъ Бронницами. Но при посредствѣ Голландіи и Англіи былъ заключенъ съ ними въ 1617 г. въ Столбовѣ, близъ Тихвина, миръ, по коему шведы возвратили намъ Новгородъ и другіе города,

Царица Евдокія Лукинишна (Стрешнева).

хотя и взяли себѣ наше Финское побережье съ городами Орѣшкомъ (Шлиссельбургъ), Иваномъ-городомъ, Ямомъ и Копорьемъ. Шведскій король Густавъ-Адольфъ, придавая большое значеніе тому, что мы были оттѣснены отъ Балтійскаго моря, хвалился передъ сеймомъ, что шведовъ отдѣляютъ теперь отъ Россіи 30 миль болотъ, озера и Финскій заливъ, и долго русскимъ не придется перескочить черезъ этотъ ручеекъ. Но онъ ошибся: внукъ Михаила Θеодоровича Петръ I отнялъ отъ шведовъ это исконное достояніе Россіи и здѣсь 200 лѣтъ тому назадъ прорубилъ окно въ Западную Европу, основавъ свой Петербургъ.

Торопились заключеніемъ мира съ Швеціей потому, что предстояла тяжелая война съ Польшей. Владиславъ двинулся противъ Россіи, объявляя себя ея царемъ, но города не сдавались полякамъ, оставаясь вѣрными своему Русскому государю, а выборные люди, созванные въ Москву на соборъ, поклялись «не щадить головъ своихъ за православную вѣру и своего царя». Поддержанный малороссійскимъ гетманомъ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ, Владиславъ подошелъ къ самой Москвѣ и, расположившись станомъ въ Тушинѣ, грамотами требовалъ сдачи Москвы, именуя себя царемъ московскимъ; русскіе люди затерли дегтемъ этотъ титулъ, возвратили грамоту назадъ и отбили приступы Владислава къ Москвѣ. Онъ было пытался овладѣть Троицкой лаврой, но и здѣсь потерпѣлъ неудачу и въ 1618 году заключилъ въ селѣ Деулинѣ перемиріе на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. Русскіе должны были уступить Польшѣ Смоленскъ и Сѣверскую область и заплатили ей 20.000 руб. Владиславъ не отказался отъ правъ своихъ на московскій престолъ и согласился только на размѣнъ плѣнныхъ. На этомъ основаніи возвращенъ былъ къ радости царя и народа доблестный страдалецъ за Русскую землю — отецъ государевъ, митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ.

Послѣ смерти патріарха Гермогена, въ ожиданіи возвращенія изъ польскаго плѣна Филарета Никитича, намѣренно не замѣщали патріаршій престолъ. Возвращеніе его сопровождалось торжественными церковно-народными встрѣчами въ попутныхъ городахъ. Царь выѣхалъ къ отцу на край Москвы, на рѣчку Прѣсню. Оба пали другъ предъ другомъ на землю. Одинъ чествовалъ въ юномъ сынѣ царя, другой—своего родителя. Народъ, видя это, плакалъ въ умиленіи. Филаретъ Никитичъ возведенъ былъ въ Успенскомъ соборѣ въ санъ патріарха іерусалимскимъ патріархомъ Θеофаномъ. Какъ отецъ государя, мужъ сильнаго ума,

крѣпкой воли и многотруднаго опыта, онъ сталъ соправителемъ сыну и пользовался титуломъ «великаго государя». Всѣ грамоты писались отъ имени двоихъ государей: «Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Өеодоровичъ всея Руси и Святѣйшій патріархъ и великій государь приказали» и т. д. Всѣ посольства представлялись или обоимъ государямъ вмѣстѣ, или каждому отдѣльно. Важнѣйшіе доклады представляли тому и другому. Но это двоевластіе нисколько не нарушало единства правительственной дѣятельности. Филаретъ Никитичъ еще болѣе укрѣпилъ значеніе самодержавной власти своего сына. Вѣроятно, не безъ его вліянія царь, нерѣдко собиравшій выборныхъ людей на земскіе соборы, отмѣнилъ, однако, въ областномъ управленіи участіе выборныхъ людей, излюбленныхъ головъ, земскихъ и губныхъ старостъ и сосредоточилъ мѣстную власть въ рукахъ воеводъ. Для опредѣленія податей, пошлинъ и другихъ повинностей установлена была перепись населенія, при посредствѣ писцовъ и дозорщиковъ, въ такъ называемыхъ писцовыхъ книгахъ. Патріархъ Филаретъ завелъ въ Чудовомъ монастырѣ греко-латинскую школу и заботился объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ. Царь нанялъ нѣсколько иностранныхъ полковъ, сталъ въ Россіи пользоваться новымъ иностраннымъ военнымъ строемъ и заботился о насажденіи у насъ фабрично-заводскихъ производствъ. Такъ, при помощи иностранцевъ, у насъ были заведены желѣзодѣлательные, стекольные, кожаные и кирпичные заводы. Выстроилъ на Никольской улицѣ, ради поднятія упавшаго книжнаго дѣла, сгорѣвшую типографію. Государь положилъ начало развитію у насъ фруктоваго, цвѣточнаго и аптекарскаго садоводства. Въ кремлевскихъ дворцовыхъ садахъ появляются новыя для Москвы растенія, между прочимъ, заграничныя розы. Нѣмецкая слобода въ Москвѣ разрослась. Въ ней было до 1.000 семействъ только протестантскихъ исповѣданій. Вообще подъ скипетромъ Михаила Өеодоровича Романова Россія стала быстро оправляться и крѣпнуть.

Деулинское перемиріе истекало, а наши отношенія къ Польшѣ продолжали быть враждебными, потому что королевичъ Владиславъ все еще не отказывался отъ Русской короны; и нельзя было забыть перехода коренныхъ Русскихъ областей во власть поляковъ. Поэтому царь заранѣе сталъ готовиться къ войнѣ съ Польшей: собиралъ ратныхъ людей, закупалъ за границей пушки и другое оружіе, нанималъ иностранцевъ—солдатъ и офицеровъ.

Когда въ 1632 году умеръ король Сигизмундъ, и въ Польшѣ началось междуцарствіе съ избирательными раздорами, московское правительство объявило войну полякамъ; наши войска, подъ начальствомъ знаменитаго защитника Смоленска въ пору междуцарствія, боярина Шеина, двинулись на западъ. Сначала наши дѣла пошли очень удачно: у поляковъ были отняты нѣкоторые русскіе города и крѣпко осажденъ Смоленскъ. Но избранный въ короли Владиславъ съ большимъ войскомъ расположился станомъ подъ Смоленскомъ и подкрѣпилъ его гарнизонъ. Въ это время крымскіе татары напали на южныя области, и много ратныхъ людей ушло изъ русскаго стана для защиты своихъ земель. Шеинъ былъ крайне стѣсненъ; среди наемныхъ иностранцевъ начались раздоры; поляки захватили Дорогобужъ со складомъ провіанта; въ русскомъ станѣ начались голодъ и страшныя болѣзни. Доведенный до крайности Шеинъ началъ переговоры. Поляки согласились выпустить его съ условіемъ, что онъ выдастъ имъ свою артиллерію, отпуститъ иностранцевъ и преклонитъ знамена предъ поляками. Шеинъ былъ за это преданъ суду, обвиненъ въ измѣнѣ (несправедливо) и казненъ. Истинная причина этого заключалась въ его высокомѣріи и презрительномъ отношеніи къ товарищамъ. Къ счастію, поляки, угрожаемые турками, заключили миръ на рѣкѣ Поляновкѣ на условіяхъ— признать Михаила Θеодоровича царемъ и подтвержденія Деулинскаго перемирія. Въ это время привезенъ былъ изъ Варшавы гробъ бывшаго царя Василія Ивановича Шуйскаго и поставленъ въ Архангельскомъ соборѣ.

Въ это время казаки едва не вовлекли Россію въ большую войну съ турками. Донскіе казаки, жившіе въ предѣлахъ Московскаго государства, какъ и запорожцы, сидѣвшіе въ принадлежавшемъ Польшѣ приднѣпровьѣ, почти не признавали надъ собою ничьей власти и дѣйствовали по своему произволу. Въ 1618 году донцы захватили и изрубили въ своемъ кругу турецкаго посланника и съ помощью запорожцевъ захватили принадлежавшій туркамъ Азовъ. Царь Михаилъ Θеодоровичъ прислалъ имъ строгую грамоту, въ которой говорилъ, что нигдѣ не ведется побивать пословъ, и осуждалъ ихъ за взятіе Азова безъ царскаго повелѣнія. Какъ бы ни выгодно было владѣть намъ Азовомъ, особенно для удержанія крымскихъ татаръ отъ постоянныхъ набѣговъ на русскіе предѣлы, царь увѣдомилъ султана, что казаки самовольно захватили городъ, и просилъ его не имѣть нелюбья противъ России. Но въ 1641 году, освободившись

Михаилъ Θеодоровичъ въ концѣ царствованія.

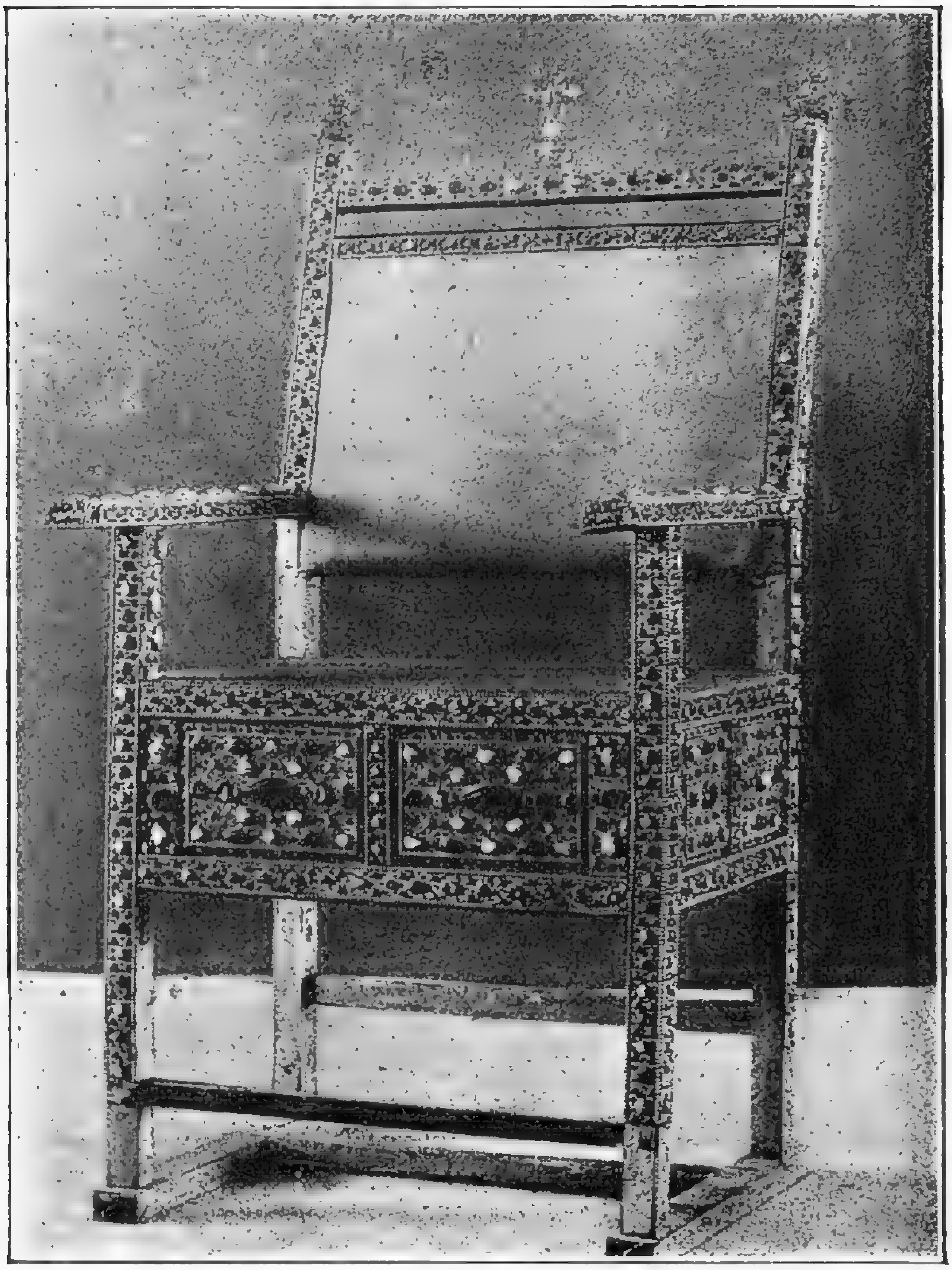
отъ войны съ персами, турки послали на русскіе предѣлы крымцевъ, а сами съ двухсоттысячнымъ войскомъ, на корабляхъ и съ сильной артиллеріей, осадили Азовъ. Пятнадцатитысячная горсть донцовъ съ нѣсколькими сотнями женъ и тысячью запорожцевъ проявили невѣроятное, но обычное для русскихъ людей геройство: они отбили 24 турецкихъ приступа, истребили 20 тысячъ турокъ и черезъ полгода заставили турокъ снять осаду и возвратиться во-свояси, а сами послали къ царю бить челомъ, чтобы онъ взялъ Азовъ подъ свою высокую руку. Побѣдителей, да особенно такихъ, не судятъ. Государь прислалъ

казакамъ свою милостивую грамоту съ жалованьемъ и говорилъ имъ: «Мы васъ за вашу службу, радѣнье, промыслъ и крѣпкостоятельство милостиво похваляемъ». Но, воздавъ имъ должное за ихъ геройство, царь не могъ взять Азовъ подъ свою руку, потому что это вело къ громадной войнѣ съ турками, трудной впослѣдствіи и для Петра I. Созваны были въ Москву выборные люди на земскій соборъ для рѣшенія вопроса: «Государю-царю за Азовъ съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ разрывать ли и Азовъ у казаковъ принимать ли? Если принять, то войны не миновать; и ратные люди надобны будутъ многіе; на жалованье и запасы деньги надобны многія и не на одинъ годъ. И такія великія деньги и многіе запасы гдѣ брать?»

Опрошенныя на собраніи сословія отвѣчали въ существѣ дѣла: «Какъ рѣшитъ государь, пусть такъ и будетъ; всѣ готовы по его слову жертвовать всѣмъ, даже и жизнью».

Духовенство, напр., отвѣчало, что о ратномъ дѣлѣ слѣдуетъ разсуждать царю да боярамъ, а имъ, духовнымъ лицамъ, все это — не за обычай; ихъ же дѣло Бога молить, а помогать ратнымъ людямъ они готовы по мѣрѣ силъ. Служилые люди прямо говорили, что Азовъ взять слѣдуетъ... Стрѣлецкіе головы отвѣчали, что во всемъ воля государева, а они, холопы его, служить рады и готовы, гдѣ государь ни укажетъ. Безпомѣстные, пустомѣстные и мелкомѣстные указывали, что имъ нужно жалованье для отбыванія службы. Другіе, не скрывая своего разоренья отъ разныхъ неурядицъ въ государствѣ, выражали, однако, готовность на свою службишку противъ недруговъ государевыхъ. Даже торговые люди, сославшись на плохіе торжишки, перехватываемые иноземцами и кизылбашами (восточные человѣки), заявляли, что «рады своими головами служить и за здоровье царское и за православную вѣру помереть». Выслушавъ такіе отвѣты, отдававшіе въ существѣ дѣла все на волю государя, Михаилъ Ѳеодоровичъ далъ приказаніе казакамъ оставить Азовъ, а тѣ не оставили здѣсь туркамъ камня на камнѣ. Но казаки подготовили путь сюда Петру I.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ скончался 12 іюня 1645 года, послѣ тридцатидвухлѣтняго царствованія, не достигнувъ еще пятидесятилѣтняго возраста и оставивъ престолъ 16-лѣтнему сыну Алексѣю Михайловичу. Предъ самою смертью Михаилъ Ѳеодоровичъ призвалъ царицу, сына съ его воспитателемъ бояриномъ Морозовымъ и патріарха. Простившись со всѣми, онъ благословилъ сына на царство и сказалъ Морозову: «тебѣ, на-



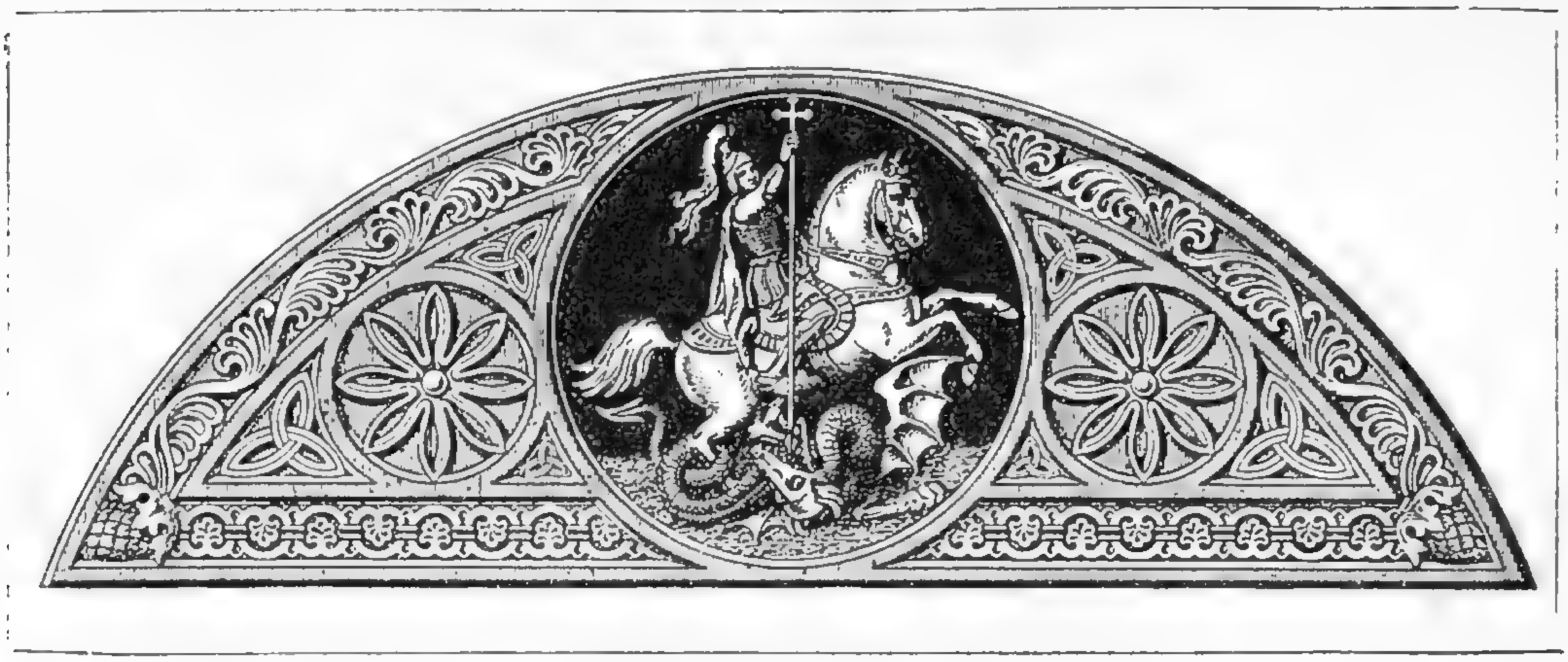
Тронъ Михаила Θеодоровича.

шему боярину, приказываю сына и со слезами говорю: какъ намъ ты работалъ съ великимъ веселіемъ и радостію, оставя домъ, имѣніе и покой, пекся объ его здоровьѣ и поученіи страху Божію, и соблюдалъ его, какъ зѣницу ока, такъ и теперь служи». Ночью, причастившись св. Таинъ, царь Михаилъ Θеодоровичъ скончался.

Древніе римляне, народъ глубоко государственный, въ память спасенія своего государства отъ гибели, назвали одного изъ своихъ героевъ (Камилла) вторымъ основателемъ Рима, а другого (Марія)—третьимъ основателемъ. Мы съ бо́льшимъ правомъ можемъ назвать царя Михаила Θеодоровича вторымъ основателемъ

Русскаго государства и нашей Москвы. Дѣло въ томъ, что онъ принялъ и Русское государство и нашу Москву разрушенными до основанія. Ему принадлежитъ великая слава за то, что онъ вновь создалъ Русское государство и основалъ новую національную династію, которая довела Россію до нынѣшняго императорскаго могущества и величія, и лежавшую въ развалинахъ Москву передалъ своему сыну царю Алексѣю Михайловичу опять въ видѣ огромнаго и красиваго города, которому дивились пріѣзжавшіе иностранцы.

Печать царя Михаила Ѳеодоровича.



III.

Михаилъ Θеодоровичъ, какъ второй основатель Москвы [1]).

Юный царь Михаилъ Θеодоровичъ долженъ былъ одновременно съ самаго основанія возстанавливать разрушенныя до тла и Русское государство и его столицу Москву.

Чтобы судить о возсозданіи древне-престольной столицы, достаточно сопоставить то, чѣмъ явилась она въ 1612 году предъ народными ополченіями князя Пожарскаго, съ тѣмъ, что говорятъ о ней иностранцы во второй половинѣ царствованія Михаила Θеодоровича. Прибывшій черезъ двадцать лѣтъ, по его вступленіи на престолъ, голштинецъ Олеарій уже нашелъ ее большимъ и цвѣтущимъ городомъ, не носившимъ слѣдовъ страшной «разрухи». Между тѣмъ въ 1612 году совершилось истребленіе огнемъ, по меньшей мѣрѣ, трехъ четвертей города; уцѣлѣли только Кремль и Китай-городъ; а три концентрическихъ круга, или пояса, Москвы погибли; выжжены были: Бѣлый-городъ, затѣмъ охватывавшій его деревянный городъ, или «Скородомъ», и, наконецъ, болѣе широкій поясъ окружавшихъ Москву слободъ. Погибло и Замоскворѣчье.

Трудно установить, что представляли Китай-городъ и Кремль предъ приходомъ сюда князя Пожарскаго. Что и говорить о первомъ, если во второмъ «всѣ царскія палаты и хоромы стояли безъ кровель, безъ половъ, безъ окошекъ и дверей, такъ

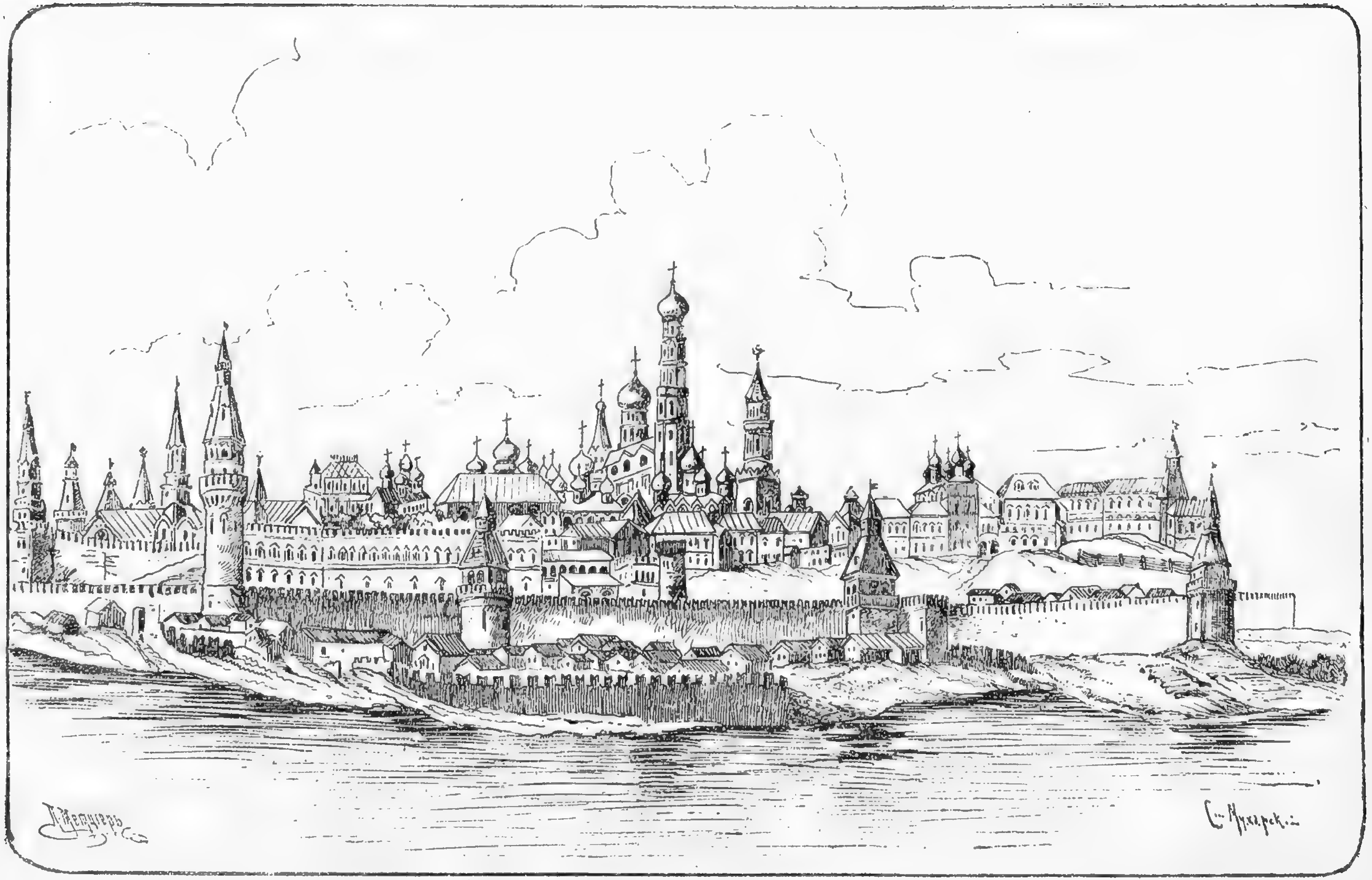
---

1) См. книгу: *В. В. Назаревскій. Изъ Исторіи Москвы (1147 — 1703). Очерки.* Съ 212 рисунками. Москва. 1896.

что молодому царю негдѣ было поселиться» (Дворц. Разряды. Т. I, стр. 1154). Михаилъ Θеодоровичъ, съ пути своего въ Москву, писалъ боярамъ, чтобы они приготовили для него палату царицы Ирины съ мастерскими палатами и сѣнями, а для его матери деревянныя хоромы супруги Василія Шуйскаго; бояре отвѣчали, что «приготовили для государя только комнаты царя Ивана да Грановитую палату, а для матери его—хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ; тѣхъ же хоромъ, что государь приказалъ, скоро отстроить нельзя, да и нечѣмъ: денегъ въ казнѣ нѣтъ и плотниковъ мало; палаты и хоромы всѣ — безъ крышъ, половъ, лавокъ; дверей и окошекъ нѣтъ, надобно дѣлать все новое, а лѣсу пригоднаго скоро не добыть». Но Михаилъ Θеодоровичъ не удовлетворился этимъ отвѣтомъ и вновь въ концѣ апрѣля настойчиво писалъ боярамъ: «По прежнему и по этому нашему указу, велите устроить намъ Золотую палату царицы Ирины, а матери нашей—хоромы царицы Марθы; если лѣсу нѣтъ, то велите строить изъ брусяныхъ хоромъ царя Василія. Вы писали намъ, что для матери нашей изготовили хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ, въ этихъ хоромахъ жить матери нашей не годится»...

Кипучая дѣятельность, по очищенію Россіи отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, по возстановленію разрушеннаго государства, по исцѣленію въ народѣ язвъ, произведенныхъ въ немъ временемъ смуты, нѣтъ сомнѣнія, сильно задерживала возстановленіе Москвы, какъ города, но также несомнѣнно, что и этотъ процессъ совершался съ необыкновенной энергіей и быстротой. Воскресшій и олицетворившійся въ молодомъ государѣ духъ народа, какъ сила пластическая, поразительно скоро создалъ себѣ скорлупу или оболочку въ Москвѣ, возстановленной, въ главныхъ чертахъ, въ томъ же національно-своеобразномъ видѣ, въ какомъ она существовала при послѣднемъ представителѣ прекратившейся династіи св. Владиміра—царѣ Θеодорѣ Іоанновичѣ. Отвлеченные болѣе важными явленіями, современники Михаила Θеодоровича мало даютъ намъ свѣдѣній объ его строительной дѣятельности въ Москвѣ. Но она была несравненно обширнѣе того, что говорятъ о ней современныя свидѣтельства. Сынъ родоначальника династіи Романовыхъ, царь Алексѣй Михайловичъ принялъ отъ своего отца Москву уже возстановленную и хорошо обстроенную, такъ что ему на долю выпало только украшеніе ея и умноженіе здѣсь второстепенныхъ уже сооруженій.

Такимъ образомъ при Михаилѣ Θеодоровичѣ: 1) выстроился вновь круговой поясъ разрушенныхъ московскихъ слободъ;



Кремль въ XVII вѣкѣ, по иностранной гравюрѣ.

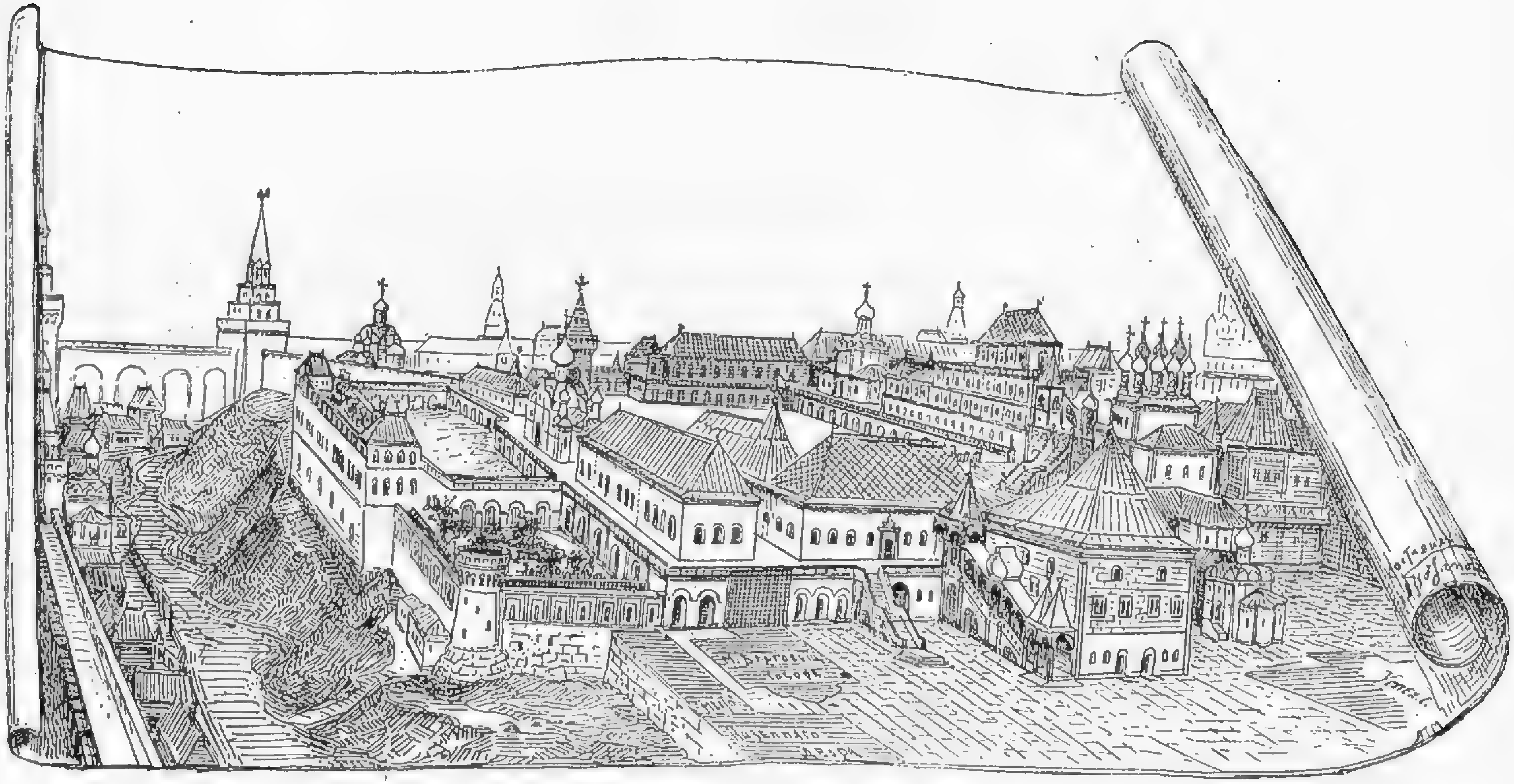
2) полукругъ «Скородома» и Замоскворѣчье; деревянныя стѣны перваго были замѣнены землянымъ валомъ съ башнями; 3) возстановленъ съ каменными стѣнами Бѣлый-городъ; 4) обстроенъ Китай-городъ и 5) реставрированъ Кремль.

Само собою разумѣется, что болѣе всего мы имѣемъ свѣдѣній о строительной дѣятельности Михаила Ѳеодоровича въ сердцѣ Москвы — Кремлѣ. Она при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ сильно проявилась въ этомъ главнѣйшемъ центрѣ Москвы.

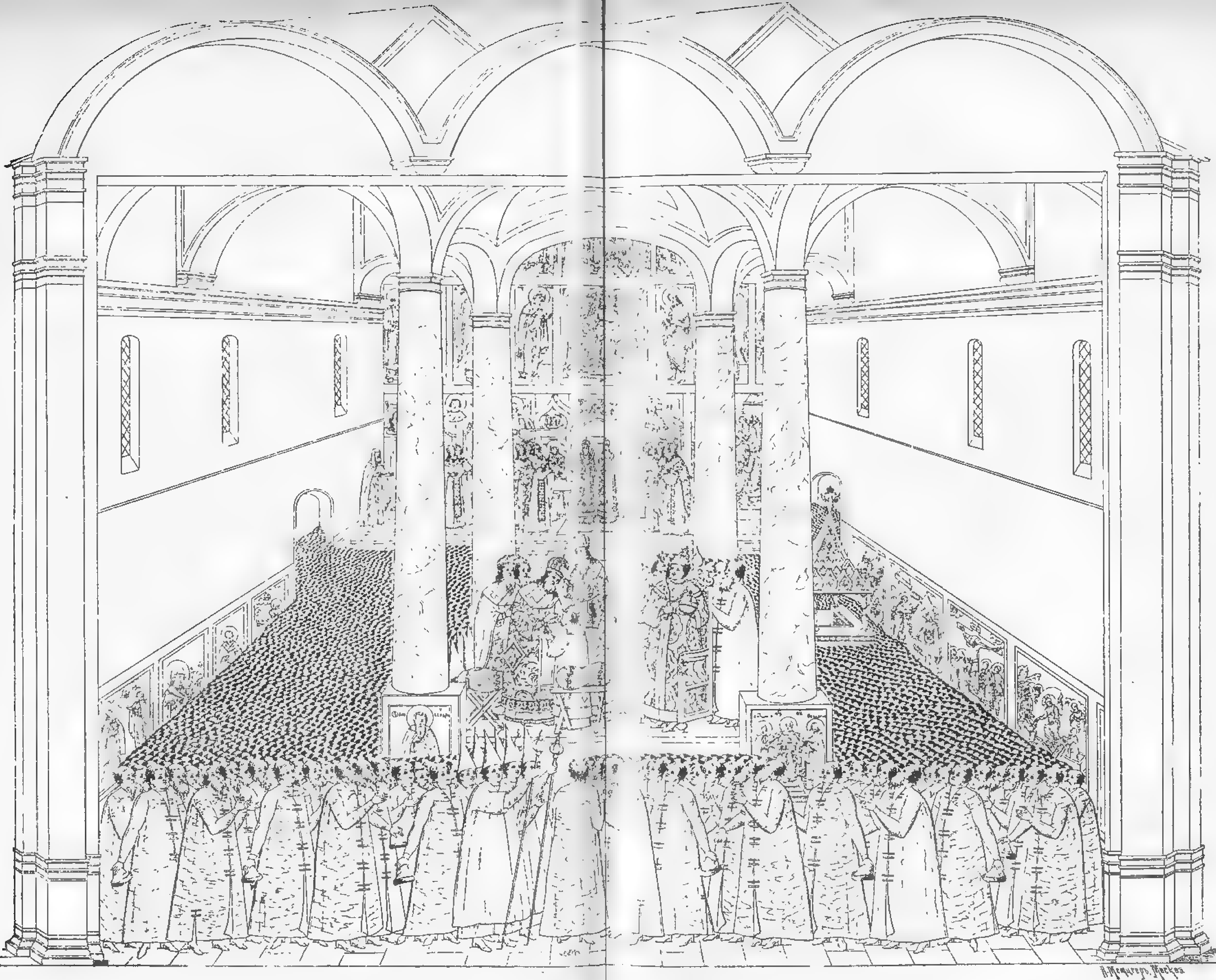
Прежде всего работа зодчихъ коснулась Фроловскихъ воротъ, кои послѣ стали называться Спасскими. Построенныя при Іоаннѣ III Антоніемъ Соляріемъ, они, какъ видно на изображеніи Кремля въ царствованіе Бориса Годунова, представляли четыреугольное невысокое зданіе, покрытое четырехскатною крышей, подъ которой устроена вышка съ четырьмя фронтонами, увѣнчанная двухглавымъ орломъ. На вышкѣ былъ повѣшенъ колоколъ. Въ 1624 году, по указу царя Михаила Ѳеодоровича, надъ Фроловскими воротами построена была шестигранная высокая башня, а на ней поставлены были часы, существовавшіе въ своемъ первоначальномъ видѣ до Петра I, который замѣнилъ ихъ другими. Строителемъ башни и часовщикомъ былъ англичанинъ Христофоръ Галловей. Она получила почти тотъ же видъ, который сохраняетъ донынѣ; но окружающая ее обстановка уже не та, что при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Такъ, предъ нею былъ мостъ, перекинутый чрезъ ровъ, наполненный водой. Самая главная кремлевская стѣна покрыта двухскатною крышей. (См. выше рисунокъ: «Провозглашеніе царемъ Михаила Ѳеодоровича на Красной площади», стр. 40 и 41).

Въ самомъ Кремлѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича кипѣла огромная работа по возстановленію его храмовъ и дворцовъ.

Въ Успенскомъ соборѣ были возстановлены испорченные въ междуцарствіе своды и настѣнная иконопись. По современнымъ свѣдѣніямъ, это послѣднее дѣло было поручено псковскому иконописцу Ивану Паисеину, вмѣстѣ съ московскими иконописцами, кои въ точности снимали на листы старую живопись. Возобновленіе ея совершалось, подъ наблюденіемъ боярина Бориса Рѣпнина, стольника Григорія Пушкина и дьяка Степана Угодскаго. Золота употреблено было 210.000 листовъ, на 1.721 червонецъ (около 20.000 руб.). Государь указалъ брать деньги на этотъ предметъ изъ печатнаго и монетнаго дворовъ и изъ приказа Казанскаго дворца. Однако въ возобновленіи собора



Реконструкція Кремлевскихъ дворцовъ въ царствованіе Михаила Θеодоровича.



Посвященіе въ патріархи Филарста Никитича. (Изъ книги „Избраніе на царство“ и проч.).

участвовали и патріархъ Филаретъ, давшій на этотъ предметъ 1.000 червонцевъ, и торговый человѣкъ Толечовъ—164 червонца.

«По учиненіи смѣты, поданной государю за руками иконописцевъ Ивана Пансена съ товарищами, оказалось, что если собрано будетъ государевымъ изволеніемъ знаменщиковъ и иконописцевъ шестьдесятъ человѣкъ, то всю соборную церковь уповательно можно надписать въ два лѣта. По приготовленіи красокъ и всего матеріала, потребнаго къ сему дѣлу, начали левкасъ дѣлать изъ старой извести, которую возили изъ Ростова. Въ привозѣ оной значится 200 бочекъ, цѣною каждая по 50 коп., и притомъ за провозъ 50 же. Оную же известь въ левкасъ претворяли слѣдующимъ образомъ: смѣшавъ съ водою, цѣдили въ 20 творилъ черезъ рѣшета, въ творилахъ гребками мѣшали и изъ Москвы-рѣки воду въ опредѣленные часы перемѣняли; емжугъ же, или соръ съ пѣною, съ извести снимали и потомъ оную со льномъ сбивали; а ленъ пріуготовляли такъ: оный на мельницахъ терли и выбирали изъ него кострицу, а потомъ сушили въ ведренное и теплое время на шестахъ, а въ ненастное время нарочно избы топили; изсуша, вили веревки, и, изрѣзавъ ихъ, въ творилахъ же съ известью мѣшали; такимъ образомъ, пріуготовивъ левкасъ, снимали со стѣнъ старое иконное письмо на бумажные листы; потомъ старый левкасъ сбивали и, гдѣ оказывались сверху на сводахъ трещины, заливали ихъ вареною смолою. Очистивъ стѣны, набивали оныя для укрѣпленія новаго левкаса гвоздьми; гдѣ же гвозди въ стѣну не входили, навертывали нарочно сдѣланными пробоями, а потомъ левкасили вновь и, чтобы гладокъ былъ левкасъ, потирали оный ветошками. Учредивъ все такимъ образомъ, писали иконописцы на стѣнахъ безъ свѣчъ, а по необходимости и при свѣчахъ, противъ снятыхъ знаменщиками стараго письма рисунковъ, растворяя краски на яйцѣ, да на пшеничной вареной водѣ; въ киноварь же и сурикъ — масло, а въ баканъ и ярь — нефть и скипидаръ клали; золотили же только на олифѣ, и оное стѣнное письмо покрывали олифою жъ. Ревностно продолжая симъ порядкомъ свой трудъ, окончили иконное писаніе въ 1644 году». Это слѣдовало бы принять въ соображеніе при нынѣшней реставраціи фресокъ Успенскаго собора.

Кромѣ этого, царствованіе Михаила Θеодоровича памятно для Успенскаго собора тѣмъ, что въ 1626 году здѣсь положена была принесенная послами шаха персидскаго Аббаса риза Господня, взятая персами изъ грузинскаго Мцхетскаго собора.

Патріархъ Филаретъ Никитичъ, установивъ по этому поводу ежегодное празднованіе 10 іюля, устроилъ для храненія святыни бронзовый литой шатеръ, искусно сдѣланный котельнымъ мастеромъ Дмитріемъ Сверчковымъ. Между столбами собора въ 1644 г. было повѣшено иждивеніемъ государя восемь паникадилъ.

Изъ записокъ строительныхъ, издѣльныхъ и покупныхъ («Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики Москвы»), видно, сколько заботъ посвящалось въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича первопрестольному собору всея Россіи. Особенно много заботился о немъ отецъ государя, патріархъ Филаретъ Никитичъ. Изъ названныхъ записокъ видно, что и когда, какими мастерами и за какую плату дѣлалось въ соборѣ; здѣсь, что важно

Печати Филарета Никитича.

для русской иконографіи, исчисляются и новыя иконы, написанныя для него, золотыя и серебряныя ризы для иконъ, ковчеги и раки для мощей, облаченія для духовенства, пелены, аналои, рѣшетки и т. д. Пріятно отмѣтить, что для собора работали все русскіе мастера самыхъ разнообразныхъ спеціальностей. Патріархъ иногда поощрялъ ихъ своимъ, особо милостивымъ жалованіемъ. Такъ, напримѣръ, иконописецъ Назарій Истоминъ получилъ отъ святѣйшаго патріарха, изъ его келейной кіоты, Спасовъ образъ, въ серебряномъ окладѣ, ковшъ серебряный же и проч.

Нѣтъ сомнѣнія, что и Архангельскій соборъ, подвергшійся опустошенію во время польскаго владычества въ Москвѣ, требовалъ немало работъ по своему возстановленію. Но объ этомъ мы мало имѣемъ свѣдѣній. Въ исторіи же этого собора это царствованіе отмѣчено, кромѣ вкладовъ, богомольныхъ царскихъ выходовъ и погребенія самого государя, перенесеніемъ сюда изъ Польши

гроба развѣнчаннаго царя и невольнаго инока Василія Ивановича Шуйскаго. При заключеніи Поляновскаго мира польскій король Владиславъ IV согласился отпустить въ Москву гробы Шуйскаго и его жены.

Сюда они прибыли 10 іюня 1635 года. Народъ съ крестнымъ ходомъ вышелъ встрѣтить гробы на Поклонную гору, за Дорогомиловскую заставу. Ихъ несли на головахъ дѣти боярскія до церкви Николы Явленнаго на Арбатѣ. Отсюда ихъ понесли московскіе дворяне на плечахъ. Патріархъ Іосифъ, преемникъ Филарета Никитича, встрѣтилъ печальную процессію у несуществующей теперь церкви Николая Зарайскаго, у Каменнаго моста, и, отслуживъ литію, пошелъ за ними вмѣстѣ съ духовенствомъ. Гробы внесли въ Кремль чрезъ Ризположенскія ворота а, когда проходили около двора Бориса Годунова, зазвонили во всѣ колокола. Царь съ боярами были всѣ въ «смирныхъ» или траурныхъ одеждахъ. На другой день происходило погребеніе царя Василія Ивановича въ соборѣ Архангела Михаила. Гробъ его былъ поставленъ у сѣверной стѣны. Надпись гласитъ: «7121—1612, сентября въ двѣнадцатый день, на память священномученика Автонома, преставился благовѣрный и христолюбивый великій государь, царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Россіи самодержецъ, въ польскомъ королевствѣ, въ 65 лѣтъ живота его, а въ Польшѣ лежало его тѣло 23 года».

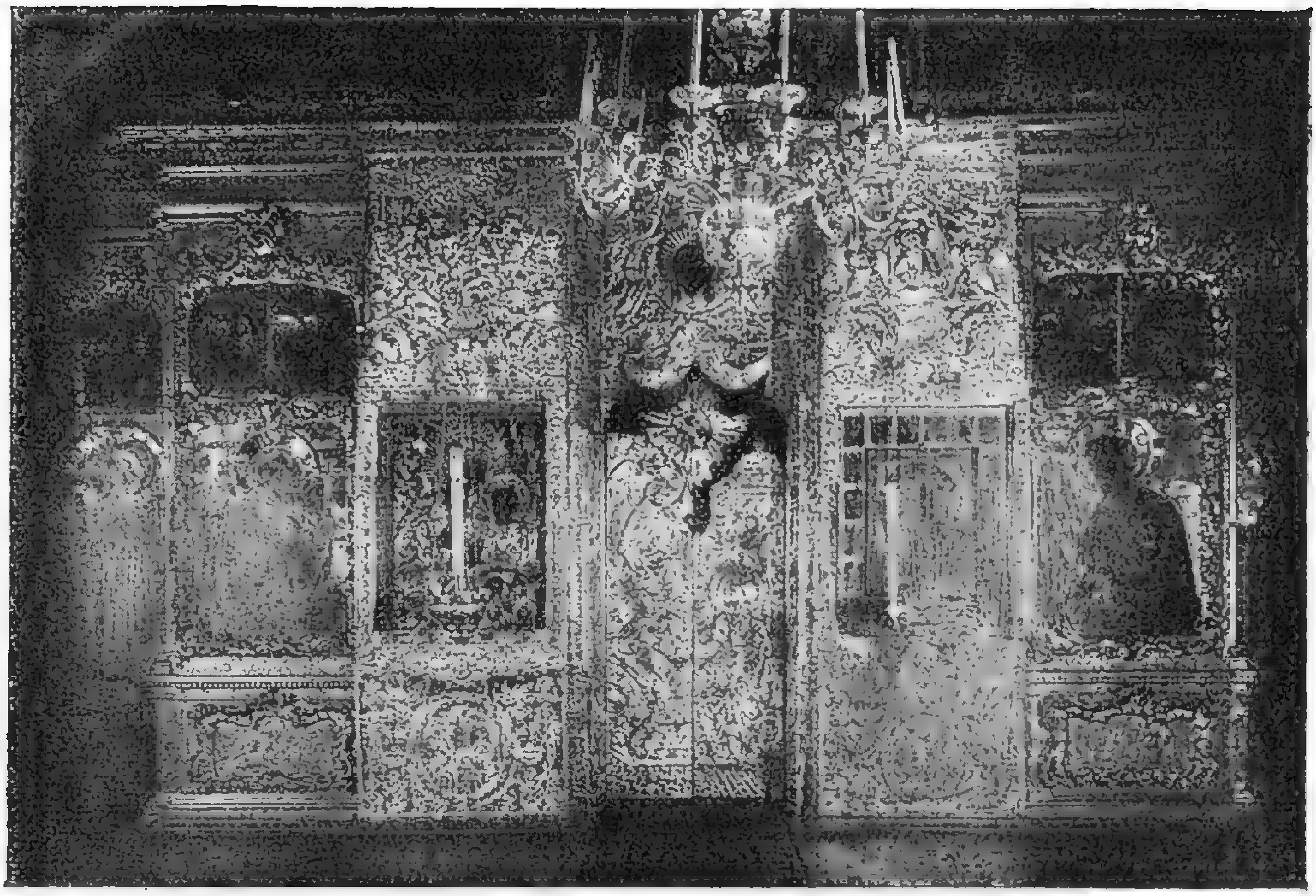
О Благовѣщенскомъ соборѣ извѣстно, что царь Михаилъ Θеодоровичъ велѣлъ устроить въ немъ каменный полъ, существующій доселѣ. Онъ сдѣланъ изъ набора яшмъ и, по одному свидѣтельству, перенесенъ, по приказанію отца государя, изъ Ростовскаго собора. Кромѣ того, онъ устроилъ семь серебряныхъ ковчеговъ для храненія частицъ мощей, которыя были подносимы ему изъ святыхъ мѣстъ востока.

Въ это же царствованіе, по благословенію патріарха Филарета, рядомъ съ Ивановскимъ столпомъ Годунова, была построена колоколенная пристройка большихъ размѣровъ для помѣщенія колоколовъ. Но это зданіе было взорвано Наполеономъ въ 1812 году и возстановлено было уже послѣ Отечественной войны; оно и носитъ названіе Филаретовской постройки. На колокольню былъ отлитъ большой колоколъ, называемый «Реутомъ». Вѣсу въ немъ 2000 пудовъ.

Являясь возстановителемъ прежнихъ храмовъ Кремля, Михаилъ Θеодоровичъ былъ и храмоздателемъ новыхъ. Патріархъ Фила-

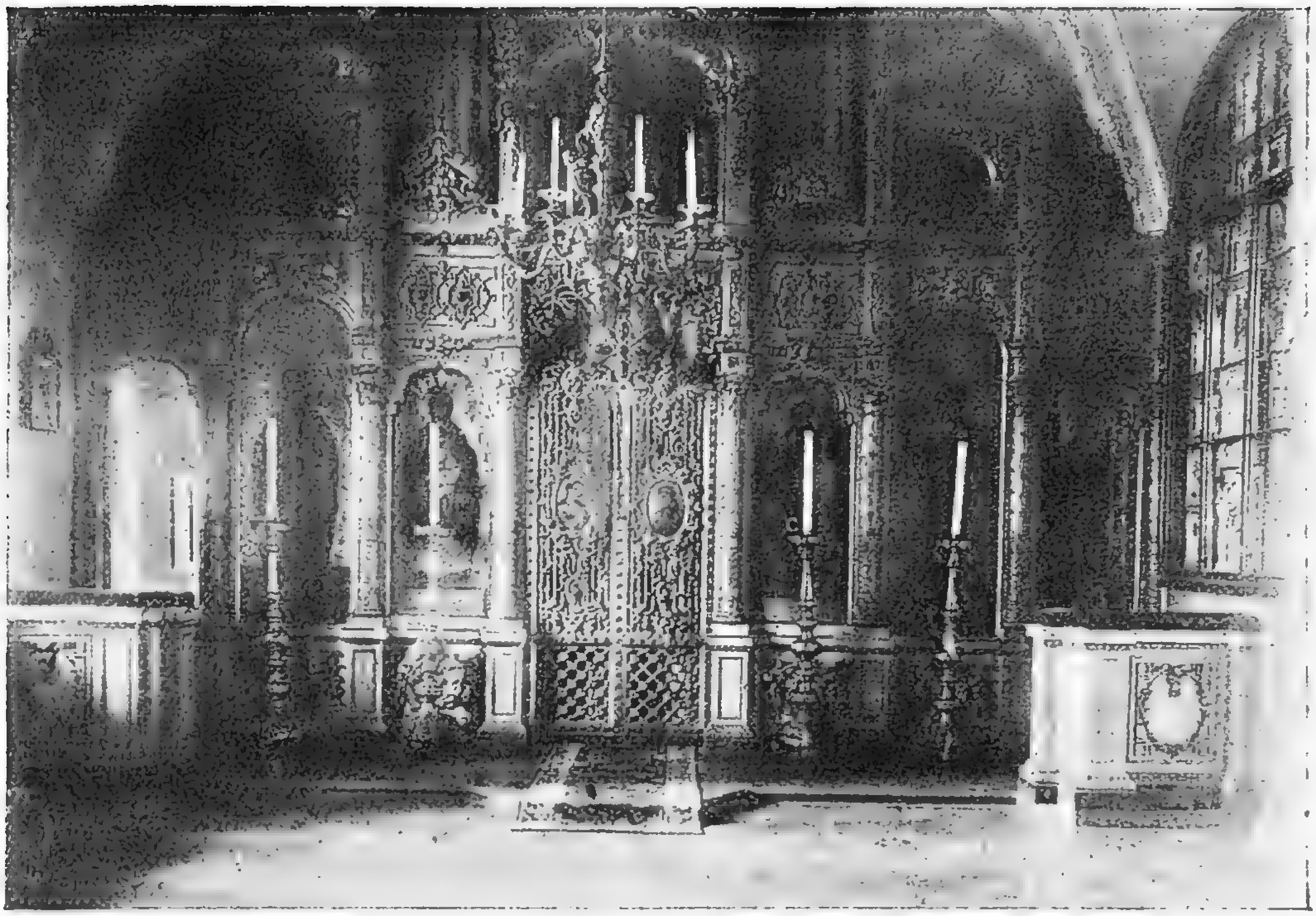
Гробницы первыхъ царей изъ дома Романовыхъ въ Архангельскомъ соборѣ.

ретъ Никитичъ, около 1630 года, построилъ въ Кремлѣ, надъ Тайницкими воротами, первый на Руси (соборный) храмъ во имя Александра Невскаго. Какъ видно изъ дѣлъ патріаршаго приказа, въ этомъ году, 7 іюня, по указу патріарха, «впервые» выдано двумъ священникамъ и діакону новаго собора 8 алтынъ и 2 деньги. Вотъ нѣкоторыя подробности объ Александро-Невскомъ соборѣ, уничтоженномъ въ концѣ XVIII столѣтія. Въ описываемое время «поволакивалъ въ немъ бархатомъ червчатымъ» евангеліе переплетчикъ Ермолаевъ, а «знаменилъ» и золотилъ евангелистовъ и крестъ знаменщикъ Петръ Матвѣевъ. За кіотъ и образъ св. Александра Невскаго, для ношенія въ крестныхъ ходахъ, заплочено иконнику Ондрюшкѣ Ондрееву 16 алтынъ 4 деньги. За кадило заплочено 2 руб., 3 алтына и 2 деньги. Надъ царскими вратами собора были поставлены образа: Всемилостиваго Спаса, Знаменія, Пречистыя Одигитріи, Пречистыя Владимірскія, Страстотерпца Θеодора и Михаила Маленна, писанныя иконописцемъ Назаріемъ Истоминымъ. Протопопъ собора съ причтомъ на праздникъ святого Александра Невскаго ходилъ къ святѣйшему патріарху со святою водою два раза въ годъ: 30 августа и въ ноябрѣ.

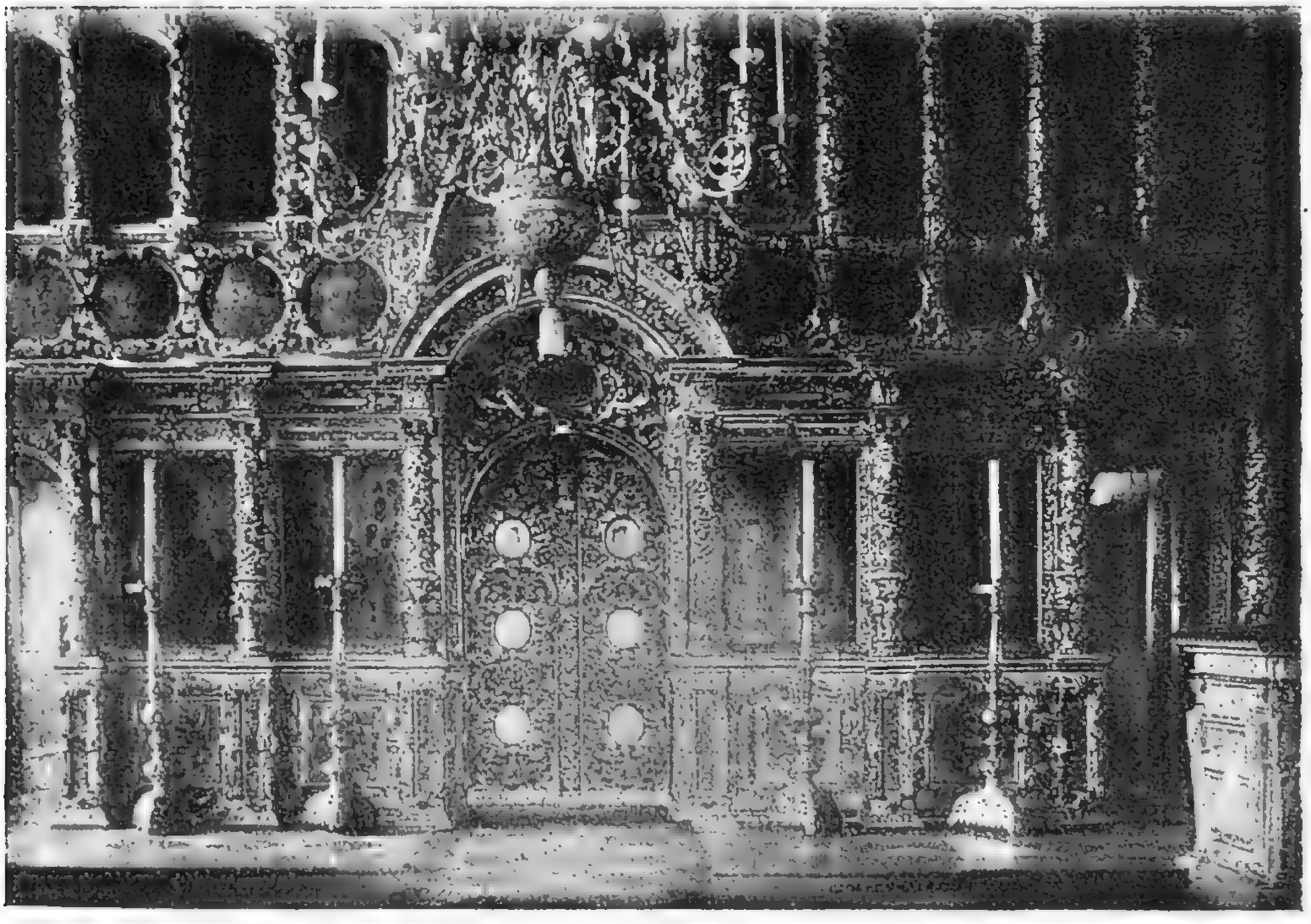


Дворцовая церковь Спаса «за золотою рѣшеткою».

Изъ храмовъ, построенныхъ Михаиломъ Θеодоровичемъ въ Кремлѣ, извѣстны: 1) находящійся теперь внутри дворца Верхоспасскій соборъ, или Спасъ за золотою рѣшеткою. Онъ назывался также Спасомъ Нерукотвореннымъ на сѣняхъ или наверху у государя. Построеніе этого храма относится къ 1635—1636 году, ко времени увеличенія царскихъ теремовъ. Строитель храма былъ подмастерье каменныхъ дѣлъ Огурцовъ. Въ этомъ храмѣ говѣли и причащались цари, начиная отъ Михаила Θеодоровича и до Петра I, были крещены ихъ дѣти, и совершалось молебствіе въ день совершеннолѣтія царевичей, когда они объявлялись наслѣдниками престола. Сюда Филаретъ Никитичъ пожертвовалъ паникадило, которое, какъ видно по надписи, сдѣлано было въ знаменательный 1613 годъ «въ полону», стало-быть, въ Польшѣ, когда тамъ находился отецъ государя. Около этого храма, на верху теремной лѣстницы, была боярская площадка, на коей собирались наши сановники прежде, чѣмъ являться къ государю. Церковь Спасова была отдѣлена отъ нея вызолоченною рѣшеткою. 2) «У царицы на сѣняхъ» въ 1626 году, по повелѣнію Михаила Θеодоровича, была построена зодчимъ Джономъ Тайлеромъ церковь великомученицы Екатерины и 3) церковь Воскресенія Словущаго,



Екатерининская церковь.

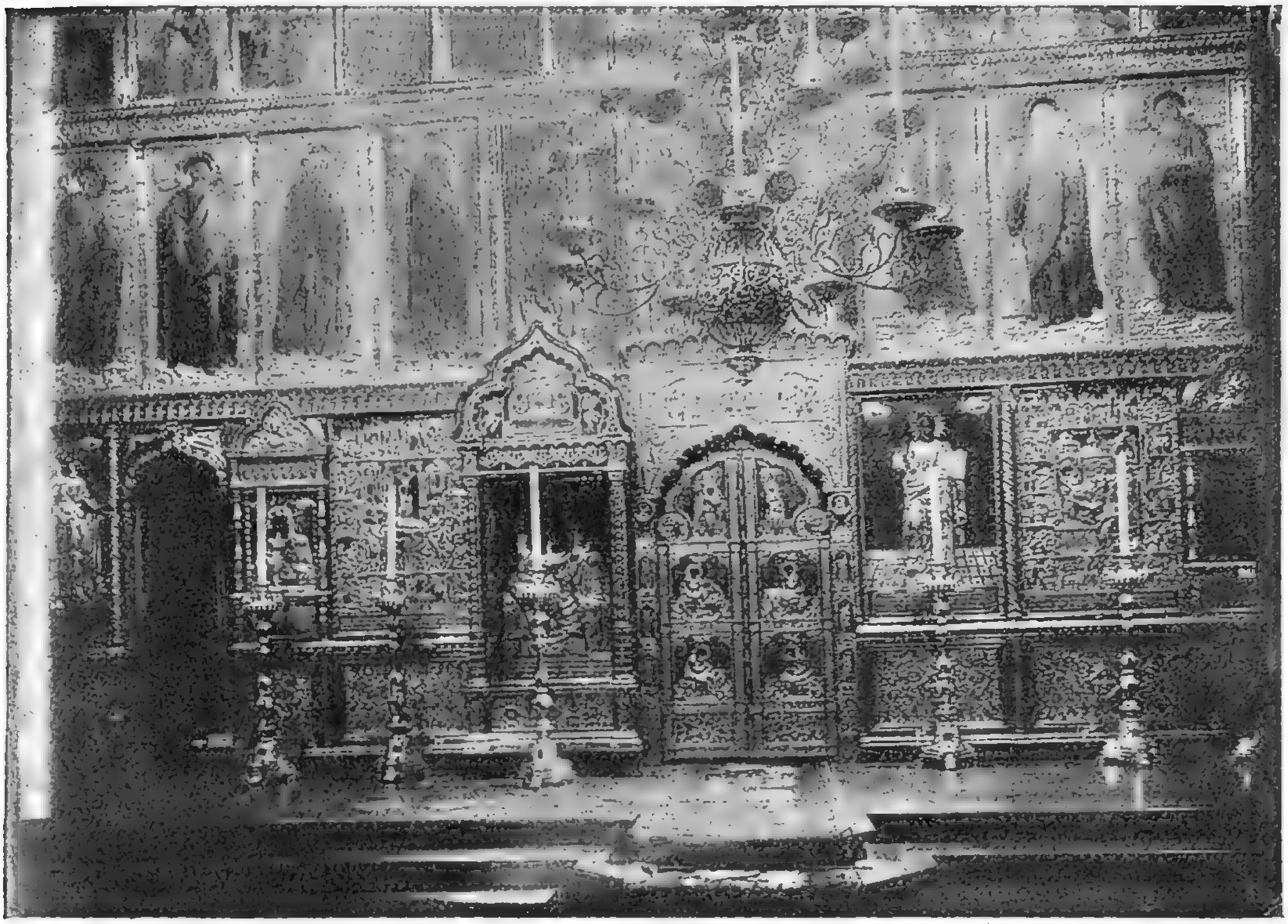


Церковь Воскресенія Словущаго.

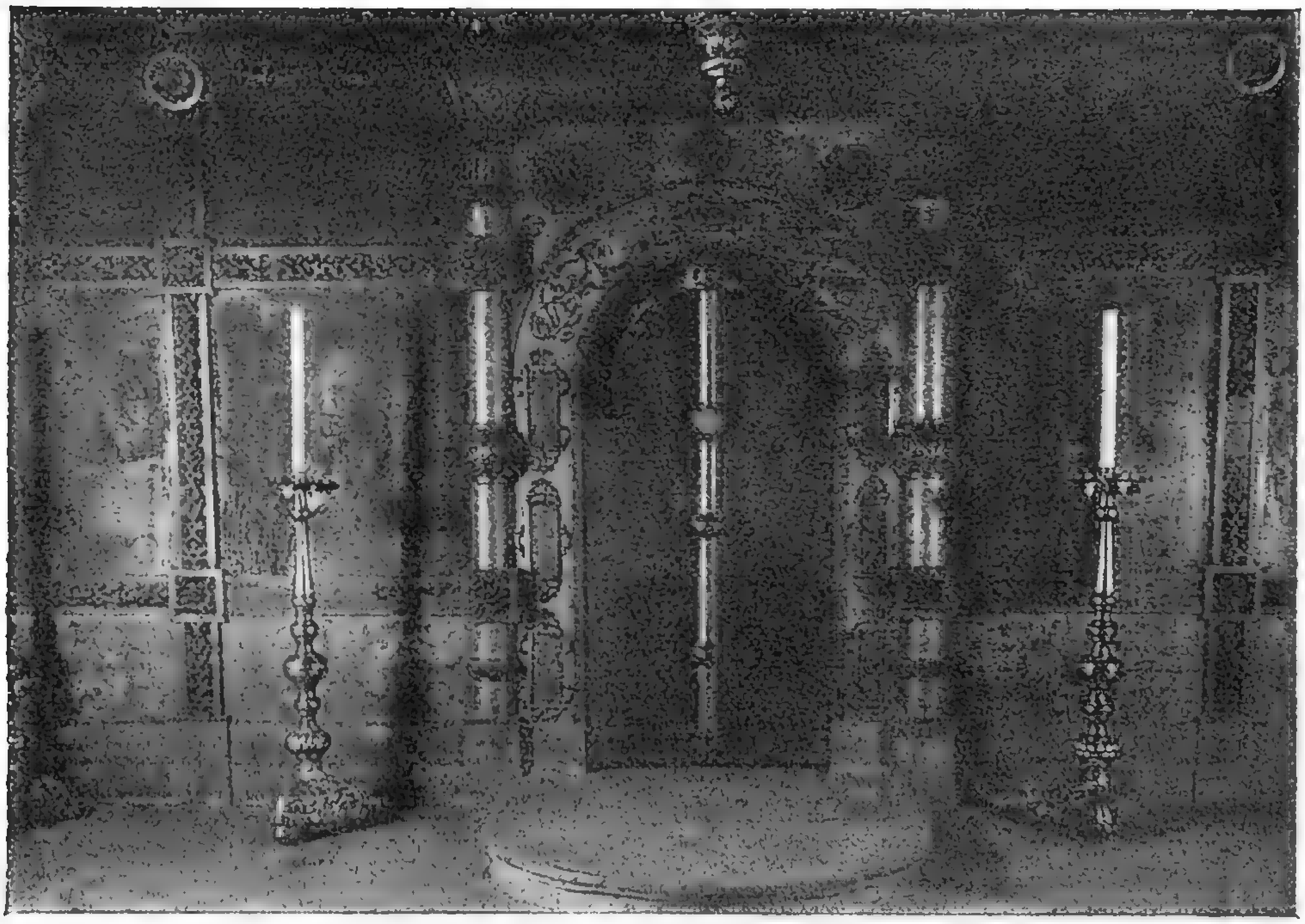
существовавшая съ 1635 года и по стилю и украшеніямъ сходная съ Верхоспасскимъ соборомъ.

Исторія Московскаго Кремля при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ представляется очень оживленной, не по одному только его храмоздательству, но и по обширному строительству дворцовъ.

По изысканіямъ И. Е. Забѣлина, эту сторону дѣятельности молодого царя можно представить въ слѣдующемъ видѣ: въ 1614 году были выстроены большія государевы хоромы, а въ слѣдующемъ году ихъ расписывали разными орнаментами и картинами иконописцы Ивашка да Ондрюшка Моисѣевы. Въ 1616 году въ тѣ же хоромы серебряной палаты сторожъ Михалка Андреевъ дѣлалъ литую висячую подволоку, которая была вызолочена. Въ январѣ государь справлялъ здѣсь новоселье и далъ награду плотникамъ. Затѣмъ надъ царицыной и проходной палатами и на постельномъ крыльцѣ котельные мастера устроили новыя металлическія кровли. Но 14 февраля 1619 года въ царскихъ хоромахъ случился пожаръ, и дворцовый плотничный мастеръ строилъ новыя государевы хоромы, столовую избу и постельную комнату; а въ 1621 году ихъ украшали «знаменьемъ и письмомъ» лучшіе иконописцы: Чиринъ, Савинъ, Паисѣинъ, Поспѣевъ и травникъ Лука Трофимовъ и другіе. Въ ноябрѣ въ столовой было справлено новоселье. Въ 1624 году Михаилъ Ѳеодоровичъ къ своимъ хоромамъ прибавилъ двѣ мыленки, избушку и сѣнничекъ. Въ слѣдующемъ году возобновилъ церковь Рождества Богородицы на Сѣняхъ, съ придѣломъ св. Лазаря. Здѣсь мать царя великая инокиня Марѳа Іоанновна поставила снимокъ съ иконы Ѳеодоровской Божіей Матери, предъ которой молился Михаилъ Ѳеодоровичъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ, когда мать его благословила на царство. Но 3 мая 1626 года случился новый пожаръ. Въ Кремлѣ, кромѣ монастырей Вознесенскаго и Чудова, «дворъ государевъ и патріаршій и въ приказѣ каменныхъ всякія дѣла погорѣша, и казна, и конюшни, и житницы, и всѣ «жила» государевы погорѣша». Опять поднялась стройка, и въ лѣто пожара Первуша Исаевъ поставилъ государю новыя постельныя хоромы. Затѣмъ въ слѣдующемъ году построена была брусяная столовая изба, гдѣ 23 ноября, на новосельѣ государь угощалъ бояръ обѣдомъ, а тѣ подносили ему хлѣбъ-соль и соболей. Иноземецъ, — палатный мастеръ Джонъ Тайлеръ, — въ этомъ же году возобновлялъ кремлевскій Срѣтенскій соборъ и строилъ помянутую выше церковь св. Екатерины. Послѣ этого пожара каменныя стройки слѣдуютъ одна за другой. По госуда-



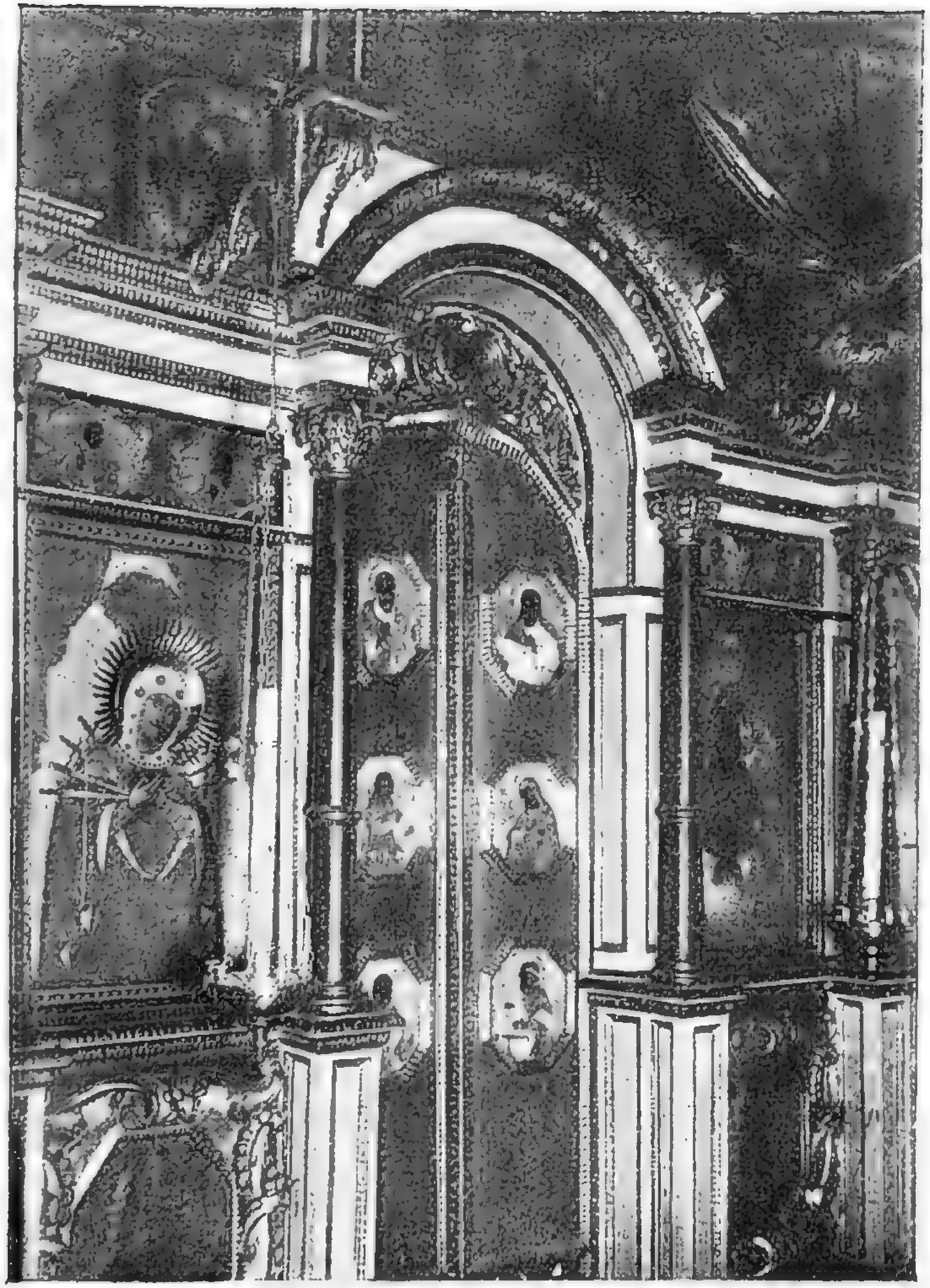
Церковь Рождества на Сѣняхъ.



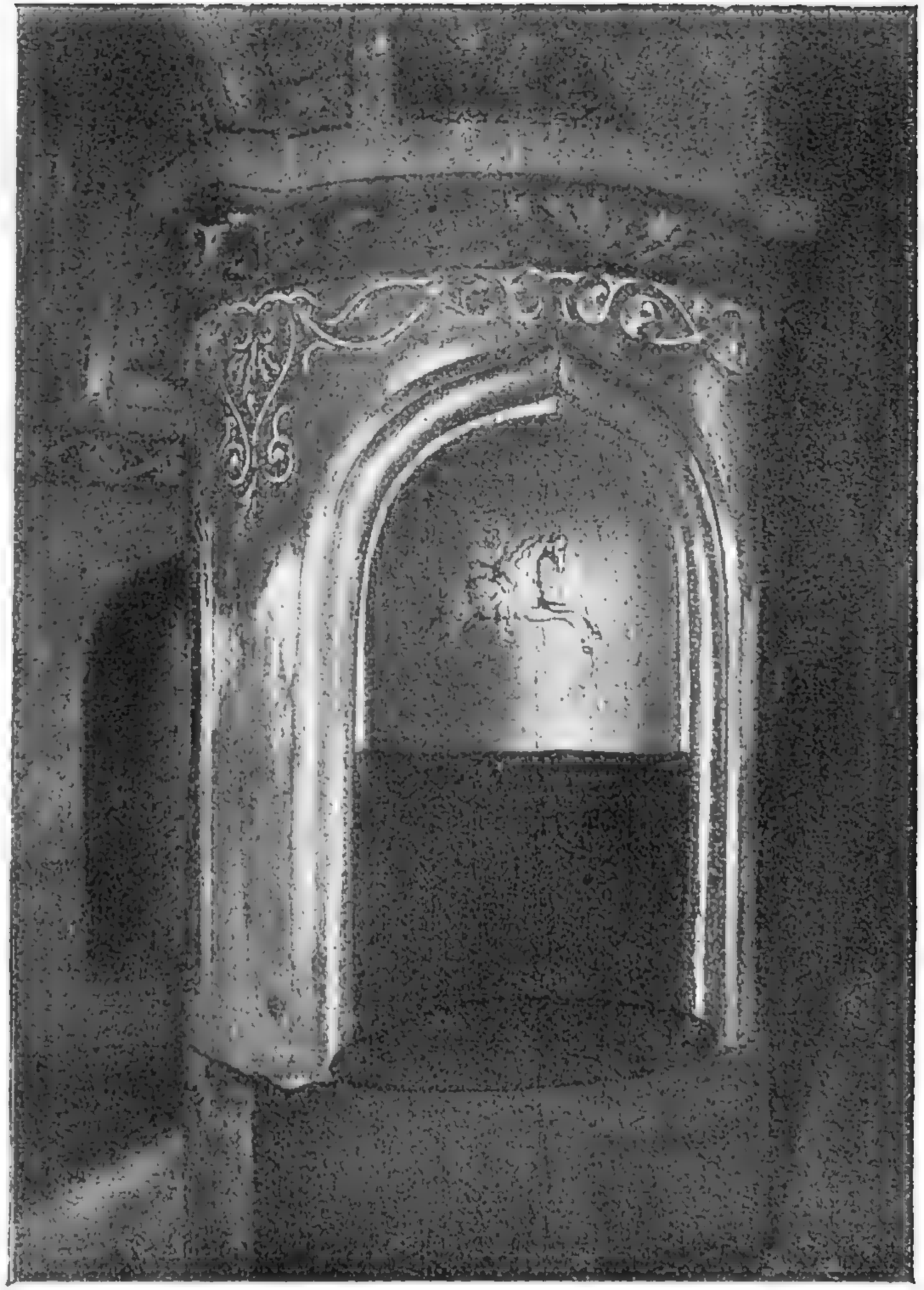
Иконостасъ церкви св. Лазаря.

Икона Θеодоровскія Божія Матери.
Даръ матери царя Михаила Θеодоровича.

реву указу собраны были изъ Ростова, Суздаля, съ Бѣла-Озера и изъ другихъ мѣстъ всѣ каменщики и кирпичники «для многихъ церковныхъ, дворцовыхъ и палатныхъ каменныхъ дѣлъ». Выписанъ былъ также «голландскія земли нѣмчинъ—кирпичный мастеръ Рудерикъ Мартысъ», который устроилъ кирпичный заводъ въ Даниловской слободѣ, «по своему нѣмецкому образцу». Въ 1631 году на кормовомъ дворѣ выстроена была русскими каменщиками каменная поварня, на которую посредствомъ водоподъемной машины была проведена изъ Москвы-рѣки вода, а въ 1633 году прежде упоминавшійся Галловей взвелъ воду на Свибловскую башню, а оттуда въ поварни, въ сытный и кормовой дворецъ. Въ 1633 — 1636 годахъ государь для себя и для дѣтей своихъ выстроилъ каменныя жилыя хоромы, хотя до



Иконостасъ въ церкви св. Лазаря.



Царское мѣсто въ церкви св. Лазаря.

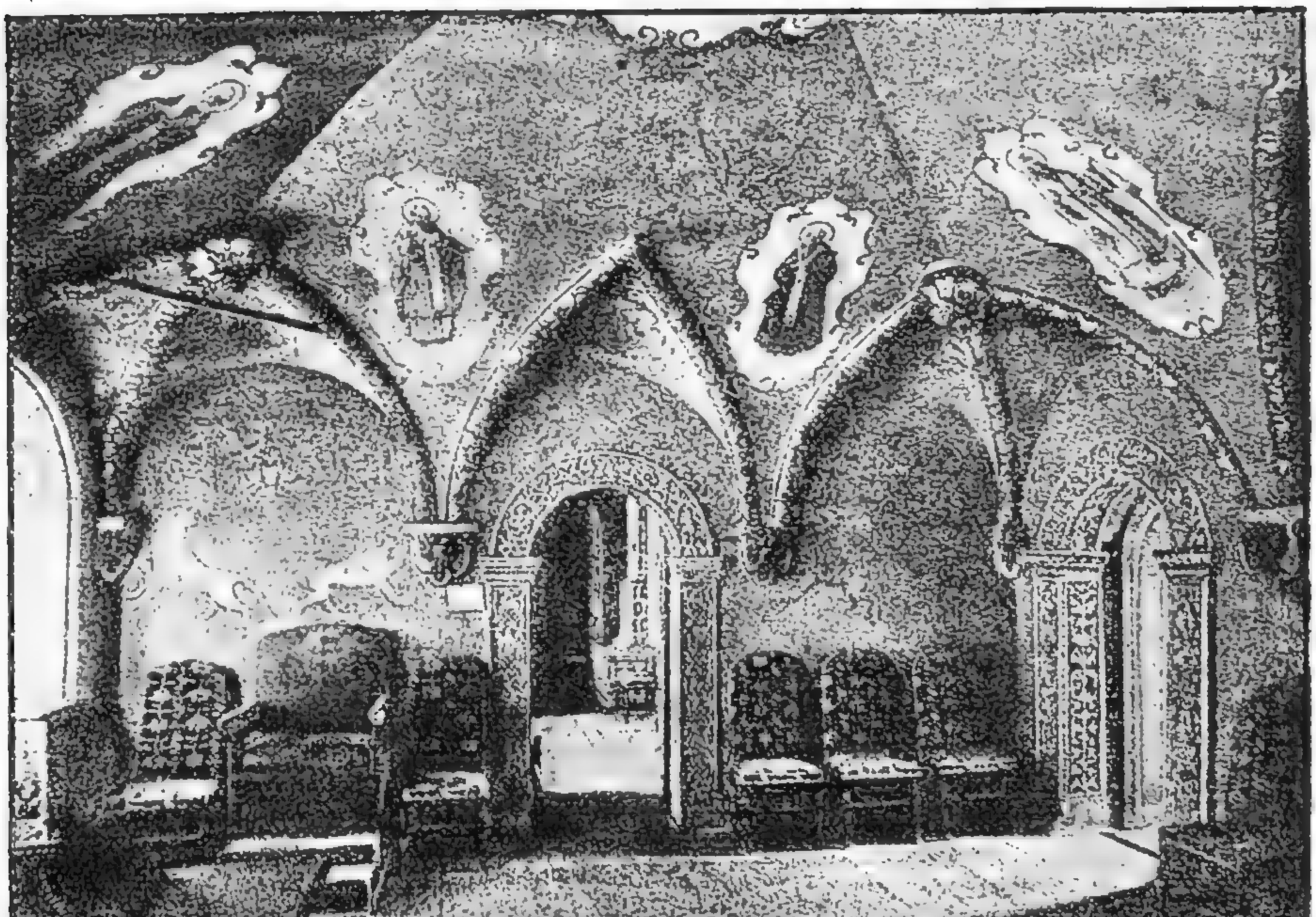
этого, какъ болѣе пригодныя для здоровья, предпочитались деревянныя. Онѣ были построены надъ выстроенною еще при Іоаннѣ III мастерскою палатою и подклѣтными палатами, рядъ которыхъ тянулся къ церкви Рождества Богородицы. Возведены были теперь три новыхъ этажа подъ лицо съ царицыными пріемными палатами. Верхній этажъ съ теремомъ наверху былъ назначенъ для малолѣтнихъ царевичей Алексѣя и Ивана, что значится и въ надписи, сохранившейся и донынѣ. Все зданіе сохранило типъ деревянныхъ жилыхъ хоромъ. Кромѣ каменныхъ растесокъ и рѣзей, напоминающихъ деревянную рѣзьбу, терема въ своемъ внутреннемъ устройствѣ напоминаютъ русскія деревянныя постройки. Почти всѣ комнаты теремнаго дворца одинаковой мѣры, каждая съ тремя окнами, что напоминаетъ великорусскую избу. Въ послѣдніе три года своего царствованія Михаилъ Өеодоровичъ выстроилъ еще какія-то дворцовыя палаты на Царборисовскомъ дворѣ для датскаго королевича Вольдемара, за котораго хотѣлъ выдать дочь свою Ирину.

Такимъ образомъ царь Михаилъ въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ своего царствованія успѣлъ не только возстановить старый дворецъ, но и увеличилъ его новыми каменными и деревянными постройками, выраставшими по мѣрѣ умноженія царской семьи и потребностей быта. Его сыну царю Алексѣю Михайловичу оставалось немного дѣла, въ отношеніи основныхъ сооруженій дворца.

Крыльцо Теремнаго дворца.

Но, безъ сомнѣнія, въ царствованіе Михаила Өеодоровича много сдѣлано было и для внутренняго украшенія дворцовыхъ палатъ, на что есть немало письменныхъ указаній, кои, впрочемъ, не опредѣляютъ детально того, что именно дѣлалось въ это время. Но, конечно, производившіяся работы были возстановленіемъ того, что было во дворцовыхъ палатахъ при Іоаннѣ IV и Өеодорѣ Іоанновичѣ. Если работы иконописцевъ по фресковымъ украшеніямъ дворцовыхъ палатъ уже при Алексѣѣ Михайловичѣ возста-

Крестовая палата въ Теремномъ дворцѣ.



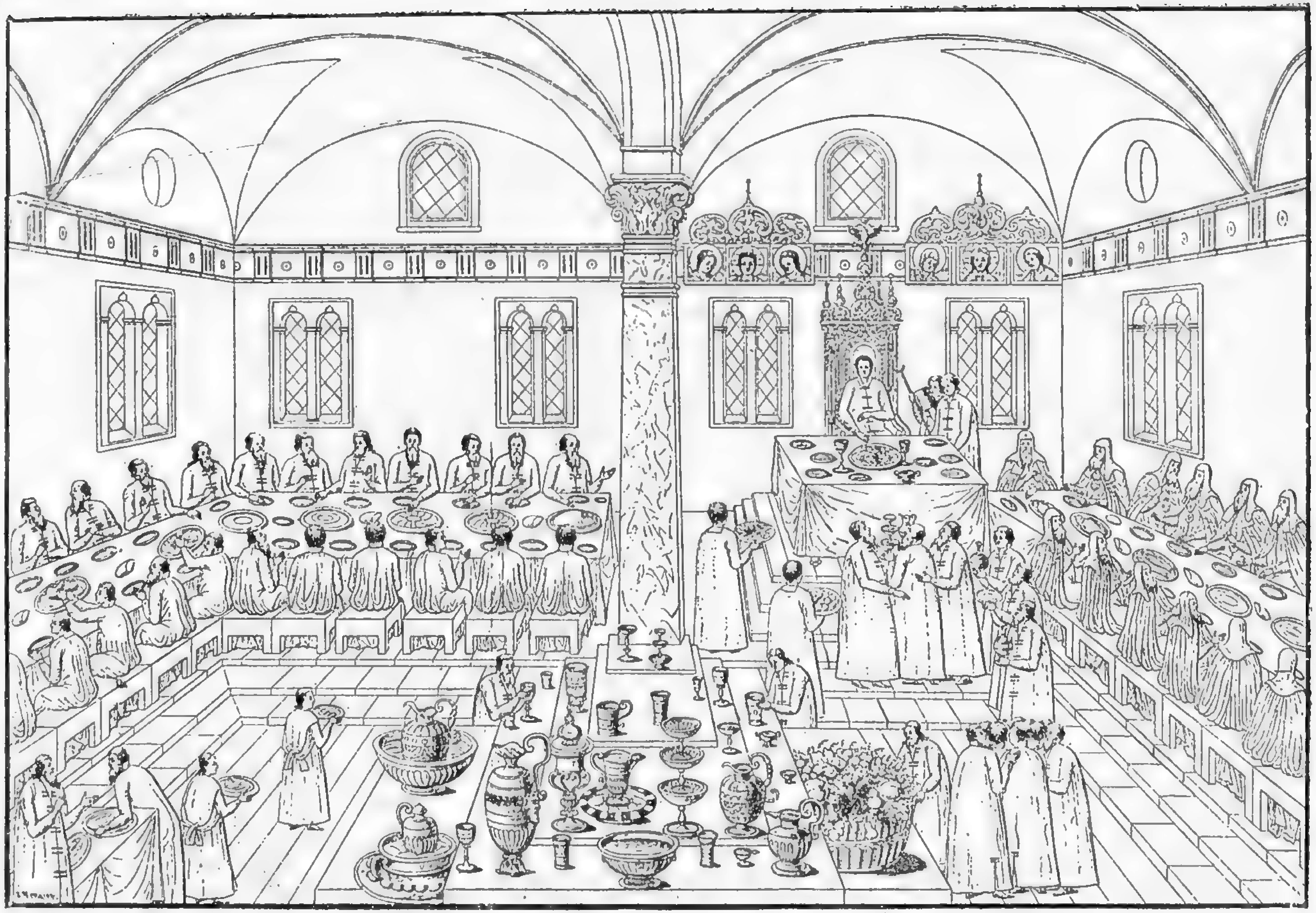
Престольная палата въ Теремномъ дворцѣ.

новляли только «тѣ жъ вещи, что прежде были писаны», то при Михаилѣ его царскіе иконописцы: Чиринъ, Назарьевъ, Савинъ, Паисѣинъ, Поспѣевъ, подписывавшіе и жилые и парадные царскіе покои, лишь возстановляли то, что было уничтожено или испорчено Смутнымъ временемъ, не внося, конечно, ничего новаго.

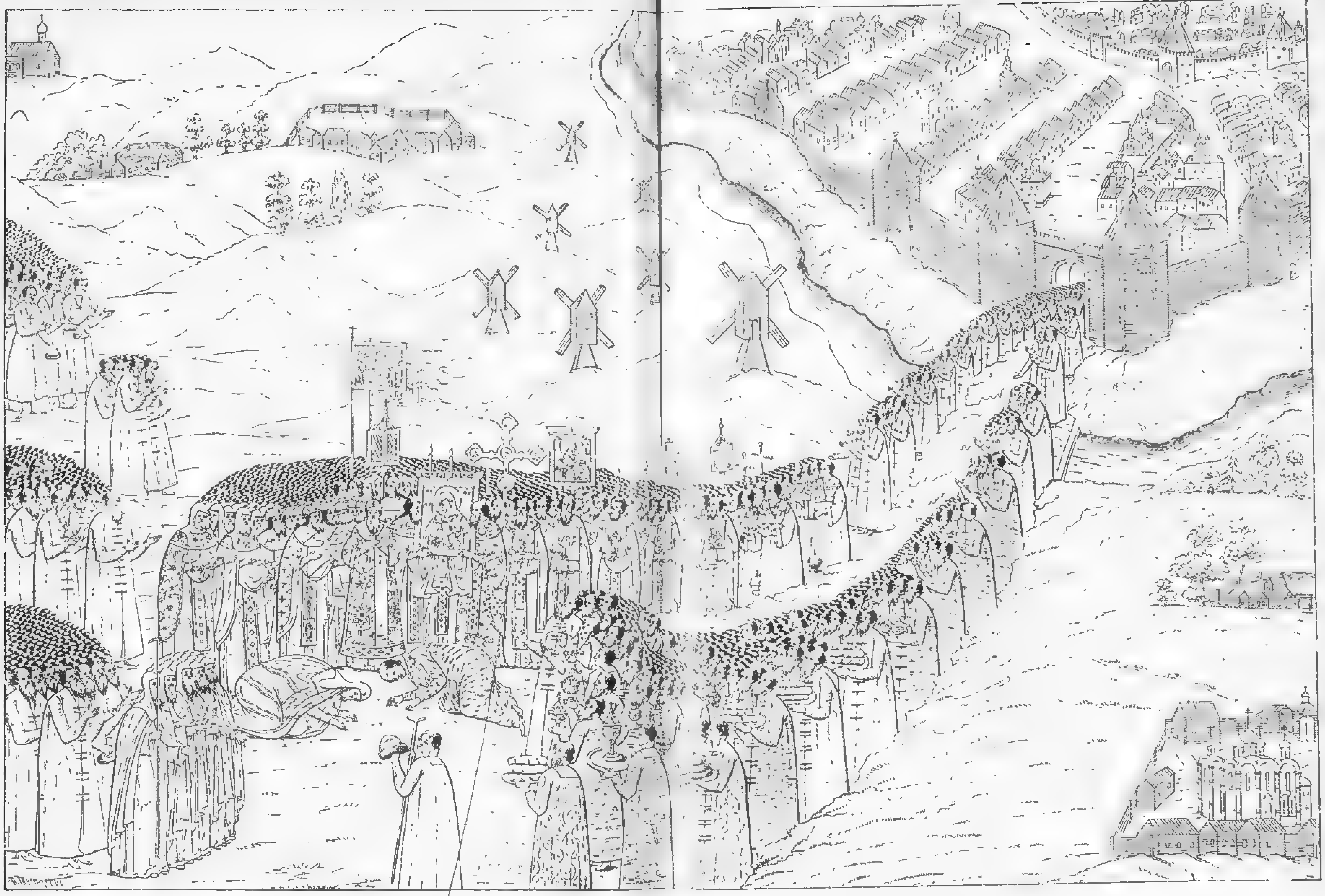
На основаніи этого мы можемъ утверждать, что, напримѣръ, Грановитая палата была расписана по своимъ потолкамъ и стѣнамъ, какъ она реставрирована была при въ Бозѣ почившемъ

Притворъ церкви Рождества на Сѣняхъ.

Государѣ Императорѣ Александрѣ Александровичѣ, на основаніи описанія фресокъ, сдѣланнаго при Алексѣѣ Михайловичѣ знаменитымъ русскимъ художникомъ Симономъ Ушаковымъ. Здѣсь въ разсматриваемое время красовались иконописныя изображенія изъ св. исторіи Ветхаго и Новаго завѣта и изъ Русской исторіи, портреты Русскихъ государей, начиная съ Рюрика, и картины, въ родѣ присылки изъ Византіи Владиміру Мономаху царскихъ регалій, также аллегорическія изображенія мужества, правды и т. д.; подобнаго же религіознаго, аллегорическаго и историческаго характера была стѣнопись и въ Золотой палатѣ, святыхъ сѣняхъ и жилыхъ покояхъ, если только такую живопись



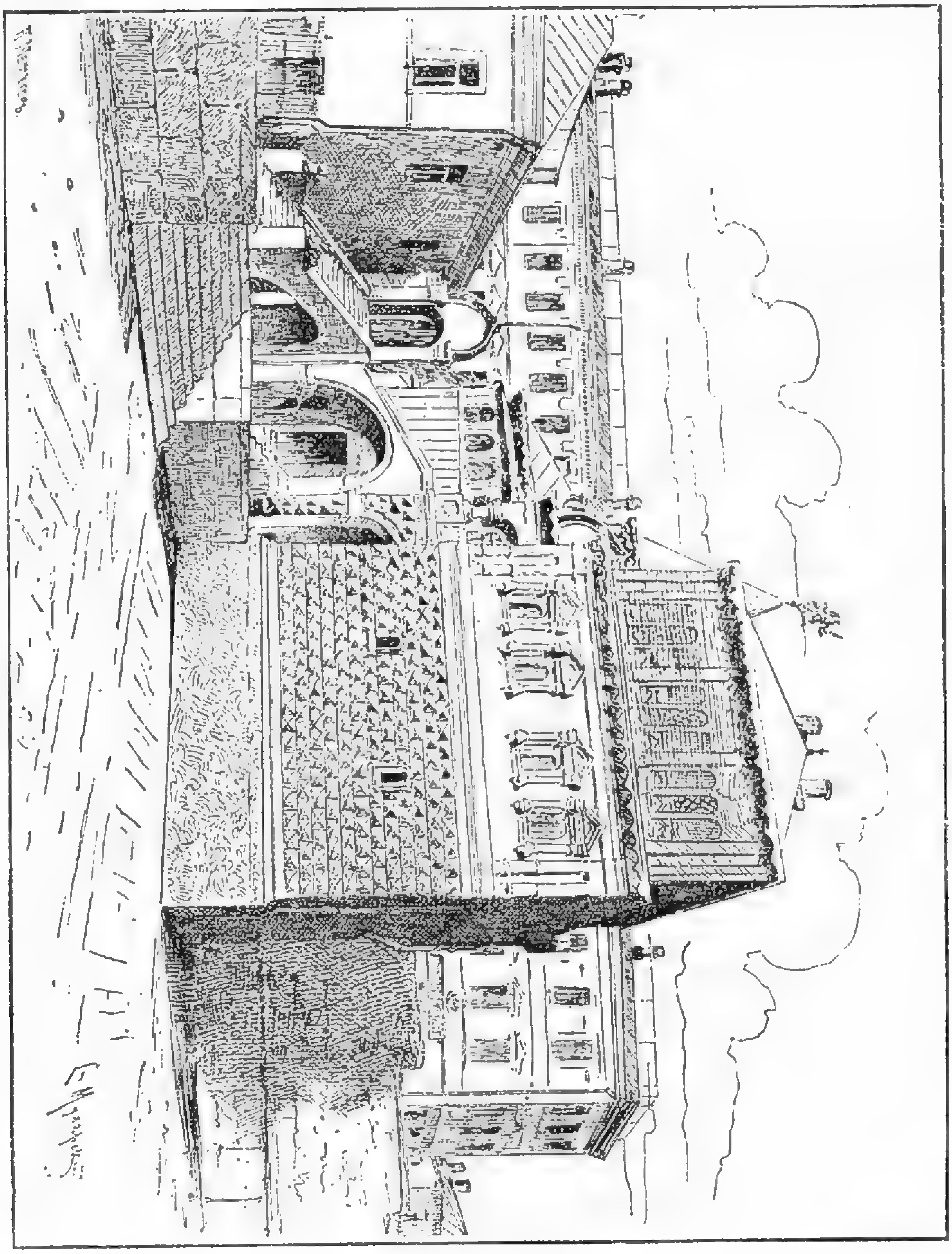
Коронаціонный обѣдъ Михаила Θеодоровича въ Грановитой палатѣ.



Встрѣча Филарета Никитича въ предмѣстьѣ Москвы.

не замѣняла орнаментація въ русскомъ стилѣ, болѣе или менѣе затѣйливаго характера.

Михаилу Өеодоровичу пришлось возстановлять во дворцѣ царскіе троны и мѣста, ободранные въ эпоху московской разрухи.

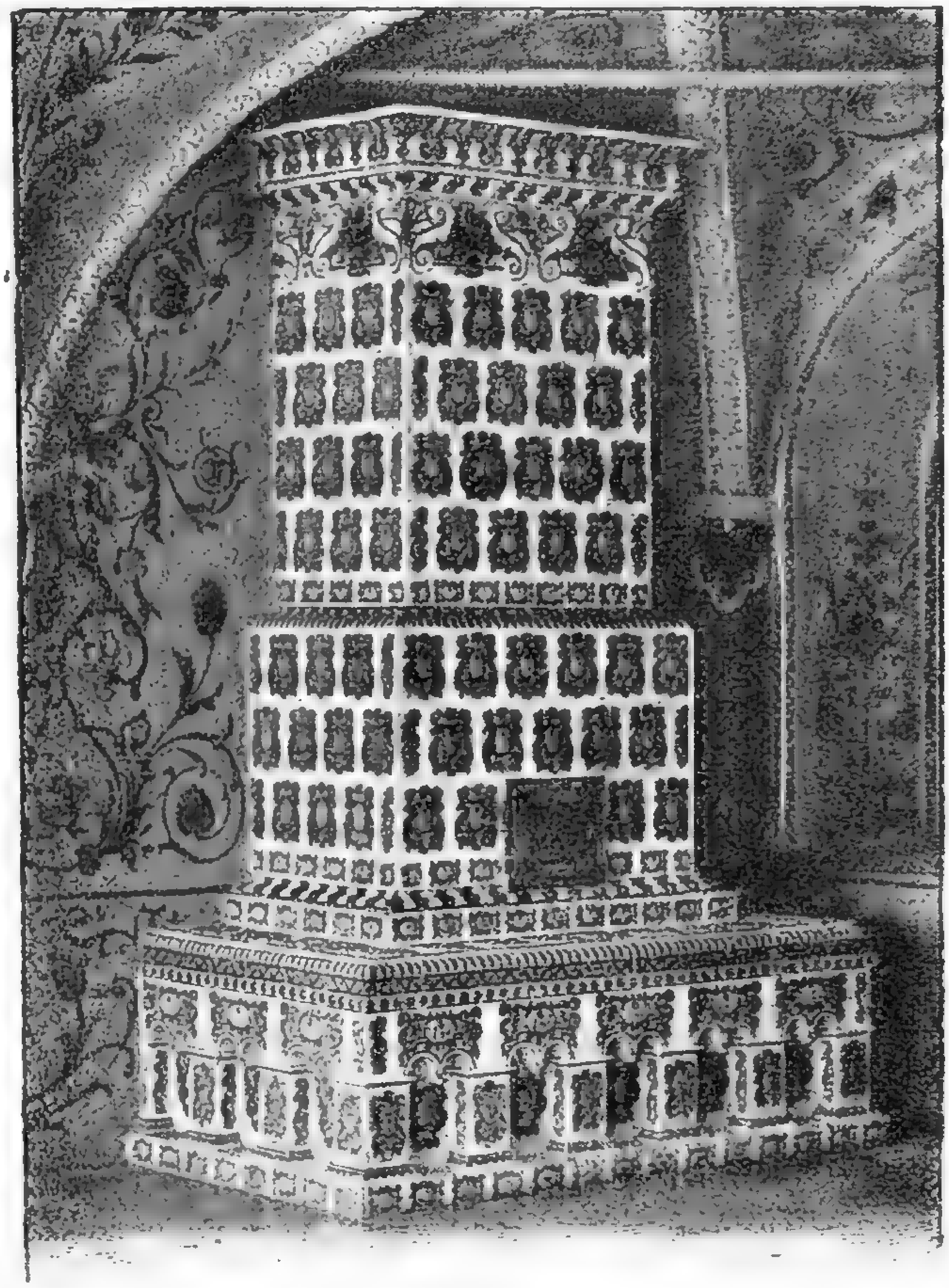


Палаты бояръ Романовыхъ.

Вообще молодому царю привелось немало потрудиться по возстановленію разореннаго царскаго обихода.

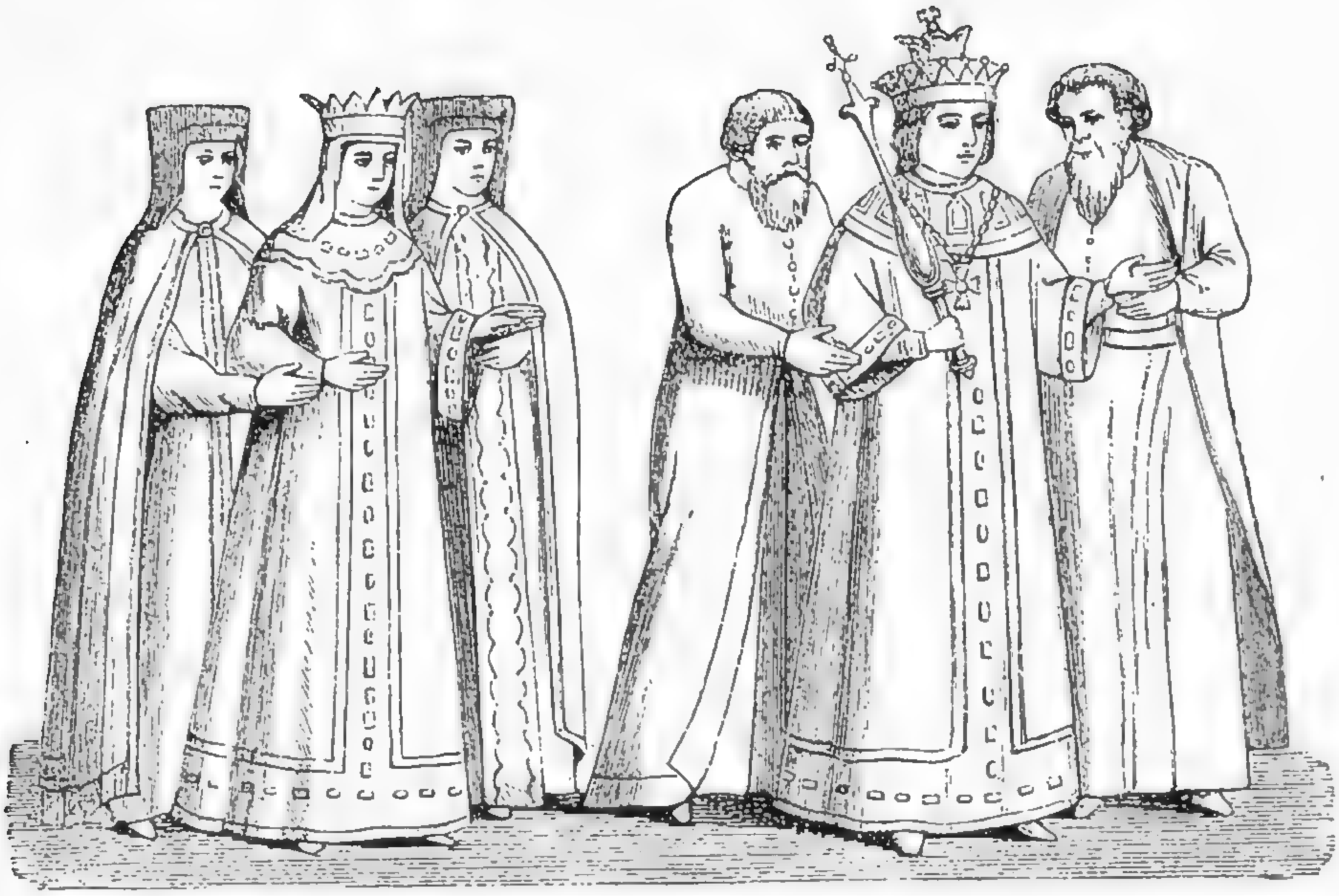
Михаиломъ Өеодоровичемъ были построены при дворцѣ потѣшныя палаты, гдѣ теперь «Потѣшный дворецъ» и гдѣ устраи-

вались различныя увеселенія и хранились различные музыкальные инструменты (стременты), какъ русскіе гусли, домры и другіе, такъ и заграничные, — органы, скрипки и проч. При этихъ палатахъ находились бахари или сказочники, пѣсенники, домрачеи, гусляры, скрыпотчики. Изъ гусляровъ этого времени извѣстенъ Любимъ Ивановъ; изъ органистовъ Томила Бѣсовъ и Мелентій Степановъ. На свадьбѣ царской тѣшили молодыхъ и ихъ гостей скрыпотчики: Богдашка Акатьевъ, Ивашка Ивановъ, Онашка да новокрещенный нѣмчинъ Арманка. Во дворцѣ стоялъ органъ съ соловьемъ и кукушкой, пѣвшими «своими голосами». Органисту Ансу Лунцу повелѣно было научить русскихъ людей дѣлать такіе «стременты», кои посылались послѣ въ подарокъ восточнымъ государямъ, какъ, напримѣръ, персидскому шаху. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ на мѣстѣ нынѣшней думы содержались львы и медвѣди; въ Старомъ Ваганьковѣ на мѣстѣ Румянцевскаго музея, — большой «псаренный дворъ».



Печь въ царскихъ теремахъ.

Михаилъ Ѳеодоровичъ много заботился объ устройствѣ садовъ дворцовыхъ. Эти сады, по мнѣнію И. Е. Забѣлина, были двухъ родовъ: одни верховые, какъ бы домовые, другіе—внѣшніе, или обыкновенные. Первые устраивались въ видѣ такъ называемыхъ висячихъ садовъ на какихъ-нибудь подклѣтяхъ или сводахъ, кои покрывались свинцовыми досками; на нихъ насыпалась земля и сажались фруктовыя деревья: яблони, груши, вишни, сливы, грецкіе орѣхи, даже виноградъ, и цвѣты: лиліи,



Выходъ царя и царицы послѣ бракосочетанія.

розы, нарциссы, гвоздика, иссопъ и т. д. Въ этихъ внутреннихъ садахъ вѣшались клѣтки съ соловьями, канарейками, перепелами и даже попугаями. Во внѣшніе сады посредствомъ водопроводовъ проводилась вода, и устраивались большаго или меньшаго размѣра пруды, на коихъ плавали лебеди и даже потѣшныя лодки, какъ, напримѣръ, въ послѣдующее время, при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, для его брата царевича Петра. Здѣсь же стояли бесѣдки (чердаки), украшенныя разными узорами и даже картинками.

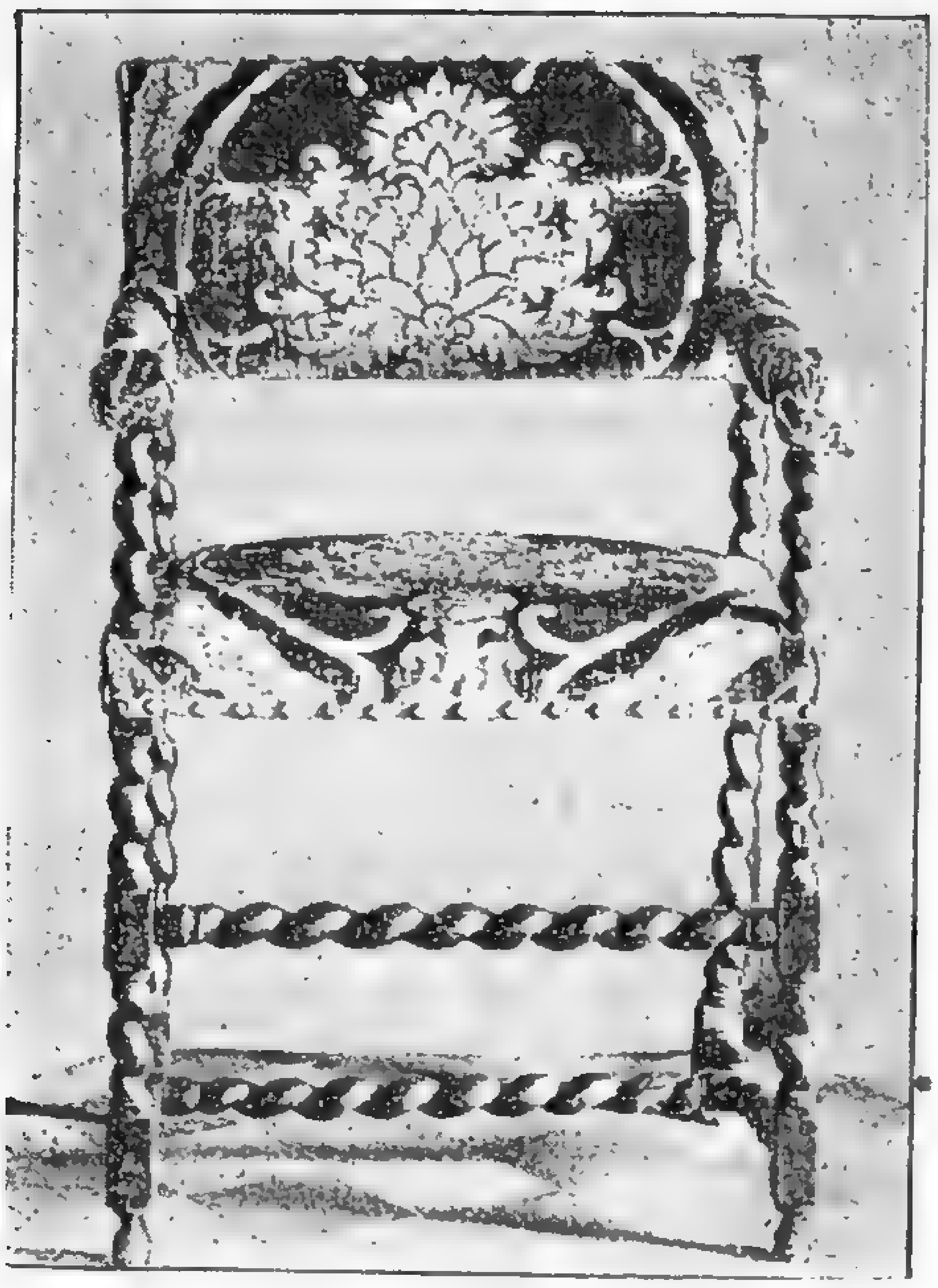
Вотъ какія свѣдѣнія мы имѣемъ о дворцовомъ садоводствѣ царя Михаила Ѳеодоровича. Въ 1623 году садовникъ Назаръ Ивановъ, уряжая государевъ «садъ наверху», т.-е. во дворцѣ, выискивалъ по всѣмъ садамъ Москвы лучшія яблони и высадилъ здѣсь три собственныя яблони большія, «наливъ», да грушу царскую. Вѣроятно, на этихъ яблоняхъ росли тѣ яблоки, о коихъ Олеарій говоритъ, что они такъ нѣжны и бѣлы, что, если держать ихъ противъ солнца, внутри ихъ можно видѣть зерна. Не въ этомъ ли саду посажена была и махровая роза, впервые привезенная въ Москву изъ Готорпа Петромъ Марцеліемъ? Затѣмъ извѣстно, что въ 1635 году садовники Иванъ Телятевскій да Титъ Андреевъ строили сады вверху и на Цареборисовскомъ дворѣ, а садовникъ Никита Родіоновъ въ это же время ударилъ челомъ царю Михаилу и царевичу Алексѣю въ ихъ

сады яблонями и грушами. Далѣе въ слѣдующемъ году «въ новый государевъ садъ» обито сукномъ, багрецомъ червчатымъ, на хлопчатой бумагѣ, государево мѣсто. На внутреннемъ дворѣ, близъ Спаса на Бору, со стороны его алтарей, находился особый садъ, который примыкалъ къ столовой избѣ и постельной государевой комнатѣ. Въ этомъ же саду въ 1643 году, послѣ кровопусканія Михаилу Өеодоровичу, хоронили въ ямку его царскую руду (Акты истор., III, № 228).

Выше (стр. 57 и 58) воспроизводимъ изъ «Книги объ избраніи на царство Михаила Өеодоровича» рисунокъ Кремлевскихъ дворцовъ и соборовъ во время коронаціоннаго выноса регалій.

Рисунокъ этотъ очень любопытенъ потому, что представляетъ намъ рядъ дворцовыхъ храмовъ и зданій XVII вѣка. За Успенскимъ соборомъ стоитъ храмъ св. Екатерины и справа какая-то деревянная постройка, слѣва теремъ и предъ нимъ Спасъ Золотая рѣшетка. За теремами храмъ Рождества Богородицы. На Соборную площадь выдвигается Грановитая палата съ крытымъ съ шатровыми башенками крыльцомъ. Далѣе идетъ Золотая палата съ открытымъ краснымъ крыльцомъ. За нею видны шатровые верхи

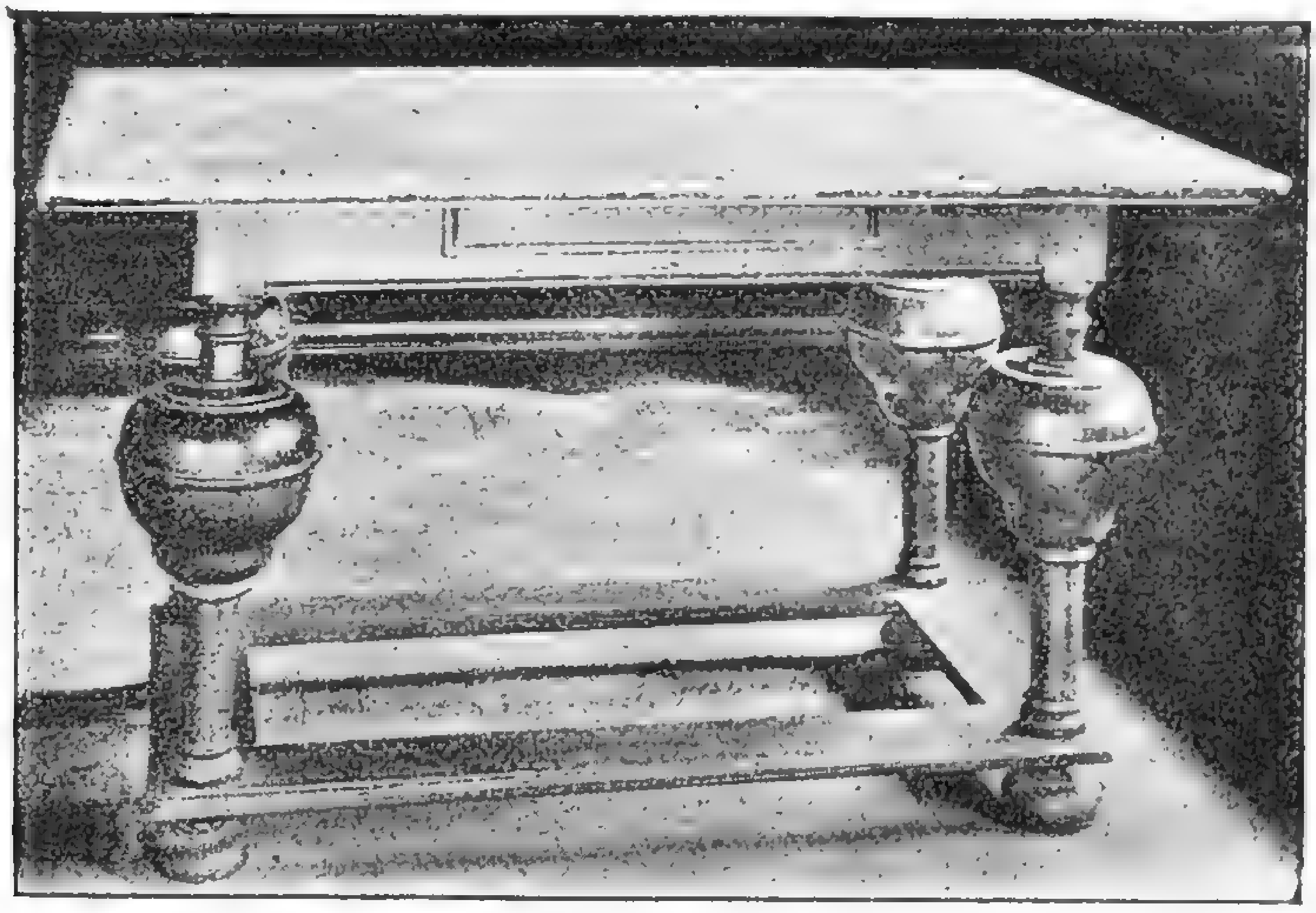
Крестовая палата въ домѣ Романовыхъ.



Кресло Романовыхъ.

столовой палаты, а вдали Колымажныя ворота. Лѣвѣй отъ нихъ Срѣтенскій соборъ и, наконецъ, набережныя палаты. Вообще къ концу царствованія Михаила Θеодоровича, по словамъ поэта, «Кремль старинный, сановитый, нашъ алтарь въ крови омытый и искупленный въ огнѣ», былъ совсѣмъ не узнаваемъ, какъ будто онъ совсѣмъ не испыталъ въ лихолѣтье страшной разрухи.

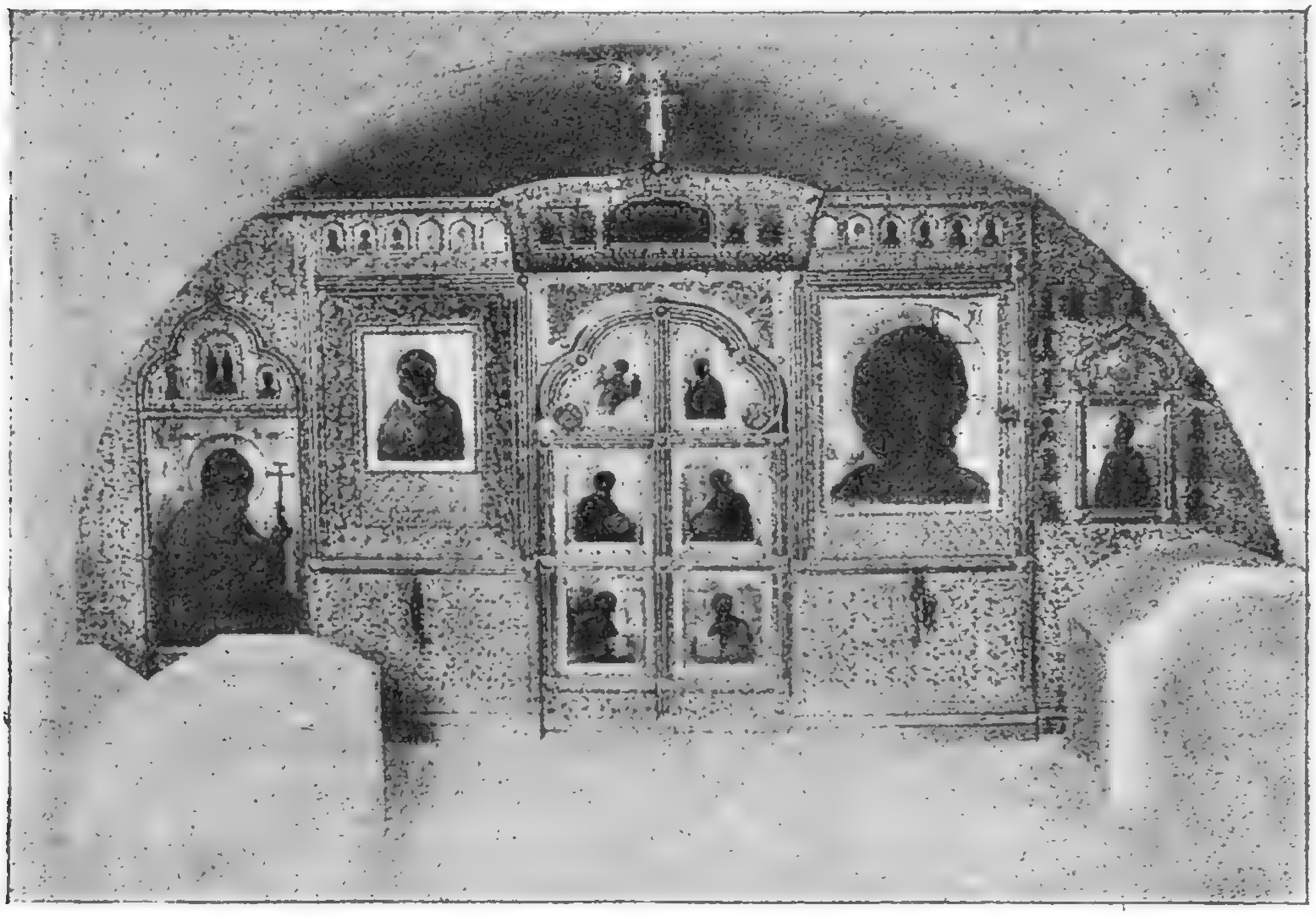
Царствованіе Михаила Θеодоровича оставило по себѣ немало памятниковъ и въ Китаѣ-городѣ. Самыми примѣчательными изъ нихъ являются Казанскій соборъ и Знаменскій монастырь. Первый изъ нихъ построенъ былъ княземъ Пожарскимъ и освященъ святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ въ 1633 году. Въ немъ поставлена была чудотворная икона Казанской Божіей



Столъ въ палатахъ Романовыхъ.

Матери, сопутствовавшая народному ополченію въ 1612 году. Со времени освященія этого собора были установлены сюда два крестныхъ хода: 8 іюля и 22 октября.

Въ 1631 году, въ память кончины матери царя, инокини Мареы Іоанновны, на мѣстѣ сгорѣвшаго въ Смутное время и существовавшаго на Варваркѣ со временъ Грознаго двора бояръ Романовыхъ, гдѣ родился Михаилъ Өеодоровичъ, близъ уцѣлѣвшей каменной палаты, былъ построенъ Знаменскій монастырь. Въ главномъ храмѣ, въ иконостасѣ этого монастыря, находится родовая икона Знаменія Богородицы, передъ которой молился Филаретъ Никитичъ, и серебряная лампада, даръ его супруги. Кромѣ быв-



Церковь въ усыпальницѣ бояръ Романовыхъ въ Новоспасскомъ монастырѣ.

шей здѣсь прежде домовой церкви, была построена церковь во имя Аөанасія Аөонскаго, ученика и постриженника преподобнаго Михаила Малеина, ангела царя, въ честь коего въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ жила его мать, былъ выстроенъ особый придѣлъ.

Кромѣ этого, въ Китаѣ-городѣ выстроены были при Михаилѣ Өеодоровичѣ: сгорѣвшія церкви пророка Иліи на Новгородскомъ подворьѣ (1626 г.) и Николая Чудотворца, «Красный звонъ», и перестроена потерпѣвшая при полякахъ церковь Зачатія св. Анны, что въ углу. Царь бывалъ здѣсь на храмовыхъ праздникахъ, а князь Д. М. Пожарскій, на поминъ своихъ родителей, пожертвовалъ сюда колоколъ. У Варварскихъ воротъ въ 1626 году вновь

построена была церковь св. Климента, а храмъ Троицы въ Никитникахъ деревянный замѣненъ каменнымъ. Онъ называется и церковью Грузинской Богоматери и при второмъ государѣ изъ дома Романовыхъ украшенъ прекрасными иконами кисти Симона Ушакова.

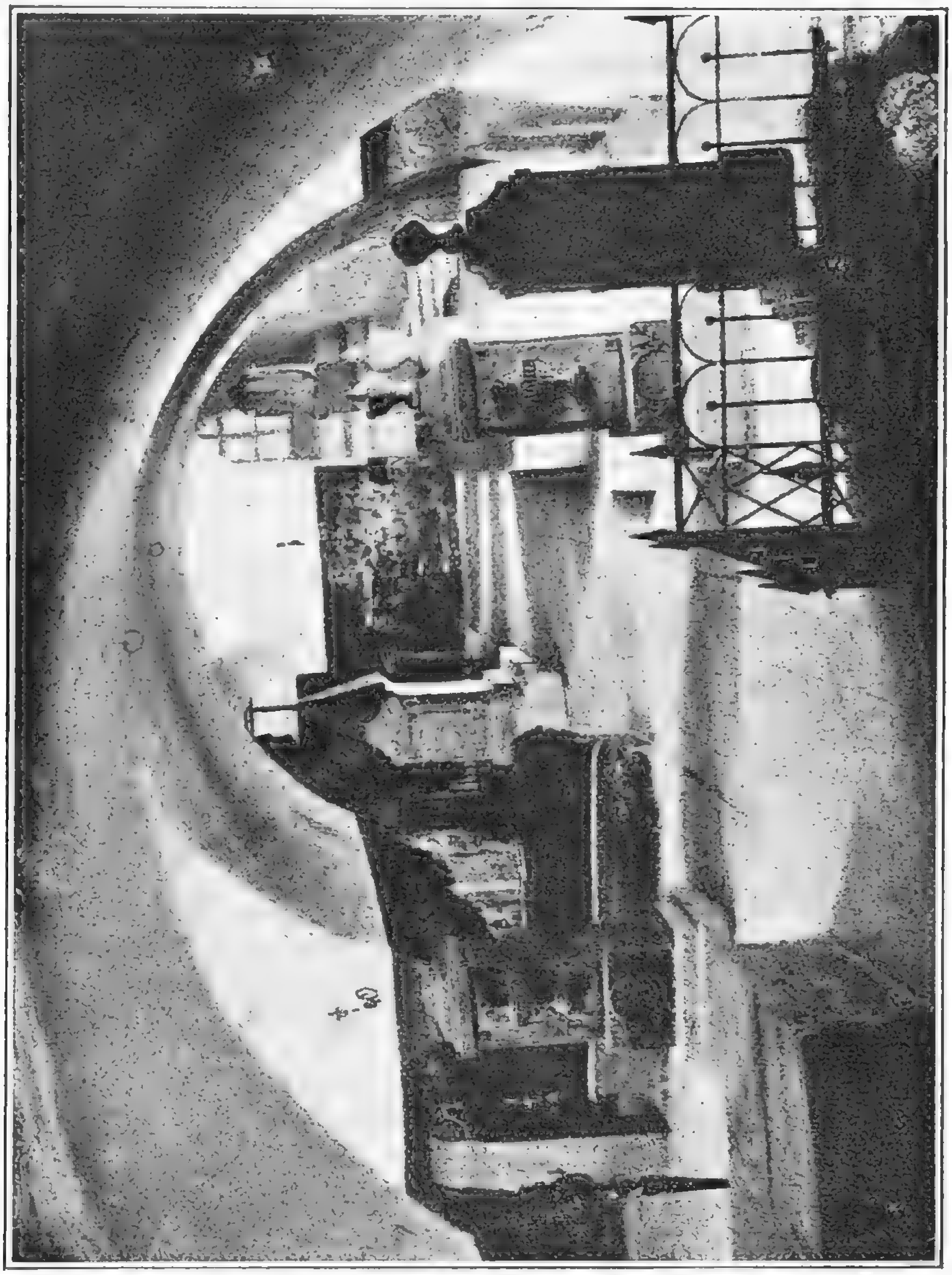
Еще въ 1616 году Михаилъ Θеодоровичъ возстановилъ на Никольской улицѣ сгорѣвшій печатный дворъ, а въ 1645 на немъ построилъ особую палату, какъ то значится въ надписи надъ воротами. По описанію Адама Олеарія, въ Китай-городѣ, отъ Василія Блаженнаго, въ это царствованіе шелъ самый большой и лучшій рынокъ, полный по цѣлымъ днямъ торговцевъ и народу. На рынкѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ улицахъ устроены были лавки и мѣста для торговли всякаго рода товаромъ. Продавцы шелковыхъ и суконныхъ тканей, золотыхъ дѣлъ мастера, скорняки, сапожники, шапочники, сѣдельники, портные и другіе, — всѣ имѣли здѣсь свои особые ряды. Въ улицѣ, идущей направо отъ Кремля, находился иконный рядъ, гдѣ вымѣнивались образа.

Далѣе находится особая площадка, на которой москвичи подъ открытымъ небомъ стригутся. Рынокъ этотъ, называемый вшивымъ, до такой степени устланъ толстымъ слоемъ волосъ, что ходишь по немъ, точно по подушкѣ. Въ этой части города живутъ нѣкоторые изъ бояръ и лучшіе купцы.

Мы мало имѣемъ свѣдѣній о строительной дѣятельности Михаила Θеодоровича въ Бѣломъ-городѣ, Замоскворѣчьѣ, деревянномъ городѣ, или «Скородомѣ», а также въ окружныхъ слободахъ Москвы. Но и въ этихъ большихъ концентрическихъ кругахъ, почти сплошь истребленныхъ «разрухой» междуцарствія, работа кипѣла громадная. По описнымъ книгамъ патріаршаго приказа временъ Филарета Никитича значится уже множество прежде существовавшихъ и совсѣмъ новыхъ церквей. Но храмовая исторія Москвы не можетъ съ достаточною точностью указать, что именно возстановлено и что построено здѣсь первымъ царемъ изъ дома Романовыхъ. По свидѣтельству Олеарія, въ это царствованіе во всей Москвѣ было до 2.000 церквей, монастырей и часовенъ.

Укажемъ на нѣкоторыя изъ строеній этого времени. Въ Бѣломъ - городѣ братъ патріарха Иванъ Никитичъ Романовъ въ 1625 году построилъ церковь Знаменія Божіей Матери, существующую теперь, въ качествѣ домовой, при домѣ графа Шереметева; кромѣ того, въ это царствованіе построены церкви:

Іоанна Предтечи на Малой Лубянкѣ, Космы и Даміана на Покровкѣ, Николы въ Гнѣздникахъ, Воскресенія на Успенскомъ вражкѣ, въ память встрѣчи съ отцомъ Филаретомъ Никитичемъ, Космы и Даміана на Шубинѣ, Георгія на Красной горкѣ, Петра и Павла у Яузскихъ воротъ.



Усыпальница бояръ Романовыхъ въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Немало памятниковъ строительной дѣятельности царствованіе это оставило въ Замоскворѣчьѣ, для соединенія коего съ Бѣлымъ-городомъ начато было сооруженіе Каменнаго моста, для чего изъ Страсбурга былъ вызванъ (въ 1643) мастеръ Анце Кристлеръ, привезшій съ собою заграничныя мѣдныя и желѣзныя

снасти и инструменты. Сдѣлана была деревянная модель моста и начаты работы на рѣкѣ, но онѣ были остановлены смертью царя, и сооруженіе было окончено только при Софьѣ Алексѣевнѣ. Многія церкви Замоскворѣчья были возобновлены послѣ разоренія, а другія построены вновь, какъ, напримѣръ, Михаила Архангела въ Овчинникахъ.

Въ деревянномъ городѣ возобновлено было много старыхъ церквей и немало было построено новыхъ, каковы: Знаменія за Петровскими воротами (каменная, вмѣсто деревянной), Пимена въ Старыхъ Воротникахъ, Іоанна Богослова въ Бронной, Преображенія и Сергія чудотворца въ Пушкаряхъ. Въ селахъ и слободахъ московскихъ, вошедшихъ затѣмъ въ черту города, Михаилъ Ѳеодоровичъ тоже построилъ немало храмовъ; такъ, въ селѣ Рубцовѣ-Покровскомъ, родовомъ владѣніи бояръ Романовыхъ, гдѣ нынѣ Покровская община, построена была церковь Покрова, въ память отраженія отъ Москвы поляковъ, а также храмъ Введенія въ Семеновскомъ.

По приведенному изъ «Книги объ избраніи Михаила Ѳеодоровича на царство» рисунку, изображающему встрѣчу его на Прѣснѣ съ отцомъ своимъ Филаретомъ Никитичемъ, мы можемъ составить себѣ представленіе (см. стр. 88 и 89) о «Скородомѣ», или деревянномъ городѣ, откуда вышелъ крестный ходъ: онъ окруженъ валомъ и деревянными стѣнами съ башнями; вдали виденъ и Бѣлый-городъ съ его каменными стѣнами, башнями и воротами.

Въ Новоспасскомъ монастырѣ, гдѣ похоронены отецъ и братъ царицы Анастасіи, Никита Романовичъ, родитель Филарета, и четверо его братьевъ, подвергшихся гоненіямъ при Годуновѣ, была погребена сама мать царя,—великая инокиня Марѳа Іоанновна. Михаилъ Ѳеодоровичъ вмѣсто ветхаго собора Преображенія, построеннаго здѣсь Іоанномъ III, воздвигъ новый Спасскій соборъ, который обогащалъ своими вкладами, между коими особенно выдѣляются пожертвованная царемъ плащаница и ризы дивной работы, украшенныя жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Его украшеніе продолжалъ его сынъ Алексѣй Михайловичъ, почему здѣсь былъ поставленъ портретъ обоихъ царственныхъ храмосоздателей, держащихъ въ рукахъ храмъ. Здѣсь же находится и путевая икона матери государя «Умиленіе». Патріархъ Филаретъ построилъ въ монастырѣ новую колокольню съ храмомъ Саввы Освященнаго и на свое иждивеніе окружилъ высокими крѣпостными стѣнами и башнями монастырь, нахо-

дившійся, въ качествѣ придворнаго, въ вѣдѣніи приказа Большого дворца и щедро надѣляемый вкладами и вотчинами.

Вообще царствованіе Михаила Θеодоровича, какъ возстановителя первопрестольной столицы, въ высокой степени важно для Москвы. Образованность ея въ это время значительно подвинулась. Филаретъ Никитичъ, владѣвшій образованіемъ (онъ при Грозномъ отъ англичанъ научился латинскому языку, бывшему

Михаилъ Θеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ. Съ портрета въ Новоспасскомъ монастырѣ.

въ то время языкомъ образованной Европы), заботился о распространеніи у насъ образованія: въ Чудовомъ монастырѣ, ранѣе Заиконоспасской академіи, онъ учредилъ славяно-греко-латинскую школу; собиралъ рукописи и книги; поощрялъ ученье; заботился объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ; довелъ типографское дѣло въ Москвѣ до того, что иностранцы находили, что печатавшіяся тогда у насъ книги не уступаютъ иностраннымъ. Ювелирное дѣло, чеканка монеты впервые золотой), литье (колоколовъ и пушекъ), живопись и

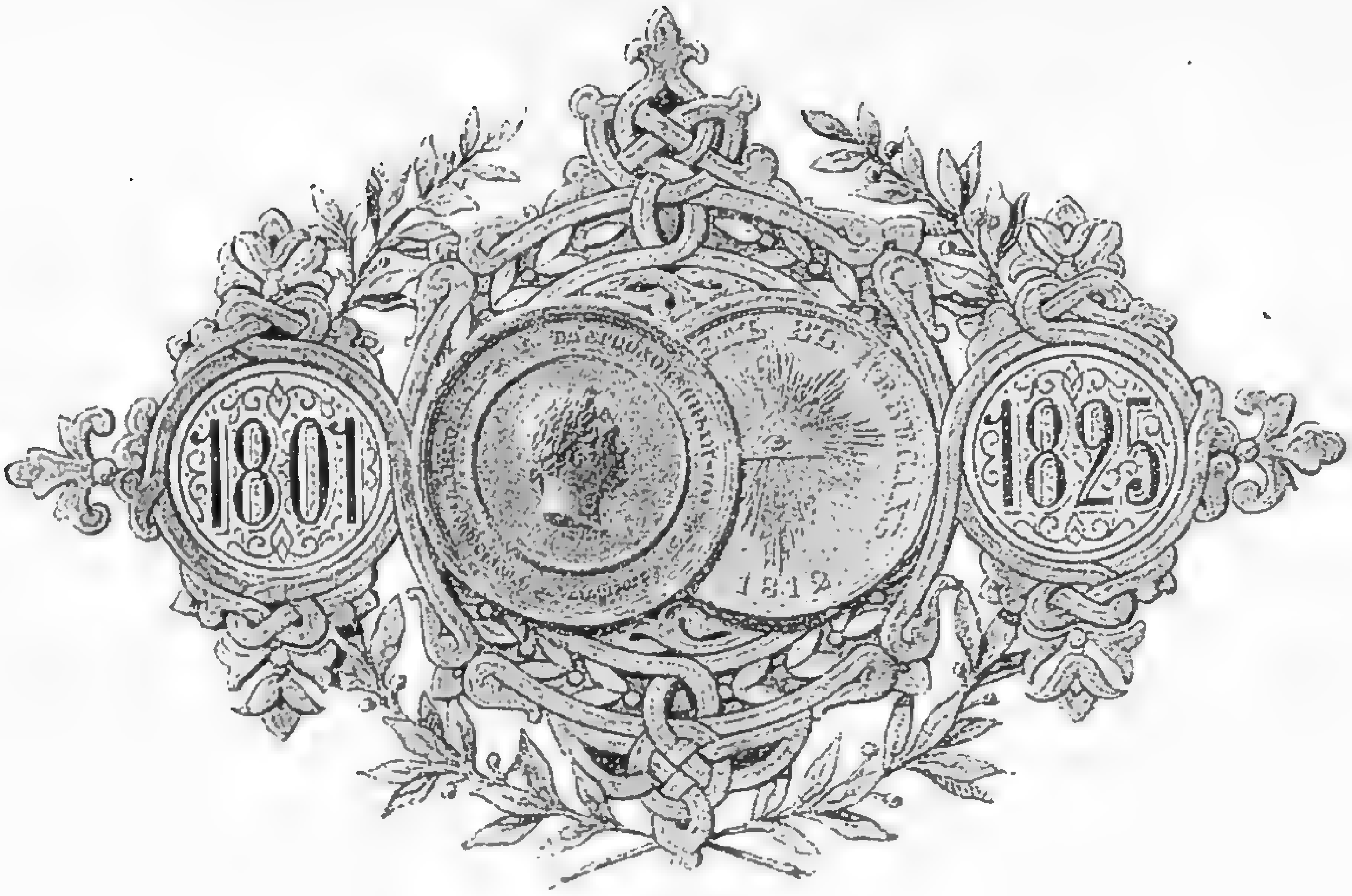
архитектура процвѣтали въ это время у насъ... Москвѣ есть чѣмъ вспомнить Михаила Θеодоровича Романова...

Кострома, какъ боярская вотчина Романовыхъ, собирается воздвигнуть памятникъ царю Михаилу Θеодоровичу, но не слѣдуетъ ли столь обязанной ему Москвѣ подумать о томъ, чтобы поставить и у себя достойный памятникъ этому государю, который является не только возсоздателемъ разрушеннаго Русскаго царства, но и возстановителемъ изъ страшныхъ развалинъ самой Москвы? Трудъ его въ послѣднемъ отношеніи былъ громаденъ и заслуживаетъ и памяти и памятника. Повторяемъ: его справедливо назвать «вторымъ основателемъ нашей столицы». Москва же — не просто городъ, а — историческій принципъ, хранилище нашихъ преданій, и это ее ко многому обязываетъ...

Въ ряду преемниковъ царя Михаила Θеодоровича Россія имѣла цѣлый рядъ выдающихся государей, начиная съ Алексѣя Михайловича и Петра Великаго, до нынѣ царствующаго Государя Императора Николая Александровича. Благодаря имъ Русская Исторія на свои страницы вписала цѣлый рядъ достославныхъ главъ своего новаго Романовскаго періода, свидѣтельствующихъ, что наше отечество непрерывно растетъ не только въ своихъ предѣлахъ и внѣшнемъ могуществѣ и экономическомъ благосостояніи, но и въ просвѣщеніи и другихъ отрасляхъ образованности.

Въ связи съ указанными въ первыхъ главахъ юбилейными эпохами намъ предстоитъ чествовать еще два юбилейныхъ эпизода этого Романовскаго періода: въ 1911 году — пятидесятилѣтіе съ освобожденія Александромъ II крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и въ 1912 году столѣтіе веденной императоромъ Александромъ I Отечественной войны.

Братина Михаила Θеодоровича.



IV.

Отечественная война 1812 года и Бородинская битва.

Ровно чрезъ 200 лѣтъ, послѣ Смутнаго времени, въ началѣ XIX вѣка, при одномъ изъ преемниковъ царя Михаила Ѳеодоровича, для Россіи наступило новое лихолѣтье: въ 1812 году нашествіе непріятелей натворило намъ много тяжкихъ бѣдъ; Бѣлоруссія съ Смоленскомъ уже были въ ихъ рукахъ; они овладѣли также и Москвою, и она была разрушена до основанія, а отечеству нашему грозили дальнѣйшія страшныя опасности и, можетъ-быть, такая же потеря независимости, какая тяготѣла надъ нею въ 1612 году. Но и въ эту тяжкую годину отечество наше было спасено подъемомъ русскаго національнаго духа, который охватилъ всѣхъ, начиная съ нашего царственнаго вождя и опять освободилъ Русскую землю отъ завоевателей, также пришедшихъ съ запада.

Правда, въ эту пору мы были въ лучшемъ положеніи: не были безгосударны, и Русское царство, ставшее уже имперіей, за двѣсти лѣтъ сдѣлалось могущественнѣе прежняго. Но зато и враги, вторгшіеся въ Россію, были сильнѣе тѣхъ, что дѣйствовали противъ нея въ началѣ XVII вѣка: это были не польскія и шведскія войска, а полчища почти всей Западной Европы, во главѣ которыхъ стоялъ грозный полководецъ, прославившій себя многочисленными побѣдами — французскій императоръ Наполеонъ I.

Для того, чтобы понять цѣли его вторженія въ Россію, мы должны обозрѣть политическія ея отношенія къ Франціи съ начала царствованія императора Александра I, вступившаго на престолъ въ 1801 году.

Иностранная политика Петра I и Екатерины II была очень скупа на союзы съ другими государствами, мало заинтересована общеевропейскими дѣлами и не преслѣдовала мечтательно-идеалистическихъ задачъ, болѣе руководясь реальными, положительными интересами Россіи, а императоръ Павелъ I въ иностранныхъ дѣлахъ скорѣе руководился идеалистическими цѣлями и своими благородными, романтическими чувствами, чѣмъ національными интересами Россіи. Такова была его война съ Франціей въ союзѣ съ Австріей и Англіей. (См. нашу «Русскую Исторію», ч. IV, стр. 16—19). Тотъ же идеалистическій характеръ носила и политика Александра I. Впрочемъ, двадцатичетырехлѣтній государь, увлеченный теоріями XVIII вѣка, въ началѣ своего царствованія хотѣлъ всецѣло погрузиться въ обширныя внутреннія преобразованія Россіи. По вступленіи на престолъ онъ прекратилъ уже начатую войну съ Англіей, возвративъ съ похода въ Средней Азіи двинутыхъ на Индію казаковъ, и, видимо, охладѣлъ къ занимавшему его отца союзу съ Франціей и съ первымъ ея консуломъ Бонапартомъ. Этотъ послѣдній негодовалъ на то, что Александръ, вопреки своему отцу, измѣнилъ отношенія Россіи къ Англіи, стремившейся къ экономическому и политическому преобладанію въ мірѣ. Онъ полагалъ, что Франція и Россія уже по своему географическому положенію созданы для того, чтобы жить въ тѣсной между собою связи, конечно, въ ихъ собственныхъ практическихъ интересахъ, независимо отъ ихъ внутренняго государственнаго строя, а императоръ Александръ полагалъ, что эта связь необходима развѣ только для спокойствія всей Европы. Разгаданныя Павломъ Петровичемъ монархическія стремленія Наполеона были неясны еще для его сына, и онъ присланнаго изъ Франціи привѣтствовать его со вступленіемъ на престолъ генерала Дюрока озадачилъ тѣмъ, что именовалъ его, какъ республиканца, гражданиномъ. Между тѣмъ въ эту пору сами французы уже говорили, что имъ «нужны одна голова и одинъ мечъ», а дать это собирался Наполеонъ-Бонапартъ... Во Францію былъ назначенъ русскимъ посломъ человѣкъ екатерининскихъ преданій, графъ Морковъ, высокомѣрно державшій себя предъ уже чрезвычайно могущественнымъ первымъ консуломъ республики, а въ Вѣну, съ которою разорвалъ дипло-

матическія сношенія Павелъ Петровичъ, отправленъ былъ прежній, дружественный Австріи посолъ, графъ Андрей Разумовскій. Для характеристики идеалистическихъ, чуждыхъ національнаго реализма, стремленій молодого императора не маловажно то, что онъ медлилъ даже устройствомъ управленія въ Грузіи, которая добровольно поддалась Россіи въ предшествующее царствованіе, потому что онъ «считалъ несправедливымъ присвоеніе чужой земли». Вообще императоръ въ началѣ своего царствованія щепетильно старался сохранить дружественныя отношенія одинаково со всѣми, не хотѣвшими знать справедливости, государствами, не раздражая ни Англіи ни Франціи и благожелательно относясь даже къ Турціи. Но чѣмъ больше Россія, вдаваясь въ политическій идеализмъ, отказывалась отъ своего законнаго національнаго своекорыстія временъ Петра I и Екатерины II, тѣмъ болѣе она становилась орудіемъ для осуществленія интересовъ другихъ державъ. Такъ, въ 1802 году состоялось свиданіе Русскаго императора съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III въ Мемелѣ. Здѣсь положено было прочное основаніе безкорыстнѣйшей дружбы нашего государя къ этому сосѣду, которой не могли уничтожить даже враждебныя Россіи вассальныя отношенія Пруссіи къ Наполеону и которая впослѣдствіи спасла Пруссію отъ неминуемой гибели, когда на нее обрушился всею своею силою Наполеонъ.

Между тѣмъ звѣзда Бонапарта поднималась все выше. Избранный въ первые консулы французской республики, Наполеонъ былъ 1802 года провозглашенъ пожизненнымъ консуломъ, въ чемъ Александръ Павловичъ усмотрѣлъ не только нарушеніе конституціи страны, но и явную тиранію и сталъ, вслѣдствіе именно этого, болѣе склоненъ внимать внушеніямъ, идущимъ противъ Франціи изъ Англіи и Австріи.

Прошло немного времени, и Наполеонъ уничтожилъ во Франціи ту самую республику, которая вознесла его на необычайную высоту славы, и былъ, на основаніи народнаго голосованія, провозглашенъ императоромъ. Новый цезарь, забывъ свои прежніе отрицательные республиканскіе взгляды и по отношенію къ католической церкви и по отношенію къ строю дореволюціонной Франціи, пожелалъ быть, какъ христіаннѣйшій государь, коронованнымъ самимъ папой римскимъ, прибывшимъ для этого въ Парижъ. Облаченный въ бархатную малиновую, усѣянную золотыми пчелами мантію, онъ со дня своей коронаціи сталъ считать себя, подобно Карлу Великому, политическимъ главою го-

Наполеонъ—императоръ.

сударствъ Запада; какъ карточные домики, уничтожалъ онъ настроенныя тамъ, по образу французской, республики и быстро обратилъ ихъ въ королевскія монархіи, на престолы коихъ посадилъ своихъ братьевъ и родичей. Такъ скоро возникли, вмѣсто недавнихъ республикъ, королевства: Итальянское, Неаполитанское, Голландское, Вестфальское, а Римскимъ королемъ былъ провозглашенъ сынъ Наполеона. Отторгнутыя отъ вассальной зависимости отъ Австріи, западно-германскія владѣнія составили, подъ главенствомъ Наполеона, Рейнскій союзъ, а его герцоги — баварскій, саксонскій и виртембергскій — получили изъ рукъ новаго императора королевскія короны. Самъ же онъ окружилъ себя пышнѣйшимъ дворомъ, въ которомъ вращались мгновенно обращенные въ придворную аристократію новые люди съ титулами герцоговъ, князей, графовъ, маркизовъ и маршаловъ французской имперіи. Такъ этотъ недавній республиканецъ круто поворотилъ въ сторону монархизма стараго времени...

Наканунѣ же этого огромнаго переворота Наполеонъ подвергъ преслѣдованію монархистовъ старой Франціи. Потрясающее впечатлѣніе въ Европѣ произвело то, что герцогъ энгіенскій, послѣдній потомокъ принца Конде, былъ захваченъ французскимъ отрядомъ въ баденскихъ владѣніяхъ, привезенъ во Францію и 9 марта 1804 года былъ, по приказанію Наполеона, разстрѣлянъ, безъ всякаго суда, на валу Венсенскаго замка.

Болѣе, чѣмъ кто-нибудь изъ западныхъ враговъ Наполеона, Александръ Павловичъ при вѣсти объ этомъ вспыхнулъ рыцарски-романтическимъ негодованіемъ и не только облекъ по этому поводу русскій дворъ въ трауръ, но и сдѣлалъ много практическаго для протеста противъ содѣяннаго: онъ разорвалъ дипломатическія сношенія съ Наполеономъ и сталъ формировать коалицію противъ него. Раньше другихъ, особой нотой онъ пригласилъ германскій сеймъ протестовать противъ французскаго властителя въ защиту неприкосновенности предѣловъ Германіи. Но Австрія, реальные интересы коей сильно страдали отъ Наполеона, медлила, однако, выступить противъ Франціи, а соперничавшая съ нею Пруссія дѣйствовала прямо въ руку послѣдней, несмотря на то, что нашъ императоръ ѣздилъ въ Берлинъ для воздѣйствія на прусскаго короля въ смыслѣ присоединенія къ коалиціи. И согласіе на это дано было лишь въ далекомъ будущемъ и притомъ подъ корыстнымъ условіемъ, что Россія будетъ дѣйствовать въ пользу пріобрѣтенія отъ англійскаго короля для Пруссіи Ганновера.

М. И. Кутузовъ.

Заслуживаетъ особаго вниманія, что въ этотъ столь запутанный моментъ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ, взамѣнъ А. Р. Воронцова, графъ Адамъ Чарторыйскій, сдѣлавшійся другомъ нашего государя и поддерживавшій въ немъ слишкомъ великодушныя мечтанія, въ интересахъ якобы высшей справедливости, о возстановленіи Польши со всѣми землями, отошедшими отъ нея не только къ Россіи, но и къ Австріи и Пруссіи. Новый министръ, какъ полякъ, желалъ, чтобы предстоящая война для достиженія этой именно цѣли была направлена и противъ Пруссіи, крѣпко державшейся за

польскія земли. Но это, вслѣдствіе личныхъ симпатій Александра I къ прусскому королю, ему не удалось, и коалиція, составившаяся изъ Россіи, Англіи, Австріи и Швеціи, должна была вести войну, минуя Пруссію, лишь противъ одного Наполеона.

Австрійцы, попрежнему дурно относившіеся къ русскимъ, не дождавшись нашихъ войскъ, попробовали на этотъ разъ наступательную тактику и, подъ начальствомъ генерала Мака, вторглись въ Баварію, но Наполеонъ, окруживъ ихъ войска при Ульмѣ, принудилъ ихъ къ сдачѣ. Посланнымъ къ нимъ русскимъ войскамъ, подъ начальствомъ Кутузова, пришлось отступать назадъ, при чемъ князь Багратіонъ, командуя аріергардомъ, мужественно отражалъ нападенія непріятелей. Кутузовъ добрался до Моравіи и желалъ отступить дальше, въ предѣлы Россіи, чтобы завлечь Наполеона на большее разстояніе отъ операціонной базы, но вынужденъ былъ вмѣстѣ съ австрійцами дать битву при Аустерлицѣ, которую Наполеонъ назвалъ битвой трехъ императоровъ, такъ какъ здѣсь присутствовали, кромѣ самого Наполеона, императоры русскій и австрійскій. Побѣда досталась здѣсь Наполеону. Францъ II поспѣшилъ поскорѣе заключить миръ съ нимъ, по коему отказался отъ Тироля и Венеціи и отъ титула германскаго императора и съ этого момента уже именовался императоромъ австрійскимъ. Александръ же, не вступая въ мирные переговоры, увелъ свои войска въ Россію и долженъ былъ вести войну съ Турціей, которую подстрекалъ къ этому Наполеонъ. (Она съ перерывами длилась шесть лѣтъ до 1812 года и окончена побѣдой графа Каменскаго близъ Рущука, а послѣ того — Кутузова у Слободзеи и по Бухарестскому миру дала намъ Бессарабію— земли отъ Днѣстра до Прута, а Молдавія, Валахія, Сербія и Греція были поставлены подъ покровительство Россіи.)

Между тѣмъ Наполеонъ сильно подавлялъ и унижалъ и другую нѣмецкую державу, именно покорную ему Пруссію: онъ трактовалъ ее, какъ покоренную страну, проводилъ чрезъ ея земли свои войска и безъ ея вѣдома мѣнялся ея землями (отдалъ ей въ обмѣнъ на нѣкоторыя прусскія земли отнятый у англичанъ Ганноверъ, а потомъ возвратилъ его имъ, не отдавъ прежде взятыхъ прусскихъ земель), требовалъ отъ прусскаго короля смѣны патріотически настроенныхъ министровъ и т. д. Это вывело изъ крайняго терпѣнія Пруссію, и она, вступивъ въ союзъ съ Россіей и Англіей, начала войну съ Наполеономъ, при чемъ повторила ошибку Австріи, т.-е. не дождалась русскихъ вспомогательныхъ войскъ. Ея арміи въ одинъ и тотъ же день были

Князь Багратіонъ.

уничтожены въ битвахъ при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, что навело на пруссаковъ такую панику, что ихъ сильныя крѣпости съ значительными гарнизонами, малодушно сдавались безъ выстрѣла небольшимъ французскимъ отрядамъ, даже кавалерійскимъ. Берлинъ бытъ взятъ Наполеономъ, а король и его семья должны были спасаться въ восточную Пруссію подъ защиту русскихъ войскъ. Придя въ Пруссію подъ начальствомъ генерала Бенигсена, они одни должны были сражаться съ Наполеономъ. Битва при Прейсишъ-Эйлау изумила его стойкостью русскихъ войскъ и не дала ему ни малѣйшихъ трофеевъ, кромѣ огромныхъ потоковъ крови. Бенигсенъ считался даже побѣдителемъ въ этой битвѣ. Но послѣ нея онъ отступилъ. Чрезъ нѣкоторое время Наполеону, хотя и съ большими потерями, удалось, однако, одержать рѣшительную побѣду надъ нашими войсками подъ Фридландомъ.

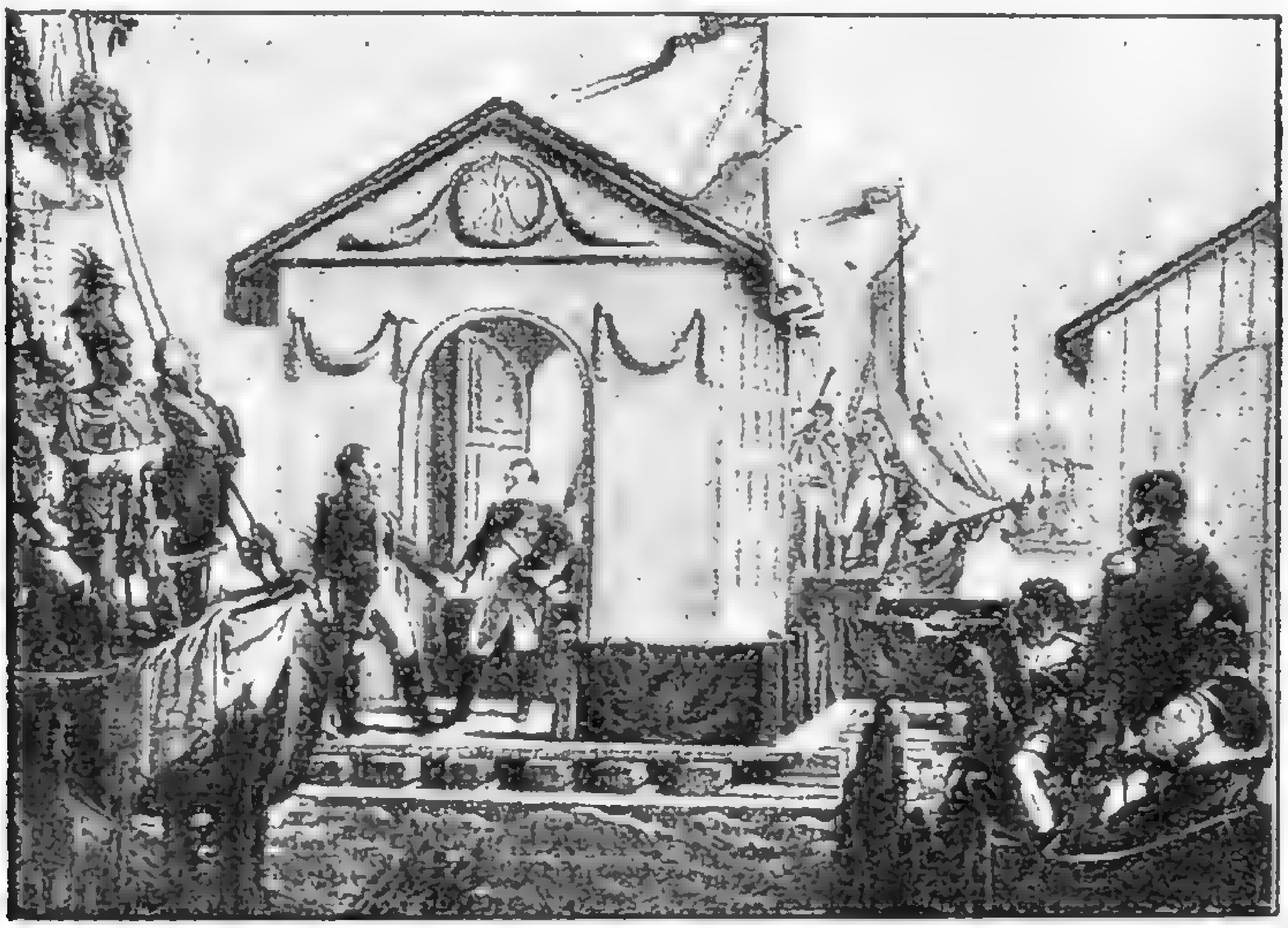
Вялость союзниковъ въ отстаиваніи своихъ собственныхъ интересовъ, чуждыхъ Россіи, нѣсколько измѣнила взглядъ Александра на Наполеона, считавшагося нашимъ врагомъ; и оба императора

были склонны заключить миръ, а Наполеонъ желалъ даже союза съ Россіей. Вслѣдствіе этого состоялось свиданіе ихъ въ Тильзитѣ, начавшееся встрѣчей недавнихъ враговъ посрединѣ рѣки Нѣмана, гдѣ на плоту были устроены двѣ палатки для государей и ихъ свиты. Оба произвели другъ на друга очень выгодное впечатлѣніе и много разъ и долго безъ посредниковъ обсуждали основанія для взаимнаго союза. Отдавая дань храбрости русскаго войска въ только что окончившейся войнѣ, Наполеонъ говорилъ нашему государю, что «соединенныя арміи Россіи и Франціи могутъ господствовать надъ міромъ, даруя ему благоденствіе и спокойствіе». «До сихъ поръ Россія безплодно де расточала свои силы, не имѣя въ виду никакого вознагражденія; а въ союзѣ съ Франціей она пріобрѣтетъ славу и, во всякомъ случаѣ, существенныя выгоды». Впослѣдствіи, развивая ту же мысль, Наполеонъ шелъ дальше и говорилъ нашему послу въ Парижѣ: «Если мы будемъ въ союзѣ, міръ будетъ принадлежать намъ. Вселенная подобна яблоку, которое я держу въ рукахъ (разговоръ шелъ въ концѣ обѣда). Мы (т.-е. онъ и Александръ I) можемъ разрѣзать его на двѣ части, и каждый изъ насъ можетъ взять себѣ половину»... Въ Тильзитѣ Наполеонъ предлагалъ нашему государю усиливать Россію на счетъ Турціи, даже господствовать въ проливахъ, которые составляютъ «ключъ къ нашему дому».

Но нашъ государь, представляя контрастъ Наполеону, былъ чуждъ національнаго и личнаго эгоизма и идеалистически беззавѣтно увлекался идеей всеобщей справедливости. Онъ не только не интересовался дѣлежомъ міровластительства, но и не воспользовался въ тотъ весьма благопріятный моментъ рѣшеніемъ въ Тильзитѣ въ русскихъ интересахъ прусскаго и польскаго вопросовъ. Когда Наполеонъ хотѣлъ стереть съ лица земли разгромленную Пруссію, Александръ Павловичъ употребилъ всю свою энергію на ея сохраненіе за династіей Гогенцоллерновъ. И если грозный завоеватель удовольствовался лишь отнятіемъ у нихъ половины ихъ владѣній, то они всецѣло обязаны этимъ безкорыстной дружбѣ нашего государя. По заключеніи мира съ Пруссіей, Наполеонъ сказалъ ея министру: «Вашъ король всѣмъ обязанъ дружбѣ къ нему императора Александра: безъ него онъ лишился бы престола, и я отдалъ бы Пруссію брату моему Іерониму. При такихъ обстоятельствахъ вашъ монархъ долженъ считать одолженіемъ съ моей стороны, если я что-нибудь оставляю въ его власти». Впослѣдствіи Наполеонъ во французскомъ законодательномъ корпусѣ объяснялъ «сохраненіе въ Пруссіи

династіи Гогенцоллерновъ единственно дружескимъ чувствомъ, внушеннымъ ему могущественнымъ императоромъ сѣвера».

Вопросъ объ отрѣзанныхъ отъ Пруссіи польскихъ владѣніяхъ легко могъ быть рѣшенъ въ Тильзитѣ полной передачей ихъ Россіи, безъ образованія изъ нихъ герцогства Варшавскаго, столь окрылившаго надежды поляковъ на возстановленіе Польши, если бы самъ Александръ I не считалъ раздѣлъ ея «исторической несправедливостью». Ему стоило только переговорить съ Наполеономъ, и герцогство Варшавское, надѣлавшее столько хлопотъ



Свиданіе въ Тильзитѣ.

Россіи, совсѣмъ не возникло бы. Россіи же въ Тильзитѣ досталась только небольшая Бѣлостокская область, и дано согласіе на присоединеніе, впрочемъ, лишь въ будущемъ, отъ Турціи Молдавіи и Валахіи. Такъ мало использованы были въ нашихъ практическихъ интересахъ новые союзъ и дружба Франціи [1]).

[1]) Наполеонъ, учреждая Варшавское герцогство, призракъ прежней Польши, создалъ занозу въ тѣлѣ Россіи. Ополяченные элементы Литвы и Западной Руси мысленно присоединились къ герцогству; изъ русскихъ окраинъ переходили тысячи шляхтичей для поступленія въ варшавскія войска. И обратно въ наши окраинныя области шли эмиссары герцогства, наполняли ихъ прокламаціями и вели явную пропаганду въ пользу возстановленія королевства польскаго въ предѣлахъ до 1772 года. Появлялись даже книгоноши, которые, въ числѣ другихъ запрещенныхъ изданій, распространяли кощунственную пародію на «Отче нашъ», которая гласила: «Отче нашъ — Наполеонъ, французскій императоръ, иже еси въ Парижѣ, да святится имя твое, яко въ нѣмецкой, прусской, такъ и въ нашей землѣ. Правленіе польское даждь намъ днесь» и т. д.

Но тильзитское соглашеніе было, главнымъ образомъ, направлено Наполеономъ противъ Англіи, бывшей душою всѣхъ коалицій противъ французской имперіи. Онъ убѣдился, что у него еще нѣтъ средствъ отнять отъ Англіи ея богатыя колоніи и особенно Индію, а также и въ томъ, что, не имѣя сильнаго флота, не можетъ побѣдить англичанъ на морѣ и высадиться съ сухопутными войсками въ Англіи, и потому рѣшился подорвать ея другую силу — богатую торговлю и промышленность — при помощи такъ называемой континентальной системы. Его союзники на континентѣ обязаны были закрыть всѣ свои гавани для кораблей Англіи и тѣмъ подрывать ея экономическое благосостояніе. Къ этой континентальной системѣ обязалась примкнуть и Россія. Но союзъ Россіи съ Франціей не былъ искрененъ; нашъ государь не довѣрялъ Наполеону особенно потому, что, какъ полагалъ, онъ стремится къ міровластительству; по поводу вышеприведенныхъ словъ его Александръ I говорилъ: «Сначала онъ удовольствуется одною половиной яблока, а тамъ придетъ охота взять и другую»... Тильзитскій союзъ, очевидно, не обѣщалъ долгаго существованія и скоро привелъ насъ къ войнѣ со Швеціей.

Мечтательный король ея Густавъ IV, считая Наполеона антихристомъ и преклоняясь передъ Александромъ I, какъ избранникомъ судьбы для борьбы съ нимъ, отказался разорвать свой союзъ съ Англіей и примкнуть къ континентальной системѣ, что вызвало войну Россіи съ Швеціей въ 1808—1809 годахъ. Наши войска подъ начальствомъ генерала Буксгевдена скоро заняли всю Финляндію и овладѣли сильною крѣпостью Свеаборгомъ; затѣмъ княземъ Багратіономъ заняты были Аландскіе острова; а зимою Барклай-де-Толли перешелъ по льду чрезъ Ботническій заливъ въ самую Швецію и подошелъ къ ея столицѣ Стокгольму. Въ виду происшедшихъ волненій Густавъ IV отказался отъ престола, а преемникъ его Карлъ XIII заключилъ миръ съ Россіей въ Фридрихсгамѣ, по которому мы получили остальную часть Финляндіи до рѣки Торнео, вмѣстѣ съ Аландскими островами. Эту завоеванную нашимъ оружіемъ область мы могли, какъ провинцію, присоединить къ Россіи на ряду со всѣми другими завоеванными нашимъ оружіемъ пріобрѣтеніями. Но великодушный и не свободный отъ своихъ теоретическихъ увлеченій императоръ даровалъ Финляндіи ея прежнее шведское провинціальное устройство и даже возвелъ ее, чего не было прежде, при шведскомъ владычествѣ, на степень великаго кня-

жества и къ нему присоединилъ еще и земли, ранѣе завоеванныя Петромъ Великимъ и Елизаветой Петровной и уже давно составлявшія на ряду съ прочими Выборгскую губернію, весьма сильно обрусѣвшую. Мало того, Александръ I созвалъ въ Финляндіи сеймъ, который самъ открылъ въ 1809 году въ Борго, куда прибылъ въ сопровожденіи Румянцева и Сперанскаго. Свои, незаслуженныя Финляндіей пожалованія онъ разъяснилъ въ сеймовой рѣчи своей и въ особой грамотѣ [1]).

Союзъ же съ Наполеономъ въ Россіи былъ очень не популяренъ и тяготилъ самого Александра I. Какъ ни силился укрѣпить и одушевить его властитель Франціи, ничто не помогало. Напрасно онъ устроилъ свиданіе съ нашимъ государемъ въ 1809 году въ Эрфуртѣ, гдѣ окружилъ себя необычайнымъ блескомъ, созвавъ сюда вассальныхъ ему государей, маршаловъ Франціи, гвардію и дворъ. Русскій императоръ, сохраняя ласковость къ своему союзнику, показывалъ ему, однако, неподатливость въ вопросахъ объ отношеніяхъ къ Австріи и Пруссіи, которыхъ, очевидно, не хотѣлъ отдать въ полную жертву Наполеону, какія бы оттого выгоды ни извлекла Россія. Вслѣдствіе этого у новаго императора стали слышаться ноты неудовольствія противъ Русскаго царя.

Въ ту пору императоръ французовъ, повидимому, былъ въ зенитѣ своей славы и могущества; но уже появлялись и признаки приближавшагося его паденія. Испанія, откуда онъ изгналъ

---

[1]) Напрасно, однако, шведо-финны, мечтающіе объ отдѣленіи Финляндіи отъ Россіи, говорятъ, будто Александръ I, по договору (?!) съ финляндцами, присоединилъ эту область къ имперіи, подъ условіемъ ея политической самостоятельности, съ конституціоннымъ устройствомъ, а не самъ даровалъ ей лишь мѣстное, провинціальное управленіе по нѣкоторымъ изъ шведскихъ законовъ. Созывая сеймъ въ Борго, онъ вовсе не давалъ финляндцамъ законодательнаго представительства, а, какъ выразился въ своей рѣчи, «желалъ узнать мысли и желанія» народа насчетъ истинныхъ его интересовъ, чтобы «принять ихъ въ соображеніе», «при распоряженіяхъ своихъ» относительно примѣненія прежде сложившагося судебно-административнаго строя. Самъ сеймъ «повергалъ на рѣшеніе его императорскаго величества всенижайшія желанія», какъ мнѣнія, а не какъ опредѣленія. И въ теченіе 64 лѣтъ, до императора Александра II, сеймъ не былъ собираемъ въ Финляндіи. Въ Фридрихсгамскомъ же трактатѣ было сказано о присоединеніи завоеванной области: «губерніи сіи, съ жителями, городами и портами... будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются, жителямъ же обезпечиваются, по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго соизволенія (Государя), свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества (въ судебномъ и административномъ отношеніяхъ)».

династію Бурбоновъ и гдѣ онъ сдѣлалъ королемъ своего брата Іосифа, начала противъ французовъ народную, партизанскую войну. Австрія, доведенная до крайности, тоже готовилась къ новой войнѣ. Сама Франція, истощенная войнами, начинала тяготиться ихъ безпрерывностью. Въ домѣ самого Наполеона стало пахнуть гарью, если противъ него исподтишка дѣйствовали его собственные министры, какъ Фуше и Талейранъ. Этотъ послѣдній тайно отъ Наполеона явился къ русскому императору въ самомъ Эрфуртѣ и сказалъ ему: «Государь, зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Вамъ предстоитъ спасти Европу, и вы можете достигнуть этого не иначе, какъ только не поддаваясь Наполеону. Французскій народъ цивилизованъ, а его государь нѣтъ; русскій государь цивилизованъ, а его народъ нѣтъ; поэтому русскому государю надлежитъ быть союзникомъ французскаго народа». На другой аудіенціи этотъ коварный министръ иностранныхъ дѣлъ такъ развилъ свою программу: «Рейнъ, Альпы, Пиренеи — это завоеванія Франціи. Все прочее — завоеванія императора Наполеона, Франція не дорожитъ ими»...

Талейранъ не ошибался, что Русскому царю дѣйствительно было суждено безкорыстно освободить Европу отъ этого колосса завоеваній, но онъ ошибался въ томъ, что какой бы то ни было изъ цивилизованныхъ народовъ Запада дастъ силы государю нашему нанести рѣшающій ударъ титану западной исторіи. Эти силы далъ ему «нецивилизованный» русскій народъ, когда завоеватель вторгся въ самое сердце Свято-Русской земли, чтобы отсюда итти дальше на покореніе всего міра. Наполеонъ разбился о грудь Россіи, а государямъ и народамъ Запада пришлось лишь добивать своего грознаго владыку.

Но будемъ, не предупреждая событій, говорить по порядку.

Примѣчательно, что ощутительнѣе всего для Александра I было разногласіе съ Наполеономъ именно по польскому вопросу, сдѣланному главною угрозою Россіи. Войну 1812 года онъ въ своей прокламаціи къ войскамъ назвалъ второю польскою войною, объяснивъ, что первая окончилась въ Тильзитѣ (созданіемъ Варшавскаго герцогства).

Вотъ что было еще въ 1810 году. Когда Австрія начала войну съ Наполеономъ и когда Александръ I въ силу Тильзитскаго соглашенія двинулъ неохотно, впрочемъ, противъ своей прежней союзницы войска, онъ далъ понять Наполеону, что не желаетъ, чтобы Варшавское герцогство было усиливаемо присоединеніемъ новыхъ земель, а поляки воспаляемы новою надеждой на возста-

новленіе Польскаго королевства; но тотъ, разгромивъ австрійскія войска при Ваграмѣ и принудивъ побѣжденную страну заключить миръ, именно три четверти исконно - русской Галиціи, вопреки настояніямъ Александра, отдалъ не Россіи, а Варшавскому герцогству, и лишь небольшую часть ея, въ 400 тысячъ населенія, отдалъ Русскому императору, правда, не очень желавшему проливать русскую кровь въ войнѣ съ Австріей.

Видя, какъ послѣ увеличенія Варшавскаго герцогства, становились строптивѣе поляки въ самыхъ предѣлахъ Россіи, нашъ государь настаивалъ, чтобы самое имя «Польское королевство»

Комета 1812 года.
Съ современнаго рисунка.

не было произносимо. Это было требованіе—не гальванизировать больше поляковъ химерой возстановленія Польши «отъ можа до можа», которое равнозначительно отбрасыванію величайшей имперіи въ предѣлы сѣверо-восточной Руси и стараго московскаго государства. Но Наполеонъ уклонялся отъ этого обязательства, ссылаясь даже на то, что онъ де не можетъ дать ручательства за своихъ преемниковъ, о коихъ, впрочемъ, и рѣчи не было; на самомъ же дѣлѣ онъ не полагался на вѣрность Александра союзу съ Франціей и вотъ почему наготовѣ держалъ польскій вопросъ, какъ орудіе противъ Россіи.

Ясно было, что именно этотъ пунктъ разногласія имѣетъ первенствующее значеніе для начавшихъ ссориться союзниковъ, и именно по этому поводу они почти одновременно и въ Петер-

бургѣ и въ Парижѣ заговорили о разрывѣ союза и войнѣ. Другіе же пункты разногласія между ними имѣли въ ту пору менѣе раздражающій характеръ и легче уладились бы.

По поводу вознагражденія родственника нашего государя герцога Ольденбургскаго, владѣнія котораго были отняты у него, самъ Наполеонъ говорилъ, что ему легко вознаградить герцога любыми другими германскими землями.

Относительно же нестрогаго соблюденія разорительной континентальной системы со стороны Россіи, куда привозились англійскіе товары на американскихъ корабляхъ, а также высокихъ пошлинъ на привозимые къ намъ изъ Франціи предметы роскоши, Наполеонъ говорилъ, что онъ изъ-за кофе, сахара, шелка и бархата воевать съ Россіей не станетъ.

Вообще же всѣ эти тренія появлялись и обострялись лишь въ виду главнѣйшаго вопроса, будетъ ли вѣрнымъ союзникомъ императора французовъ Русскій царь или нѣтъ? Александру же постоянно казалось, что Наполеонъ хочетъ сдѣлать его такимъ же вассаломъ, какъ и другихъ государей Запада. Вотъ въ виду этого-то борьба между ними становилась неизбѣжной, но и тотъ и другой думали, что это будетъ борьба только армій и государей, не предполагая, что она станетъ борьбой всего народа русскаго противъ западныхъ завоевателей, даже борьбою двухъ своеобразныхъ міровъ—западнаго и восточнаго.

Русскій царь и русскій народъ не захотѣли, какъ большинство государей и народовъ Запада, признать въ Наполеонѣ своего властителя, — вотъ, собственно, главнѣйшая, основная причина подготовлявшагося колоссальнаго столкновенія.

Между тѣмъ, еще въ 1810 году, Наполеонъ говорилъ: «Еще три года—и я буду владыкой вселенной».

Прощаясь съ французскимъ посломъ Коленкуромъ въ 1811 г., Александръ говорилъ ему: «У меня нѣтъ такихъ генераловъ,

Рубль 1812 года.

Медаль 1812 года.

какъ ваши, я самъ не такой полководецъ и администраторъ, какъ Наполеонъ, но у меня хорошіе солдаты, преданный мнѣ народъ, и мы скорѣе умремъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели позволимъ поступать съ нами, какъ съ голландцами и гамбургцами. Но, увѣряю васъ честью, я не сдѣлаю перваго выстрѣла. Я допущу васъ перейти Нѣманъ, но самъ не перейду его; я не хочу войны, не желаетъ ея и мой народъ, хотя и озлобленъ отношеніями ко мнѣ вашего императора... Но, если на него нападутъ, онъ сумѣетъ постоять за себя». Императоръ писалъ и самому Наполеону: «Я сумѣю сражаться и дорого продать свое существованіе». Видя у ногъ своихъ государей и государства Западной Европы, Наполеонъ не былъ удовлетворенъ: его постоянно преслѣдовала мысль: «Недостаетъ Россіи; пока не покорена она, я не буду повелителемъ міра; пока Русскій государь царствуетъ независимо, у меня остается соперникъ»...

Становилось все яснѣе, что роковая для западнаго завоевателя борьба приближается быстрыми шагами.

Главнѣйшіе историческіе дѣятели бурной и грозной эпохи 1812 года встрѣтили, какъ замѣчено, въ ея событіяхъ не то, что первоначально ожидали отъ предполагаемаго стеченія обстоятельствъ и соотношенія силъ и что намѣчали въ своихъ планахъ. Это должно сказать о тѣхъ, кто стояли на самой вершинѣ историческихъ событій и руководили ими: о Наполеонѣ и Александрѣ I.

Для перваго предстоящая война не представлялась самозащитой Россіи на жизнь и смерть, столкновеніемъ двухъ особыхъ міровъ, а такою же военной кампаніей, какой были итальянскія, австрійскія, прусская и другія. Онъ думалъ быстро и счастливо привести ее къ желаемому концу и громомъ побѣдъ заглушить

недовольство французовъ, шероховатости борьбы съ партизанами въ Испаніи, глухое недовольство порабощенныхъ нѣмцевъ и другихъ западныхъ народовъ; только бы смирить Россію нѣсколькими побѣдами — и дѣло будетъ кончено. Онъ даже не рѣшилъ еще, будетъ ли востокъ Европы состоять изъ двухъ государствъ: королевства польскаго и царства русскаго, или попрежнему здѣсь останется господствовать одна Россія, но и она, по замысламъ завоевателя, станетъ въ покорныя, вассальныя отношенія къ новому цезарю, второму Карлу Великому, и дастъ ему свои арміи и другія средства для похода въ Азію и прежде всего въ богатую Индію, откуда слѣдуетъ изгнать заклятыхъ враговъ Франціи — англичанъ, и гдѣ можно основать европейско-восточное владычество наподобіе того, какое тамъ нѣкогда создалъ Александръ Македонскій.

Правда, для такого огромнаго предпріятія противъ Россіи Наполеонъ сталъ собирать бо́льшія, чѣмъ прежде, военныя силы и привлекъ къ ихъ укомплектованію всѣ вассальныя государства Запада. Но то была количественная лишь разница отъ прежнихъ походовъ. Задача же для новаго похода была та же, какъ и прежнихъ: разбить русскія арміи, взять одну или двѣ столицы Россіи, продиктовать ей тотъ или другой миръ, глядя по обстоятельствамъ, — вотъ и все.

Конечно, если Россія будетъ сопротивляться упорно, то послѣ созданія польскаго королевства съ западными и южными русскими владѣніями, пожалуй, можно будетъ восточную Россію раздробить на прежнія удѣльныя княжества, о чемъ думалъ еще Карлъ XII въ началѣ второго Семилѣтія Великой Сѣверной войны: такимъ образомъ царство Всероссійское перестанетъ существовать и быть помѣхой въ его владычествѣ надъ міромъ.

Александръ I, уже столько разъ принимавшій участіе въ войнахъ противъ Наполеона, конечно, понималъ великую трудность предстоящей войны и, разумѣется, предвидѣлъ Аустерлицы и Фридланды и невыгодный миръ, въ родѣ тѣхъ, какіе заключали Австрія, Пруссія и другія державы Запада; но онъ даже и тогда, когда Наполеонъ перешелъ русскую границу, еще не совсѣмъ потерялъ надежду на соглашеніе съ нимъ: на все смотрѣлъ онъ еще прежними западными глазами.

Но этотъ взглядъ на предстоящую борьбу скоро началъ смѣняться въ немъ болѣе глубокимъ прозрѣніемъ въ сущность и смыслъ событій и въ духъ русскаго народа, не сходный съ духомъ западныхъ народовъ.

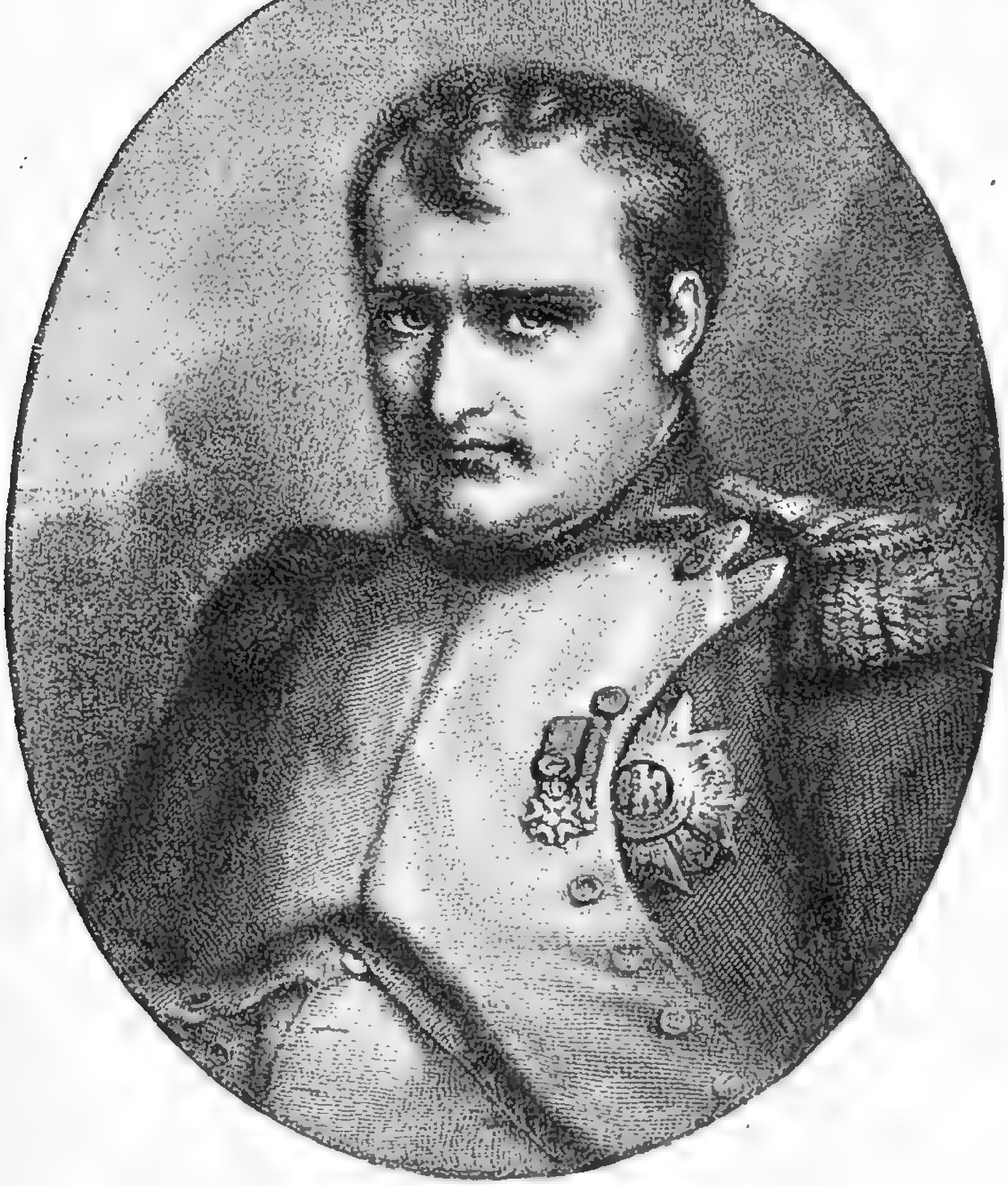
Русскій царь, какъ уже сказано, рѣшился не начинать войны, а лишь защищать свое отечество, и еще въ 1811 году говорилъ объ этомъ французскому послу Коленкуру.

Сформировавъ оборонительныя арміи: первую — западную, подъ начальствомъ военнаго министра Барклая-де-Толли (120.000), онъ расположилъ ее въ Виленской губерніи; вторую—тоже западную, подъ начальствомъ князя Багратіона (37.000), расположилъ между Нѣманомъ и Бугомъ въ Гродненской губерніи, а третью—наблюдательную за Австріей (обсерваціонную), подъ начальствомъ Тормасова (46.000), двинулъ къ ея границамъ. Государь, получивъ извѣстіе, что полчища Наполеона, сосредоточившіяся въ Варшавскомъ герцогствѣ, приближаются къ русскимъ границамъ, отправился въ апрѣлѣ 1812 года въ первую армію, чтобы принять личное участіе въ войнѣ. Положеніе наше было крайне тяжело: силъ было недостаточно, и мы были одиноки; съ Англіей государь медлилъ заключить союзъ, а заключенный союзъ съ Швеціей не давалъ намъ активной помощи.

Барклай-де-Толли.

Наполеонъ же съ чрезвычайной самоувѣренностью готовился къ отъѣзду къ своей арміи, но передъ этимъ, чтобы выиграть время для сосредоточенія войскъ и чтобы вызнать, что дѣлается въ Россіи, послалъ къ императору Александру генерала Нарбонна съ письмомъ, съ которымъ тотъ и прибылъ въ Вильну, гдѣ остановился государь.

Императоръ Александръ, указывая французскому посланцу на лежавшую передъ нимъ карту, сказалъ: «Я не ослѣпляюсь мечтами и знаю, въ какой мѣрѣ императоръ Наполеонъ — великій полководецъ; но на моей сторонѣ, какъ видите, пространство и время. Во всей этой враждебной для васъ землѣ нѣтъ такого отдаленнаго угла, куда бы я не отступилъ, нѣтъ такого пункта, котораго бы я не сталъ защищать, прежде чѣмъ согласиться заключить постыдный миръ. *Я не начну войны, но не положу оружія, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ будетъ оставаться въ Россіи*». Очевидно, въ государѣ уже крѣпло рѣшеніе объ упор-



Н а п о л е о н ъ.

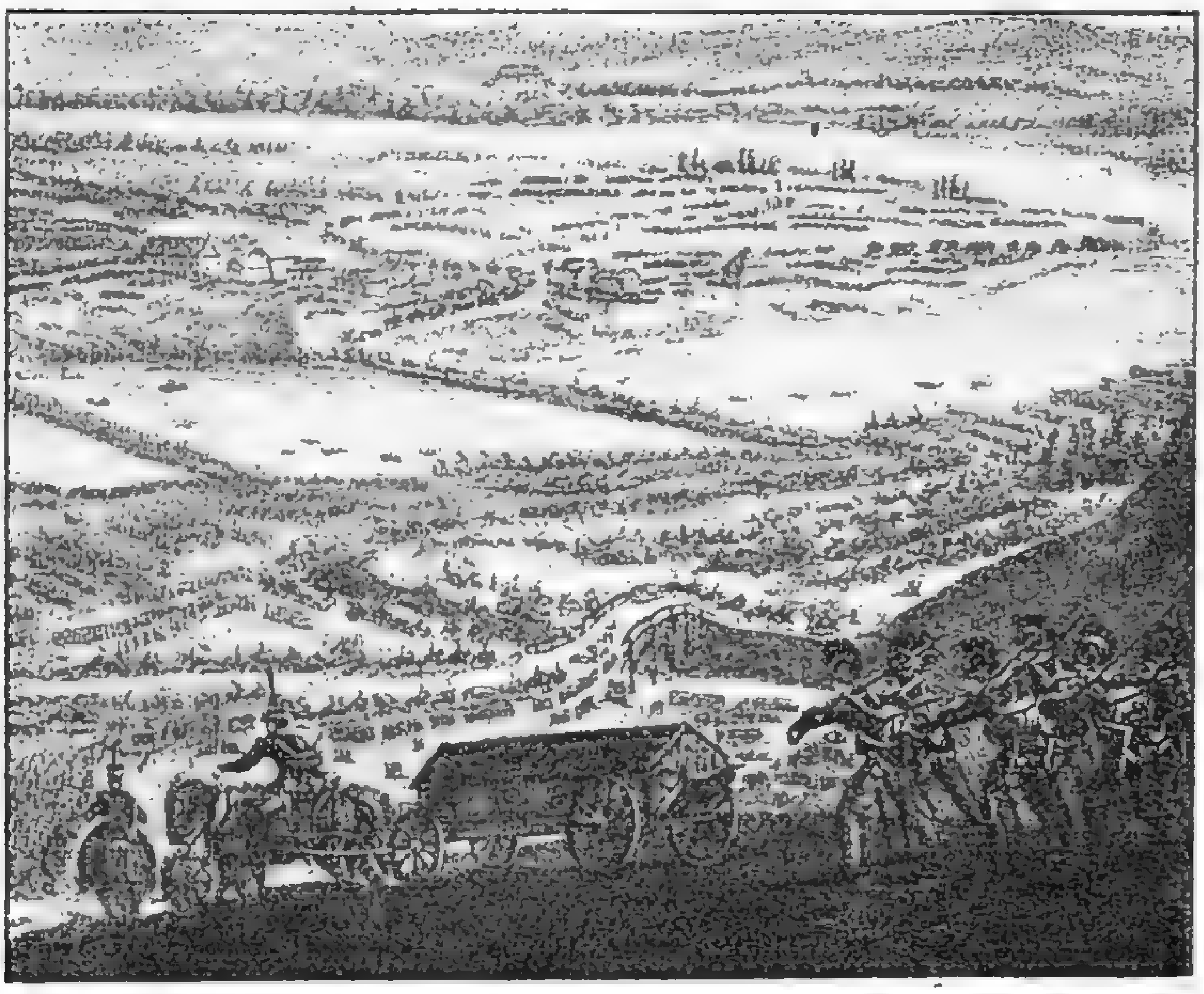
ной и продолжительной борьбѣ съ Наполеономъ, не похожей на предшествующія войны съ нимъ.

4 мая Наполеонъ прибылъ въ Дрезденъ съ императрицей Луизой, дочерью австрійскаго императора, на которой онъ женился послѣ того, какъ его предложеніе относительно брака съ сестрой нашего государя великой княжной Анной Павловной было отклонено. Сюда собрались и многочисленные коронованные вассалы Наполеона. Здѣсь находились императоръ австрійскій и король прусскій, присоединившій свои войска къ арміи Наполеона, и множество другихъ государей Запада. Здѣсь были и маршалы Франціи, множество придворныхъ и гвардія. Изъ Дрездена надменный Наполеонъ отправился въ герцогство Варшавское...

12 іюня, во время бала, даннаго нашему государю въ окрестностяхъ Вильны, получено было извѣстіе, что «великая армія», состоявшая изъ 600.000 человѣкъ, съ милліоннымъ резервомъ въ

цѣломъ рядѣ государствъ Запада, уже стала переходить черезъ Нѣманъ въ предѣлы Россіи. Въ ея составѣ были поляки, австрійцы, пруссаки, итальянцы, голландцы, испанцы, португальцы и другія народности Запада.

Наполеонъ съ горделивымъ завоевательнымъ задоромъ говорилъ по этому поводу въ своемъ приказѣ по арміи: «Солдаты! Вторая польская война началась. Первая окончилась подъ Фридландомъ и въ Тильзитѣ. Россія увлекается рокомъ и не избѣгнетъ судьбы своей. Пора прекратить пятидесятилѣтнее кичли-



Переправа Наполеоновской арміи черезъ Нѣманъ.

вое вліяніе ея на дѣла Европы. Вторая польская война будетъ столько же славна, какъ и первая».

Совершенно чисто-русскій контрастъ представляло настроеніе Русскаго царя. Въ своемъ манифестѣ о вступленіи враговъ въ Россію онъ говорилъ: «Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ объ ихъ долгѣ и храбрости!.. Воины! Вы защищаете вѣру, отечество и свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ». Примѣчательны послѣднія слова государя: онъ повторилъ то, что сказалъ Петръ Великій передъ самымъ началомъ битвы своей подъ Полтавой съ Карломъ XII.

Находя опору въ сознаніи своей правоты и въ надеждѣ на помощь Божію, Русскій царь рѣшительнѣе, чѣмъ вышеназванному послу Наполеона, возвѣстилъ, что онъ будетъ бороться

съ властолюбивымъ врагомъ до конца, до послѣдней капли крови, и въ рескриптѣ на имя предсѣдателя Государственнаго Совѣта писалъ: «Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудили насъ препоясаться на брань... Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ моемъ царствѣ»... Это произвело сильное и глубокое впечатлѣніе въ Россіи на всѣхъ; но, желая еще разъ противопоставить свое миролюбіе завоевательнымъ стремленіямъ Наполеона, онъ послалъ генералъ-адъютанта Балашова сказать Наполеону, что миръ все еще возможенъ, если Наполеонъ отодвинетъ свои войска отъ границы Россіи.

Посланецъ нашъ могъ получить аудіенцію у Наполеона только въ Вильнѣ, откуда лишь за нѣсколько дней уѣхалъ Русскій царь и притомъ въ тѣхъ же комнатахъ, гдѣ онъ останавливался. Наполеонъ сказалъ генералъ-адъютанту Балашову: «Неужели вы думаете, что я привелъ столько войскъ, чтобы посмотрѣть на Нѣманъ?» и насмѣшливо спросилъ русскаго генерала: «Какія дороги ведутъ въ Москву?» Тотъ съ патріотическимъ сарказмомъ отвѣчалъ, что онъ можетъ указать только ту, которою шелъ Карлъ XII, но «она идетъ чрезъ Полтаву». Столь язвительный отвѣтъ заставилъ Наполеона прекратить свое издѣвательство.

Есть свидѣтельство одного современника, что Наполеонъ думалъ, по заключеніи мира въ Москвѣ, провозгласить себя здѣсь императоромъ всего Запада, главой европейской федераціи и защитникомъ христіанской религіи на востокѣ и для предстоящей церемоніи взялъ изъ Парижа все свое императорское облаченіе, которое погибло во время похода.

Россію онъ мѣрилъ западно-европейскимъ аршиномъ. Разсчитывая, что мы не можемъ противопоставить ему ни равныхъ по количеству военныхъ силъ, ни соотвѣтствующихъ полководцевъ, въ родѣ нашего Суворова, онъ полагалъ, что стоитъ ему только одержать одну или двѣ побѣды и взять Москву, чтобы Россія, въ лицѣ ея государя и арміи, была у его ногъ, какъ Австрія, Пруссія и другія государства Запада. Наполеонъ, положившись на увѣренія поляковъ, будто находившійся въ крѣпостной зависимости народъ ненавидитъ самое государство и высшіе классы, и что послѣдніе, усвоивъ себѣ западно-европейское образованіе, совсѣмъ чужды патріотизма, не ждалъ себѣ энергическаго сопротивленія и даже разсчитывалъ на обильную измѣну. Но онъ не принялъ въ соображеніе того завѣтнаго русскаго патріотизма, самоотверженія и самопожертвованія, ка́кія уже начинали гото-

Александръ I.

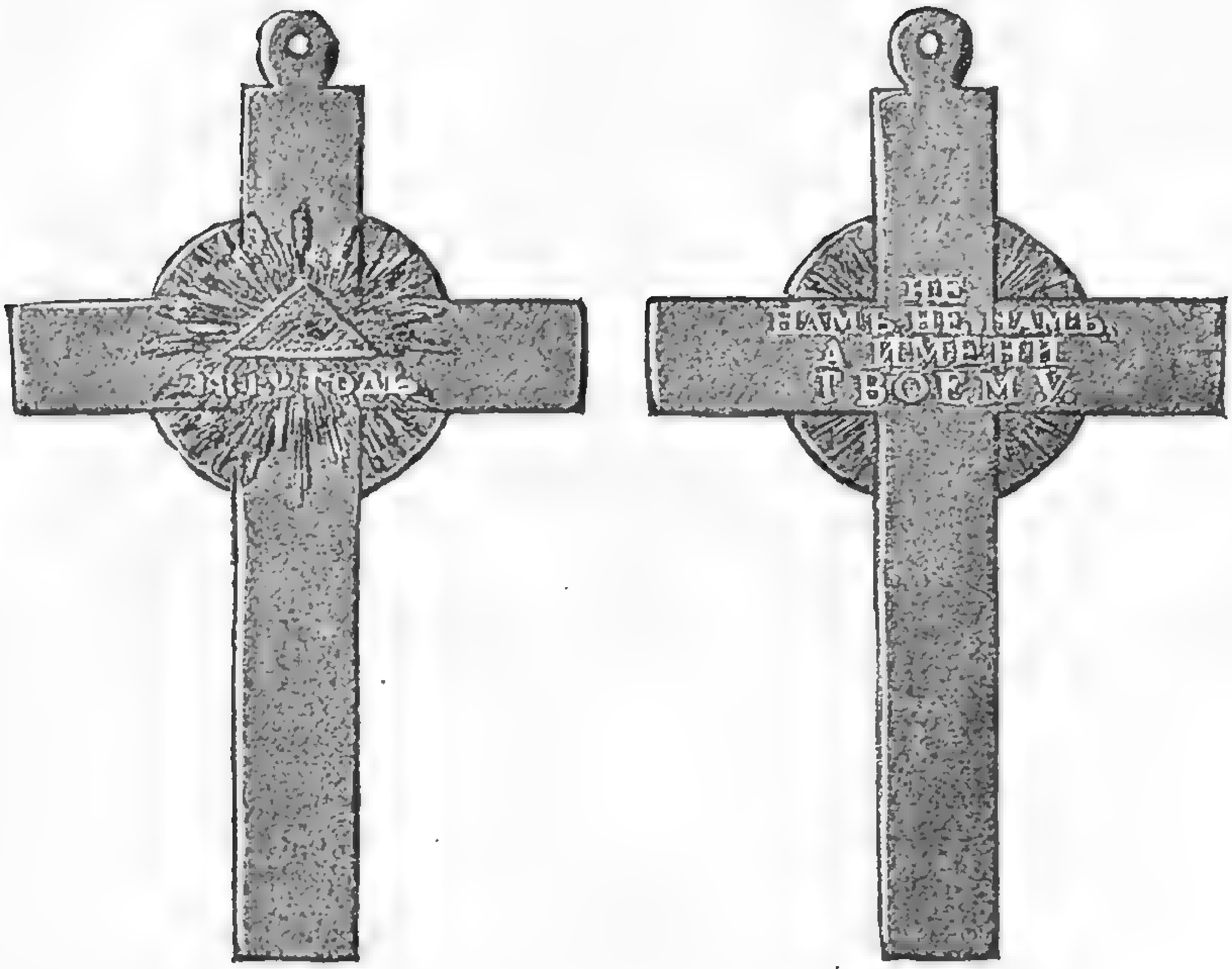
вить ему въ своемъ инстинктивномъ единеніи царь и народъ Россіи и которыя обратили борьбу 1812 года въ войну народную.

Въ эту тяжелую пору Русскій Самодержецъ, забывъ свои недавнія западническія увлеченія, быстро и глубоко проникся русскимъ національнымъ духомъ и въ глубинѣ его нашелъ такія силы, которыхъ не подозрѣвалъ Наполеонъ и которыя не поддаются раціоналистическимъ исчисленіямъ.

Онъ отказался отъ своего плана оставаться при своихъ войскахъ и пришелъ къ важному рѣшенію поднять народную войну противъ западныхъ полчищъ, отдавъ распоряженіе о томъ, чтобы обѣ западныя арміи, отступая внутрь Россіи, шли на соединеніе между собою; въ Полоцкѣ же 6 іюля подписалъ онъ знаменитѣйшій манифестъ свой о созывѣ всенародныхъ ополченій, проявившій чрезвычайную чуткость духа Русскаго царя и его безповоротную рѣшимость.

При новомъ, болѣе глубокомъ прозрѣніи въ закипавшую народную борьбу онъ не дѣлалъ въ своемъ манифестѣ различія даже между духовными и мірянами и звалъ всѣхъ и все на борьбу съ врагами до послѣдней капли крови, до послѣдняго вздоха. При этомъ въ его сознаніи возникли не воспоминанія изъ періода нашего сближенія съ Западомъ, не громъ итальянскаго и швейцарскаго походовъ Суворова, не грохотъ Кагула, Рымника, Полтавы, а свято-русскіе образы страшныхъ дней 1612 года, когда Русь погибала, когда былъ поставленъ вопросъ: быть ей или не быть? Государь говорилъ Русскому народу: «Да встрѣтитъ врагъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ—Палицына, въ каждомъ гражданинѣ—Минина... Соединитесь всѣ съ крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ, и никакія человѣческія силы васъ не одолѣютъ». Глубоко-потрясающее впечатлѣніе производилъ этотъ манифестъ всюду и на всѣ классы. Русскій народъ, воспитанный въ суровой школѣ своей исторіи, входилъ въ глубину своего національно-религіознаго сознанія, чтобы почерпнуть въ немъ новыя силы къ смертной борьбѣ за самое бытіе свое.

То, что одушевляло самодержавнаго вождя, вдохновило и весь народъ, и за ожидаемыми новыми Пожарскими, Палицыными и Миниными скоро и столь же самоотверженно пошли и Сусанины — крестьяне, которые спрашивали еще до Бородина у проходившихъ солдатъ, не пора ли, молъ, намъ, служивые, жечь свои избы и села, чтобы они не доставались врагамъ...



Наперсный крестъ 1812 года.

Всего сильнѣе сказался подъемъ народнаго духа въ Москвѣ, куда, покинувъ отступавшую армію, отправился государь.

11 іюля въ Москвѣ, гдѣ былъ обнародованъ манифестъ о всенародномъ ополченіи и особое воззваніе къ первопрестольной столицѣ, стало извѣстно, что ѣдетъ государь, и что онъ уже близокъ, въ одномъ переѣздѣ отъ нея, и она мгновенно поняла, что значитъ этотъ пріѣздъ. «И вотъ Москва, — говоритъ современникъ, — *вышла изъ себя*»: ушла вся навстрѣчу своему царю. Безъ всякаго уговора, мгновенно стали запираться всюду и торговыя заведенія, и мастерскія, и дома, и волны народа, на минуту заходя въ отпертые храмы, или только помолившись у нихъ, устремились за заставу, на Смоленскую дорогу, навстрѣчу государю. На протяженіи 15 верстъ за Москвой вся эта дорога залита была народомъ. Медленно сквозь густыя толпы двигалась коляска государя. На пути въ селахъ навстрѣчу къ нему выходило въ облаченіяхъ, съ крестами, сельское духовенство. Извѣстный поэтъ того времени, основатель «Русскаго Вѣстника», Ѳедоръ Глинка писалъ: «Церковныя облаченія, свѣчи въ рукахъ священниковъ сильно дѣйствовали на душу, волновали чувства и возбуждали множество мыслей... Тяжело становилось на сердцѣ, томилась душа и тревожился умъ... Глаза невольно поднимались къ небу, какъ бы желая въ немъ прочесть будущую судьбу

отечества». Въ полночь государь подъѣхалъ къ Москвѣ. На Поклонной горѣ его встрѣтило духовенство изъ ближней церкви: священникъ держалъ на серебряномъ блюдѣ крестъ, дьяконъ стоялъ съ зажженной свѣчой. Государь остановилъ лошадей, вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и съ глубокимъ вздохомъ приложился ко кресту. Въ отвѣтъ на этотъ вздохъ изъ груди смиреннаго священника вырвался энергическій возгласъ: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его»... Окружающій народъ, охваченный глубокимъ чувствомъ, тихо заговорилъ: «Наполеону не побѣдить насъ: для этого нужно всѣхъ насъ перебить»... Уже слышалось глубокое народное движеніе.

Съ разсвѣтомъ 12 числа народныя волны залили не только Кремль, но и прилегающія къ нему мѣстности. Въ 9 часовъ на высотѣ Краснаго крыльца появился государь и поклонился народу. Раздалось такое «ура», которое заглушило звонъ колоколовъ на Иванѣ Великомъ и, казалось, страшною силой своей потрясло всѣ основанія Кремля. На каждой ступени историческаго крыльца множество стоявшихъ на колѣняхъ обнимали ноги государя, цѣловали полы его одежды, обливая ее слезами. У подножія крыльца какой-то старикъ въ крестьянской одеждѣ сказалъ: «Не унывай, государь, видишь, сколько насъ въ одной Москвѣ. Веди насъ, куда знаешь, отецъ нашъ родимый! Все отдадимъ тебѣ. Всѣ умремъ или побѣдимъ».

Растроганный государь едва могъ двигаться сквозь тѣснившійся народъ. Свита пыталась раздвигать его, но государь говорилъ: «Не троньте, я и такъ пройду». Казалось, такого единенія царя и народа никогда не видала историческая Москва и встарь. Безмолвные государь и народъ только обмѣнивались взорами, но въ этихъ взорахъ уже была рѣшена судьба всего—судьба Москвы, судьба войны, судьба Наполеона. При входѣ въ Успенскій соборъ архіепископъ Августинъ въ глубокомъ прозрѣніи сказалъ: «Господь силъ съ тобою, царь: Онъ обратитъ бурю въ тишину и умолкнутъ волны потопныя. Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ».

Помолившись у мощей святителей московскихъ и у гробовъ своихъ державныхъ предковъ, государь отправился въ Слободской дворецъ, гдѣ собраны были дворянство и городскія сословія.

По прочтеніи манифеста среди дворянъ заговорили: «Теперь не время разсуждать, надобно скорѣе дѣйствовать; кипитъ война необычайная. Она требуетъ мѣръ чрезвычайныхъ. Двинемся съ

крестьянами сотнями тысячъ, вооружимся, чѣмъ можемъ. Дружинами своими отрѣжемъ Наполеону путь назадъ, покажемъ, что Россія возстаетъ за Россію, на свою защиту!»

Въ другомъ залѣ, гдѣ собрались купечество и другія сословія, чтеніе манифеста съ каждымъ новымъ словомъ его все больше волнуетъ присутствующихъ. Но вотъ прочтены слова: «Непріятель съ лестью на устахъ несетъ въ рукахъ оковы», и въ залѣ раздаются грозные клики гнѣва и ярости, рвутъ на себѣ волосы, бьютъ себя въ грудь, ломаютъ руки...

Прибылъ государь, и мгновенно водворилась мертвая тишина. Вотъ онъ говоритъ дворянамъ: «Вы, по примѣру предковъ, не потерпите ига чуждаго, и непріятель не восторжествуетъ въ своихъ дерзкихъ замыслахъ. Этого ожидаетъ отъ васъ отечество и государь».

«Готовы умереть. Все, что имѣемъ, отдаемъ тебѣ», раздалось по залу, и тотчасъ же стали говорить, сколько поскорѣе вооружить ратниковъ за счетъ дворянства; въ первое же ополченіе рѣшено было снарядить 80 тысячъ и пожертвовать 3 милліона деньгами.

Государь плакалъ, отъ волненія никто не могъ удержать слезъ. Успокоившись нѣсколько, онъ сказалъ: «Я многаго ожидалъ отъ московскаго дворянства, но оно превзошло мои ожиданія. Благодарю васъ именемъ отечества!» Покинувъ дворянство, онъ перешелъ въ купеческую залу и здѣсь также, до глубины души, былъ потрясенъ грознымъ энтузіазмомъ и многомилліонными пожертвованіями. Съ поразительной быстротой москвичи собрали между собою 10 милліоновъ на войну.

Взволнованный и умиленный государь много и много разъ повторялъ: «Этого дня я никогда не забуду»...

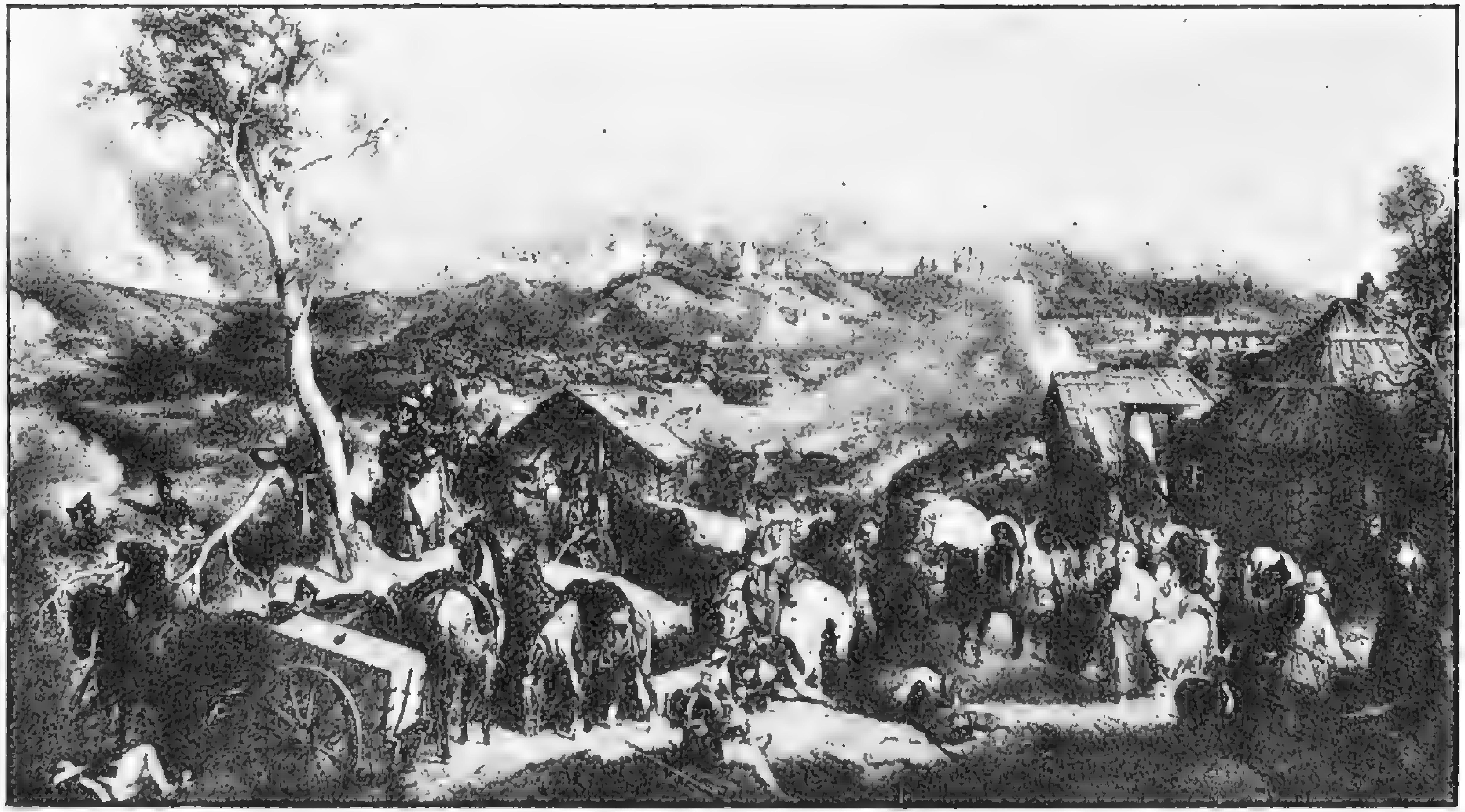
Государь воочію увидалъ въ Москвѣ Русь допетровскую, во всей ея безграничной любви къ царю и отечеству, готовую на всѣ пожертвованія, на самую поголовную гибель, ради спасенія Россіи... Русская историческая идея всеобдержно охватила и царя и народъ и уже предрѣшила гибель враговъ. Государь скоро уѣхалъ изъ Москвы, но уже ничего не могло измѣниться въ сердцѣ Россіи и во всемъ ея народѣ. Война съ Наполеономъ стала безпримѣрно-грозною войною народною. По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ государь говорилъ: «Жалѣю, что не могу, какъ бы желалъ, отвѣчать на преданность этого *чуднаго народа*. Прискорбно, что я — не полководецъ, такъ какъ воспитался при дворѣ, а не отданъ былъ на воспитаніе Румянцеву или Суво-

рову. Но у меня достаточно воли, чтобы не погрѣшить противъ своего народа заключеніемъ мира».

Между тѣмъ войска наши отступали, завлекая Наполеона въ глубь Россіи, хотя это больше и больше возбуждало ропотъ въ войскѣ, непривыкшемъ отступать, а также и въ самомъ народѣ. Особенно тяжело обрушивалось недовольство за это на Барклая-де-Толли, котораго не любили, какъ человѣка сухого и замкнутаго и какъ нѣмца по фамиліи, его даже совершенно напрасно

Витгенштейнъ.

заподозрѣвали въ измѣнѣ. На его привѣтствія войско отвѣчало обиднымъ и даже зловѣщимъ молчаніемъ... Рѣшено было, чтобы арміи Барклая и Багратіона соединились подъ Витебскомъ. Наполеонъ же старался всячески помѣшать этому и говорилъ, что тотъ и другой никогда больше не увидятся. Противъ отдѣленнаго отъ первой арміи для защиты дороги въ Псковъ и Петербургъ корпуса генерала Витгенштейна, онъ отправилъ часть своего войска подъ начальствомъ маршаловъ Макдональда и Удино, которые потерпѣли пораженіе подъ Полоцкомъ и не могли двинуться по направленію къ Петербургу. Отступленіе же главныхъ нашихъ войскъ сопровождалось упорными битвами Барклая у Витебска, Багратіона подъ Могилевымъ и Оршей. Во-



Сраженіе подъ Смоленскомъ 5 августа.

преки усиліямъ Наполеона наши войска 21 іюля соединились подъ Смоленскомъ, а для обезпеченія отступленія ихъ далѣе рѣшено было защищать нѣкоторое время этотъ городъ. Прежде всего генералъ Невѣровскій съ 7.000 отрядомъ подъ Краснымъ геройски отбилъ 40 атакъ Наполеонова зятя, неаполитанскаго короля Мюрата, и далъ возможность 16-тысячному корпусу Раевскаго занять Смоленскъ. Цѣлый день 4 августа, несмотря на громадныя потери, этотъ храбрецъ отбивалъ приступы 200-тысячной непріятельской арміи. На слѣдующій день его утомленныя войска смѣнилъ корпусъ генерала Дохтурова, который снова отбилъ всѣ приступы непріятеля. Въ ночь на 6 августа вся наша армія спокойно отступила по дорогѣ къ Москвѣ, а слѣдомъ за нею двинулся изъ Смоленска Дохтуровъ, оставивъ изумленному Наполеону однѣ обгорѣлыя развалины города, покрытыя массами убитыхъ...

Ропотъ арміи на отступленіе и недовольство рвавшагося въ бой князя Багратіона Барклаемъ, а также все разраставшееся крайнее неудовольствіе въ народѣ побудили государя назначить одного главнокомандующаго надъ всѣми арміями и народными ополченіями. Особо составленное совѣщаніе по этому предмету остановило выборъ главнокомандующаго на сподвижникѣ Румянцева и Суворова, князѣ Кутузовѣ, о которомъ послѣдній, послѣ штурма Измаила, сказалъ, что онъ шелъ на лѣвомъ его крылѣ, но былъ его правою рукой.

Этотъ 67-лѣтній вождь, только что счастливо окончившій турецкую войну, былъ избранъ дворянствомъ Петербургской губерніи въ предводители его ополченія. Народъ съ восторгомъ и надеждами встрѣтилъ это назначеніе и на всемъ пути къ войску провожалъ полководца трогательными знаками своего сочувствія и довѣрія. Наполеонъ, узнавъ объ этомъ назначеніи, назвалъ его старою лисицею сѣвера. «Я докажу ему, что онъ не ошибся», сказалъ по этому поводу Михаилъ Иларіоновичъ.

17 августа главнокомандующій засталъ наши войска между Гжатскомъ и Вязьмой, гдѣ Барклай предполагалъ дать битву Наполеону. Принимая почетный караулъ у Царева-Займища, Кутузовъ сказалъ: «Ну, какъ можно отступать съ такими молодцами». Среди солдатъ, истомленныхъ долгими отступленіями, пошелъ говоръ: «Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ». Когда онъ верхомъ объѣзжалъ войска, надъ нимъ взвился огромный орелъ и продолжалъ парить во время смотра. Признавъ, однако, избранную позицію неудобною для сраженія, главнокомандующій

Кутузовъ.

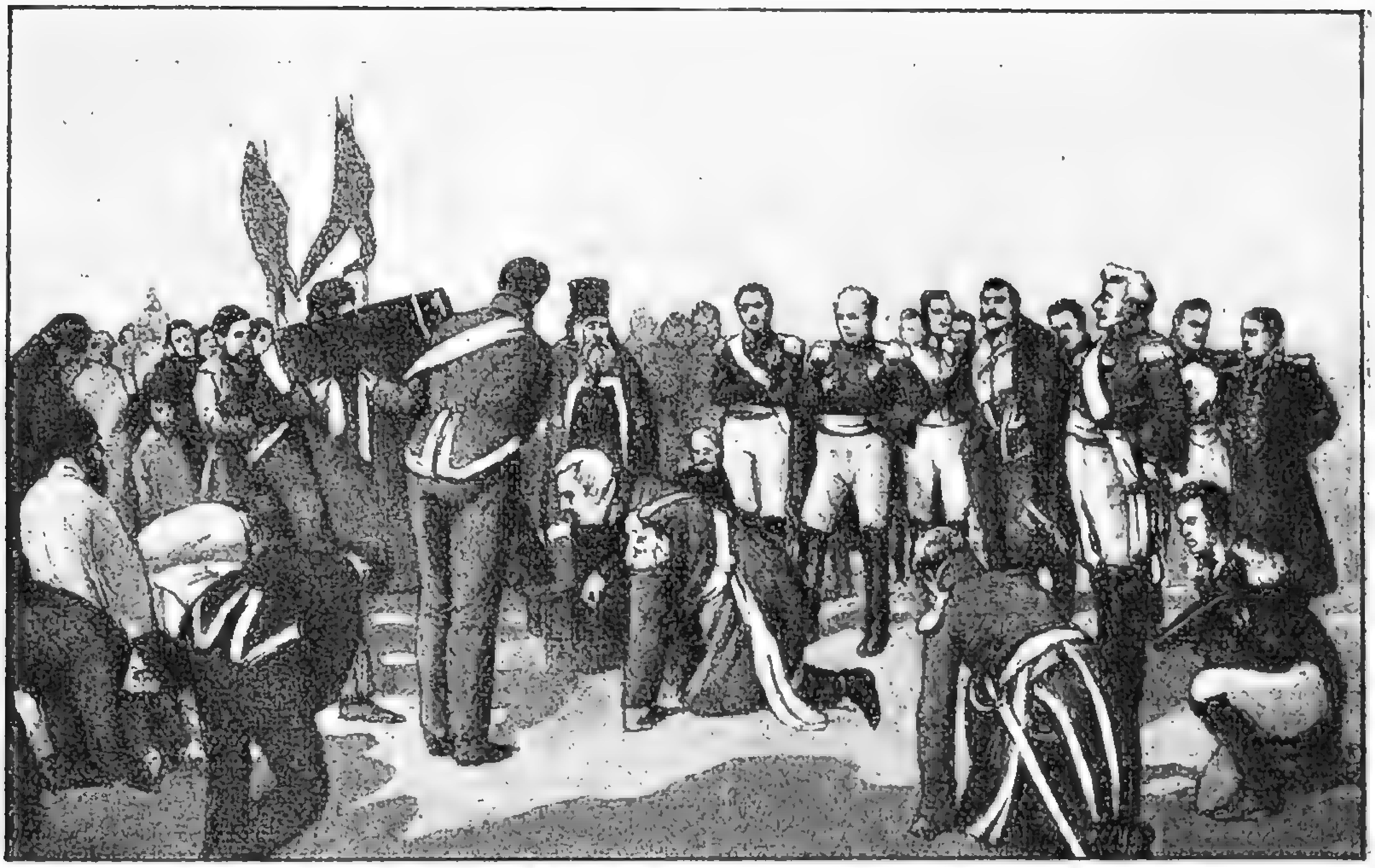
далъ приказъ отступать дальше, но теперь войска двинулись уже безъ ропота и унынія.

Десяти верстъ не доходя до Можайска, они получили приказъ остановиться на обширныхъ поляхъ близъ села Бородина, за сто верстъ до Москвы. Здѣсь Кутузовъ рѣшилъ дать сраженіе Наполеону.

Позиція, на которой расположилось наше стотысячное войско, тянулась на семь верстъ (см. планъ), отъ рѣки Москвы и черезъ село Бородино до старой Смоленской дороги. Впереди, версты за двѣ, было поставлено укрѣпленіе, Шевардинскій редутъ, который былъ занятъ десятитысячнымъ нашимъ отрядомъ. Оно было построено для того, чтобы непріятель при атакѣ развернулъ и обнаружилъ для насъ свои силы. За Шевардинымъ отъ села Бородина, черезъ которое идетъ новая Смоленская дорога, ее и пространство вправо отъ нея заняла армія Барклая, составившая центръ и правое крыло. Отъ Бородина влѣво у деревни Семеновской, на старой Смоленской дорогѣ, до деревни Утицы, стала армія Багратіона, составивъ наше лѣвое крыло.

24 августа французы, подъ начальствомъ Мюрата, послѣ цѣлаго ряда атакъ на одинъ изъ отрядовъ второй арміи заняли къ

Наполеонъ передъ битвой.
Съ французской гравюры.



Икона Смоленской Богоматери на Бородинскомъ полѣ.

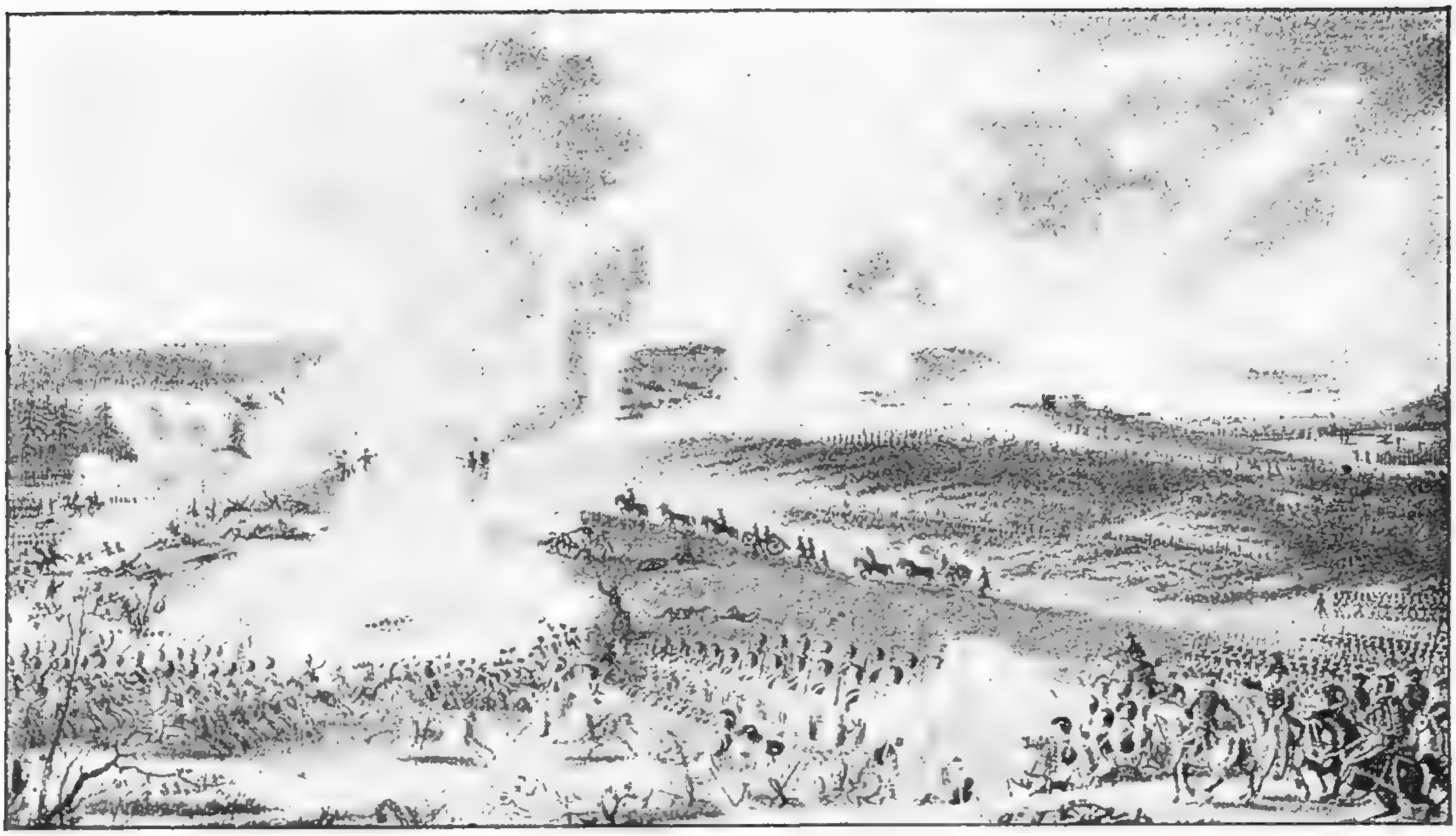
вечеру Шевардинскій редутъ, а наши войска отошли на главную линію нашего расположенія.

Весь день 25 числа прошелъ въ приготовленіяхъ съ обѣихъ сторонъ къ предстоящему огромному бою.

Во всѣхъ нашихъ полкахъ служили молебны. Послѣ полудня вдоль всей линіи нашихъ войскъ тихо и торжественно двинулось духовенство съ чудотворной иконой Смоленской Божіей Матери, вынесенной войсками изъ дымящихся развалинъ Смоленска. Глубокое впечатлѣніе производило это шествіе съ чтимой святыней, съ зажженными свѣчами, съ развѣвающимися хоругвями. Десятки тысячъ воиновъ въ молитвенномъ порывѣ становились на колѣни предъ Заступницей усердной Земли Свято-Русскія. Маститый Кутузовъ палъ предъ иконой на землю въ горячей молитвѣ. «Сами иновѣрцы, не только христіане, но даже магометане и язычники, — говоритъ очевидецъ, — не остались равнодушными. Всѣ почувствовали себя предъ лицомъ ожидающей ихъ смерти, всѣ невольно обращались къ Богу». Солдаты надѣвали чистыя рубахи, готовясь къ славной, святой смерти за родину. Хотя, благодаря усердію народа и близкой Москвѣ, у войска было всего вдосталь, но не объ ѣдѣ думало оно. Призывъ къ чаркѣ водки остался напраснымъ; солдаты отвѣчали: «Не къ

Бой у деревни Горокъ.
Здѣсь во время битвы находился Кутузовъ.

У Шевардинскаго редута.

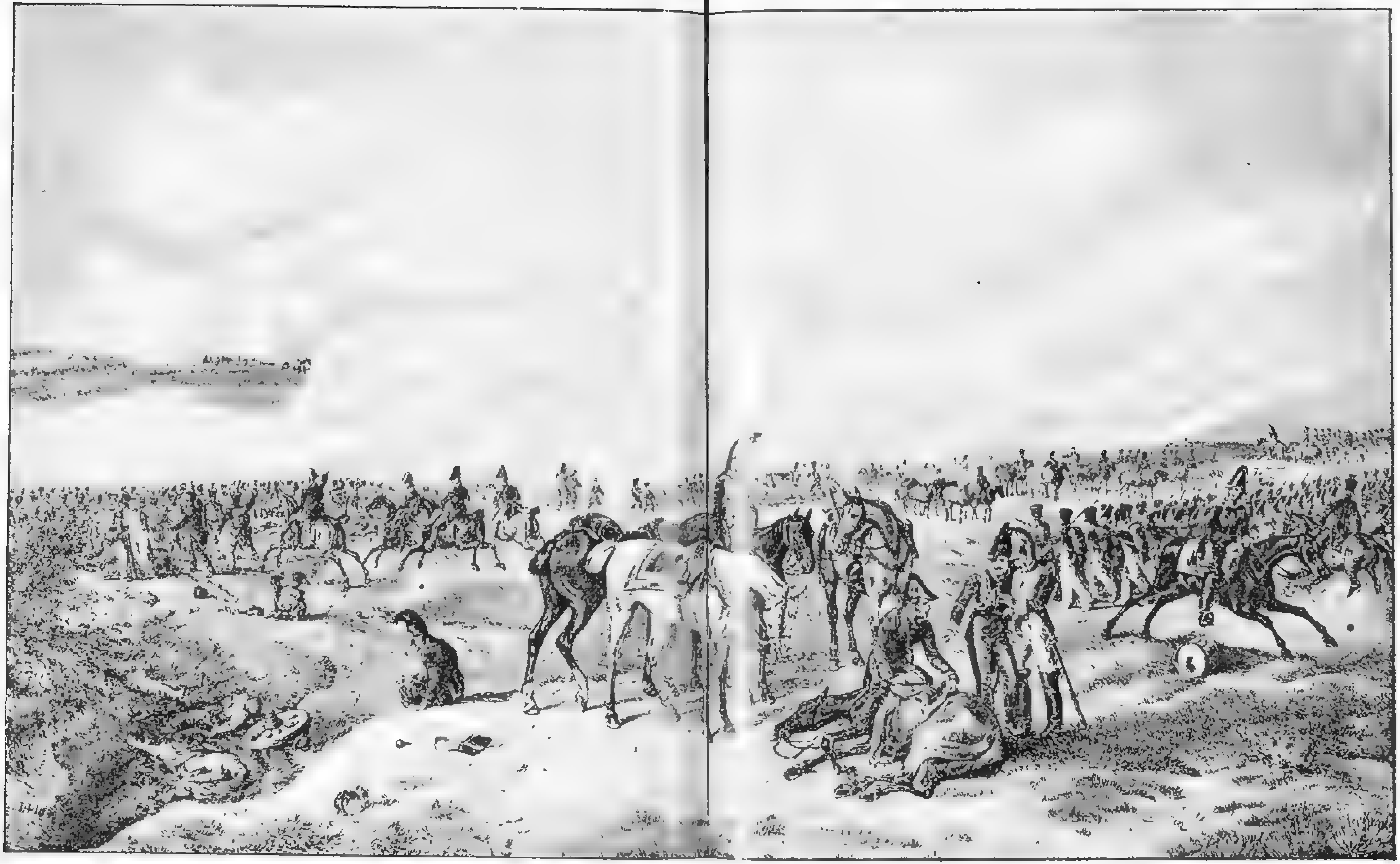


Бой у Семеновскаго.

тому готовимся, не такой нынче день». Въ торжественной тишинѣ, почти безъ костровъ, встрѣтило надвинувшуюся ночь наше войско.

Между тѣмъ въ непріятельскомъ лагерѣ было шумно. Тамъ самонадѣянно радовались ожидаемой побѣдѣ и предстоящему занятію Москвы, и не скоро замолкли клики въ честь императора. «И слышно было до разсвѣта, какъ ликовалъ французъ»...

Едва забрезжилъ свѣтъ, какъ зашевелились войска. Когда восходившее солнце стало прорѣзать лучами холодный воздухъ, вышедшій изъ своей палатки Наполеонъ спросилъ: «Что дѣлается у русскихъ?» и, узнавъ, что они остаются на позиціяхъ, выразилъ свое удовольствіе и прибавилъ: «Сегодня немного холодно, но ясно: это — солнце Аустерлица». Передъ войсками стали читать императорскій приказъ: «Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы такъ давно ожидали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она необходима для васъ; она доставитъ вамъ все нужное, удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ дѣйствовали вы при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ... Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою».



Бородинская битва. Съ французской гравюры.

Передъ шестью часами съ непріятельской стороны раздался первый пушечный выстрѣлъ и замеръ въ минутной тишинѣ. Скоро загремѣли второй и третій, и канонада съ обѣихъ сторонъ изъ 1.200 пушекъ слилась быстро въ ужасный потрясающій ревъ.

Главный напоръ непріятельскихъ атакъ направленъ былъ на нашемъ лѣвомъ крылѣ на укрѣпленіе близъ Семеновскаго (Багратіоновы флеши) и въ центръ на Бородино и батарею Раевскаго.

Корпусъ Даву атаковалъ Багратіоновы флеши, и непріятель уже ворвался было въ наши укрѣпленія, но прибытіе самого Багратіона со вспомогательными войсками заставило Даву, послѣ жаркихъ схватокъ, очистить ихъ и отступить.

Одновременно вице-король итальянскій Евгеній Богарне двинулся на село Бородино и заставилъ гвардейскихъ стрѣлковъ уйти за Колочу. Но попытка его перейти чрезъ эту рѣчку была отбита съ большимъ урономъ.

Послѣ неудачи первыхъ двухъ атакъ Наполеонъ началъ новыя съ удвоенными силами.

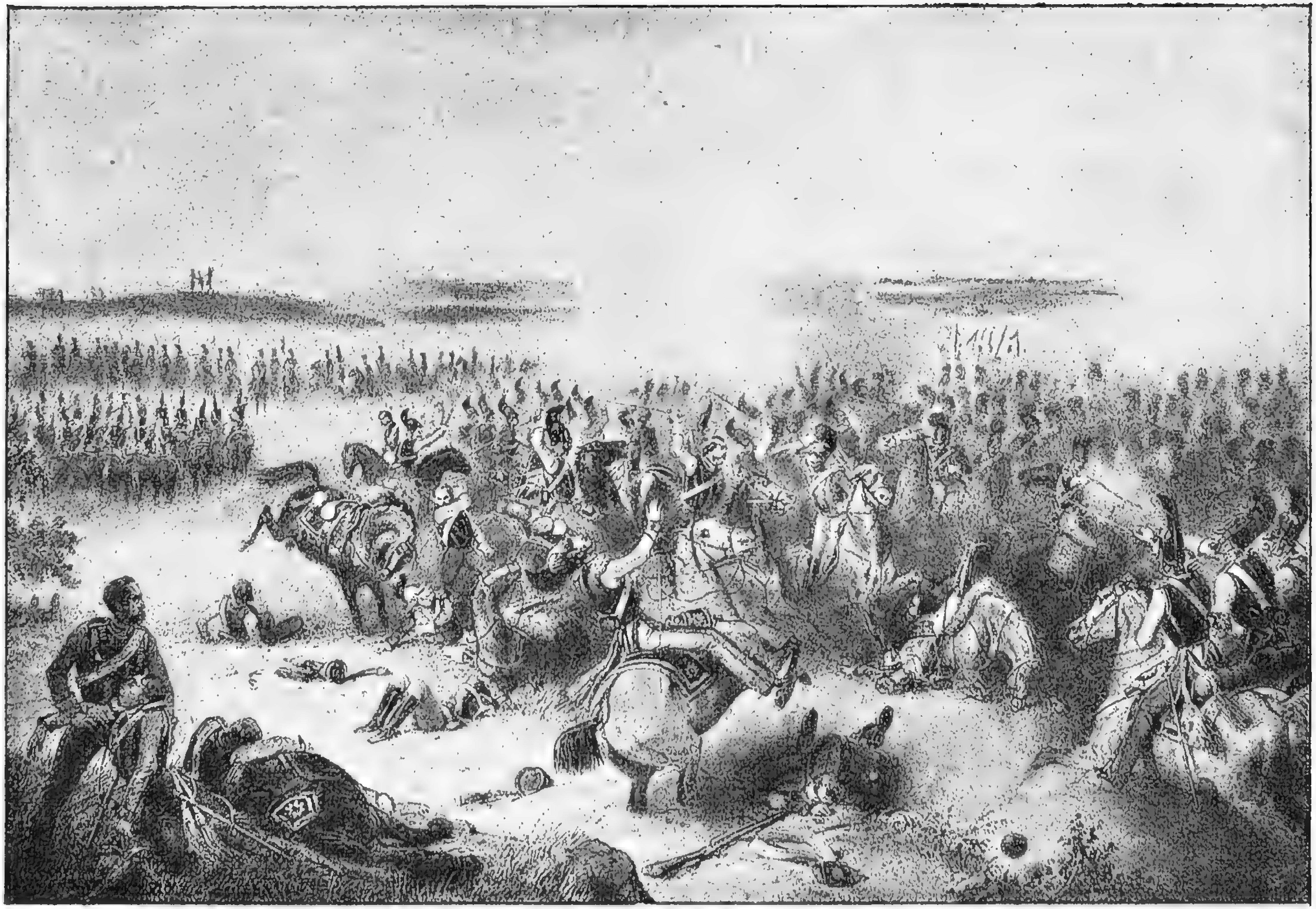
Уже два корпуса (присоединенъ былъ другой подъ начальствомъ маршала Нея) снова двинулись на Семеновскія флеши. Багратіонъ потребовалъ подкрѣпленій съ праваго фланга, но они могли подойти лишь къ двумъ часамъ. Однако наступленіе непріятелей было встрѣчено нашими войсками страшнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Но это не остановило надвигавшуюся впередъ тучу. Массы непріятеля достигли уже укрѣпленій. Впятеро слабѣйшія числомъ наши войска встрѣтили врага грудью. «Земля тряслась, какъ наши груди. Смѣшались въ кучу кони, люди»... Закипѣла отчаянная рукопашная схватка. Ряды наши рѣдѣли, но не отступали. Цѣлая наша дивизія въ неравной борьбѣ была скошена, уничтожена, и непріятель овладѣлъ укрѣпленіями. Скоро, однако, подоспѣла посланная Тучковымъ дивизія Коновницына. Запылалъ новый ожесточенный бой. Дважды укрѣпленія переходили изъ рукъ въ руки. Въ это время пораженный картечью палъ главный защитникъ лѣваго фланга, доблестный кн. Багратіонъ, и наши войска, очистивъ укрѣпленія, отошли за оврагъ у деревни Семеновской. Мюратъ со своей конницей напалъ на нихъ, и здѣсь въ грозномъ молчаніи русскіе гвардейцы подпустили враговъ на близкое разстояніе къ себѣ. Но вдругъ ряды ихъ сверкнули тысячью выстрѣловъ, и массы непріятельскихъ труповъ усѣяли поле. Самые «желѣзные кира-

Бородинскій монастырь.

Н. Н. Раевскій.

«сиры» Наполеона разсѣялись въ безпорядкѣ. Свѣжія атаки, все настойчивѣе повторявшіяся, заставили насъ оставить французамъ и Семеновское, откуда они стали артиллерійскимъ огнемъ обстрѣливать во флангъ батарею Раевскаго.

Послѣ отбитой первой попытки перейти чрезъ Колочу у Бородина вице-король итальянскій перешелъ эту рѣчку нѣсколько выше и двинулъ свой корпусъ въ атаку на батарею Раевскаго. Несмотря на неравное съ непріятелемъ число ея защитниковъ, и это нападеніе было геройски отбито, но скоро у насъ стало не хватать зарядовъ, и враги овладѣли центральной батареей... Начальникъ штаба первой арміи, генералъ Ермоловъ, схвативъ первыя попавшіяся ему войска, стремительно бросился на вра-



Кавалерійская схватка.

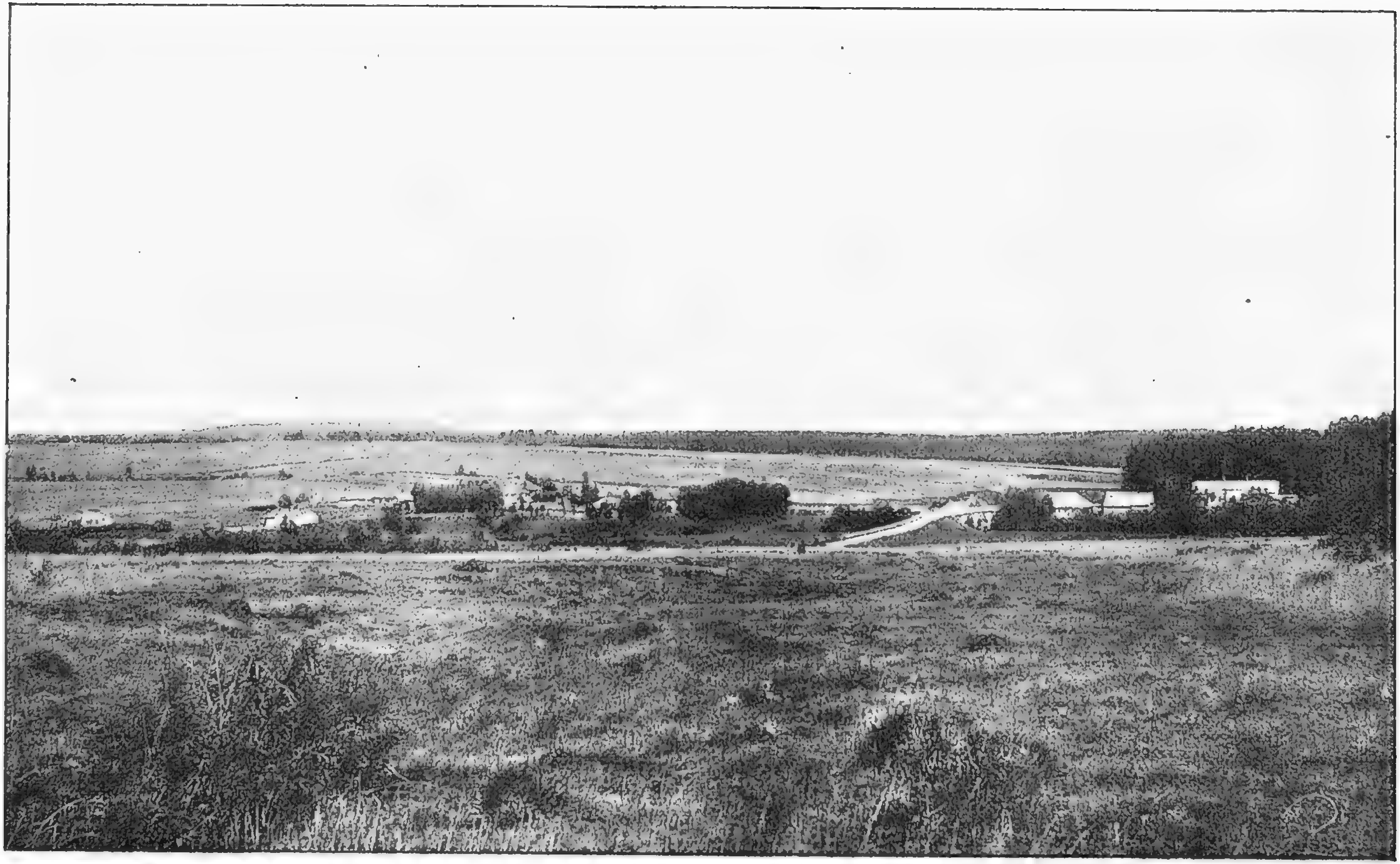
говъ и въ нѣсколько минутъ выбилъ ихъ изъ покинутаго укрѣпленія. Окрестность его была загромождена грудами труповъ.

Въ первомъ часу Наполеонъ сосредоточилъ огромныя силы для новой атаки на батарею Раевскаго, но это нападеніе было задержано неожиданнымъ движеніемъ: лихой атаманъ донскихъ казаковъ Платовъ съ нѣсколькими полками перешелъ через

А. П. Ермоловъ.

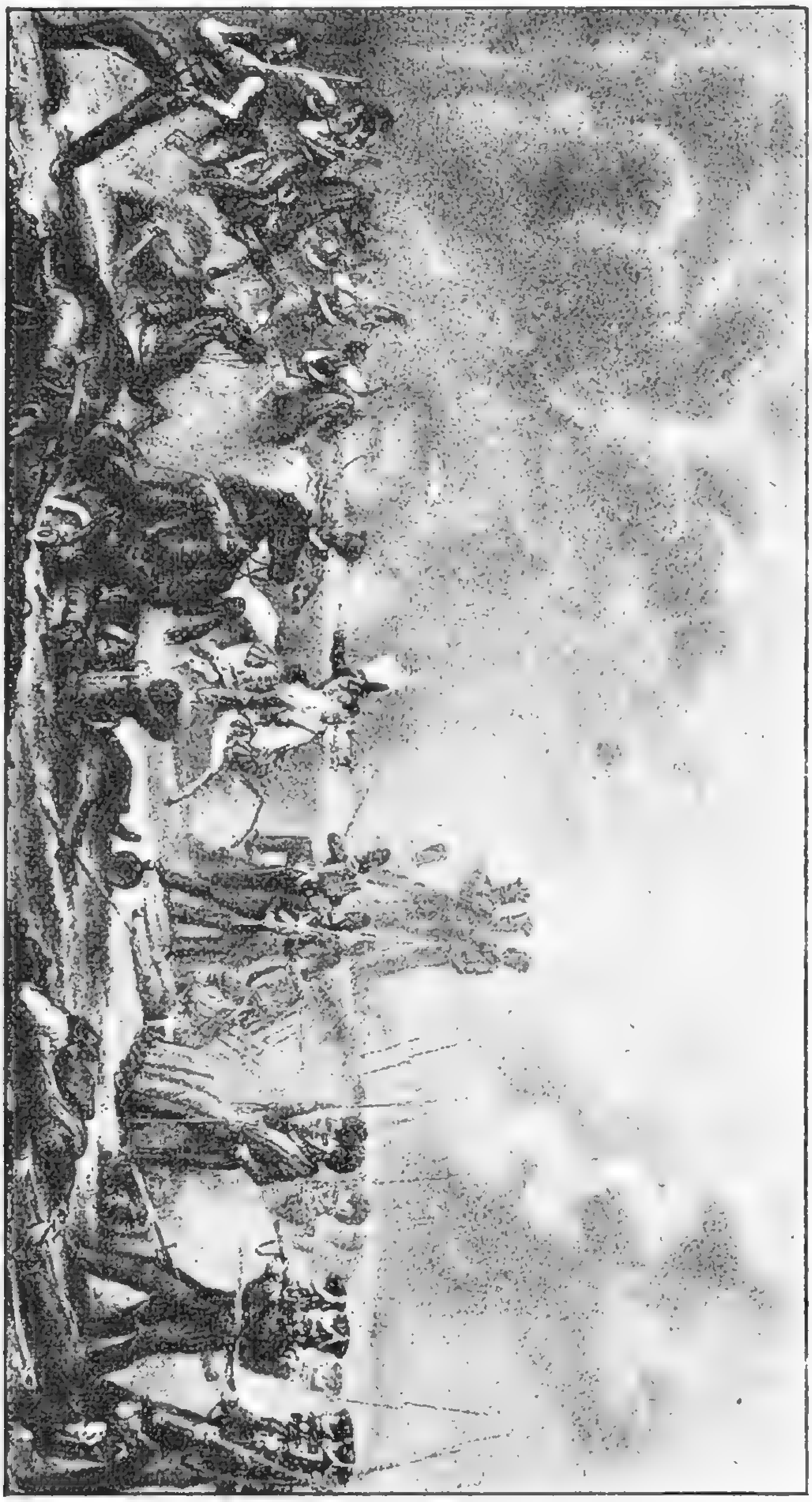
рѣчку Колочу и, обойдя лѣвый флангъ непріятелей, напалъ на ихъ тылъ. Это произвело переполохъ и отвлекло вниманіе самого Наполеона отъ нашего центра, что на два часа замедлило атаку на батарею Раевскаго, которая была тѣмъ временемъ поддержана нашими подкрѣпленіями. Возобновившійся въ 2 часа бой сдѣлался еще упорнѣе, еще кровопролитнѣе.

Что произошло въ нашемъ центрѣ, не поддается никакому описанію. Гулъ сотенъ орудій, непрерывная ружейная пальба, крики сражающихся, стоны раненыхъ производили оглушающее впечатлѣніе. Самъ Барклай, какъ будто искавшій смерти, вы-



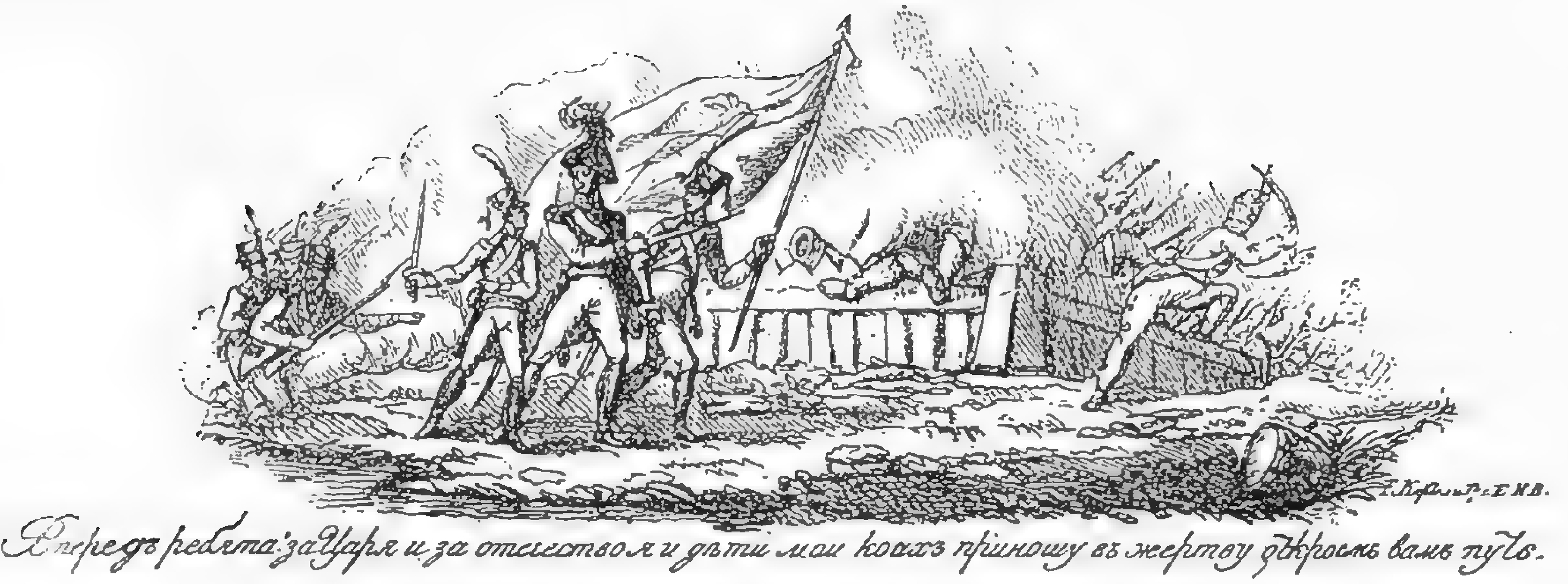
Бородинское поле.

нужденъ былъ защищаться саблей; около него былъ убитъ пулей въ голову его адъютантъ Ламздорфъ. Подъ давленіемъ превосходныхъ силъ непріятеля наши войска, оставивъ централь-



У батареи Раевскаго.

ное укрѣпленіе, отошли назадъ. Но и отступивъ на $1^1/_2$ версты, они готовы были съ прежней энергіей возобновить бой, чтобы не пустить врага въ сердце Россіи. У Наполеона оставался еще двадцатитысячный резервъ, не бывшій въ бою, — это его старая



Н. Н. Раевскій съ сыновьями на Бородинскомъ полѣ.
Со старинной картины.

гвардія. Маршалы нѣсколько разъ просили его двинуть ее въ дѣло, чтобы выиграть побѣду. Но императоръ рѣшительно сказалъ, что онъ въ трехъ тысячахъ верстахъ отъ Франціи не желаетъ рисковать послѣднимъ своимъ резервомъ. Артиллерійская канонада продолжалась, но уже атакъ больше не было.

Наполеонъ увидалъ, что достигнутые имъ небольшіе успѣхи были совсѣмъ не то, что было во всѣхъ прежнихъ 50 сраженіяхъ его; онъ понималъ, что двѣнадцатичасовое невыигранное сраженіе равняется при громадности потерь проигранному. Онъ и его войска почувствовали смущеніе передъ врагомъ, который, потерявъ половину войска, стоялъ такъ же грозно въ концѣ битвы, какъ и въ ея началѣ. Нравственная побѣда была одержана не Наполеономъ, а русскими. На Бородинскомъ полѣ онъ увидалъ, что представляетъ Русское воинство, защищающее родную землю, и понялъ всю разницу между нравственною силой Русскаго народа и народовъ Западной Европы, въ борьбѣ съ которыми онъ привыкъ къ быстрымъ и рѣшительнымъ успѣхамъ.

Примѣчательно, что нерѣшительное съ внѣшней стороны сраженіе и Наполеонъ и Кутузовъ считали каждый своею побѣдою. Первый послалъ извѣщеніе въ Парижъ императрицѣ Маріи-Луизѣ, что онъ одержалъ побѣду надъ русскими войсками подъ Москвою, а Кутузовъ поздравлялъ русскія войска съ побѣдой и думалъ на утро возобновить сраженіе. Такой же характеръ имѣло и его донесеніе императору Александру.

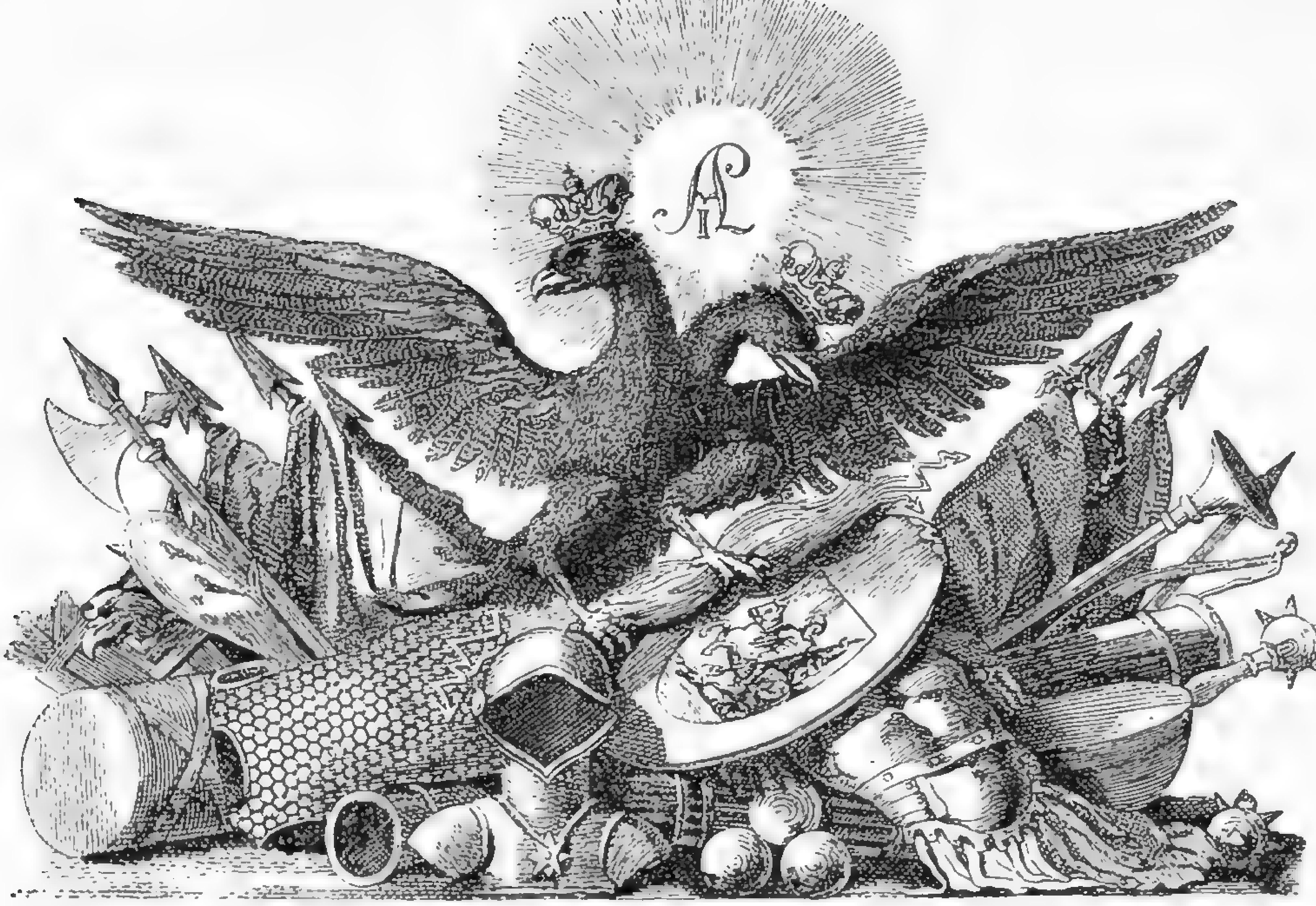
На Бородинскихъ поляхъ мы потеряли выбывшими изъ строя 44.000 человѣкъ, въ томъ числѣ 22 генерала (Тучковы, Горчаковъ, Воронцовъ, Бахметьевъ и др.) и 2.000 офицеровъ. Не

меньше были и потери непріятеля: у него однихъ генераловъ выбыло изъ строя 49, почему французы называли Бородинское дѣло сраженіемъ генераловъ. У насъ послѣ битвы осталось 52.000 человѣкъ, а у Наполеона—95.000.

«Изъ всѣхъ моихъ сраженій,—говорилъ на островѣ св. Елены Наполеонъ, — самое ужасное то, которое я далъ подъ Москвою. Французы показали себя достойными одержать побѣду, а русскіе стяжали право быть непобѣдимыми».

«Не даромъ помнитъ вся Россія про день Бородина», сказалъ нашъ родной поэтъ.

Наступившая ночь положила конецъ битвѣ 26 августа. Въ полночь Кутузовъ, получивъ свѣдѣнія о понесенныхъ потеряхъ, нѣсколько иначе взглянулъ на дѣло и, не рѣшаясь въ слѣдующій день на битву, отдалъ приказаніе войскамъ отступать за Можайскъ къ Москвѣ, думая о битвѣ подъ ея стѣнами...



V.

Занятіе Наполеономъ Москвы и гибель его полчищъ.

Москва, куда стали привозить раненыхъ съ Бородинскаго поля, не знала, что будетъ дальше. Ручаясь своими сѣдыми волосами, Кутузовъ писалъ московскому генералъ-губернатору графу Ростопчину, что онъ не отдастъ Москвы врагамъ безъ боя. Но изъ Москвы быстро вывозились уже святыни и государственныя драгоцѣнности, для чего окрестные крестьяне снарядили 52.000 подводъ, отказываясь брать за это плату. Многія осторожныя семьи также покидали Москву. Но Ростопчинъ все еще продолжалъ увѣрять населеніе столицы, что будетъ новая битва подъ Москвою. По случаю Бородинской битвы онъ напечаталъ, воспроизводимую далѣе фотографически, афишку.

1 сентября почти вся армія наша подошла къ Москвѣ, и Кутузовъ приказалъ генераламъ Ермолову и Толю осмотрѣть ея окрестности, удобны ли онѣ для новой битвы. Когда былъ полученъ отрицательный отвѣтъ, онъ созвалъ въ 5 часовъ того дня въ деревнѣ Филяхъ военный совѣтъ, который собрался въ избѣ крестьянина Савостьянова. Здѣсь были Барклай, Ермоловъ,

Два курьера, отправленные съ мѣста сраженія, привезли отъ Главнокомандующаго арміями слѣдующія извѣстія:

Вчерашній день 26го, было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе. Съ помощію Божіею Руское войско не уступило въ немъ ни шагу, хотя непріятель съ отчаяніемъ дѣиствовалъ противъ его. Завтре надѣюсь я, возлагая мое упованіе на Бога и на Московскую Святыню, съ новыми силами съ нимъ сразиться.

Потеря непріятеля неизчетная. Онъ отдалъ въ приказъ, чтобъ въ плѣнъ не брать (да и брать нѣкого), и что Французамъ должно побѣдить или погибнуть. Когда сего дня, съ помощію Божіею, онъ отраженъ еще разъ будетъ, то злодѣй и злодѣи его погибнутъ отъ голода, огня и меча.

Я посылаю въ Армію 4000 человѣкъ здѣшнихъ новыхъ солдатъ, на 250 пушекъ снаряды, провіанта. Православные, будьте спокойны. Кровь нашихъ проливается за спасеніе отечества. Наша готова; естьли придетъ время, то мы подкрѣпимъ войска; Богъ укрѣпитъ силы наши, и злодѣй положитъ кости свои въ землѣ Руской.

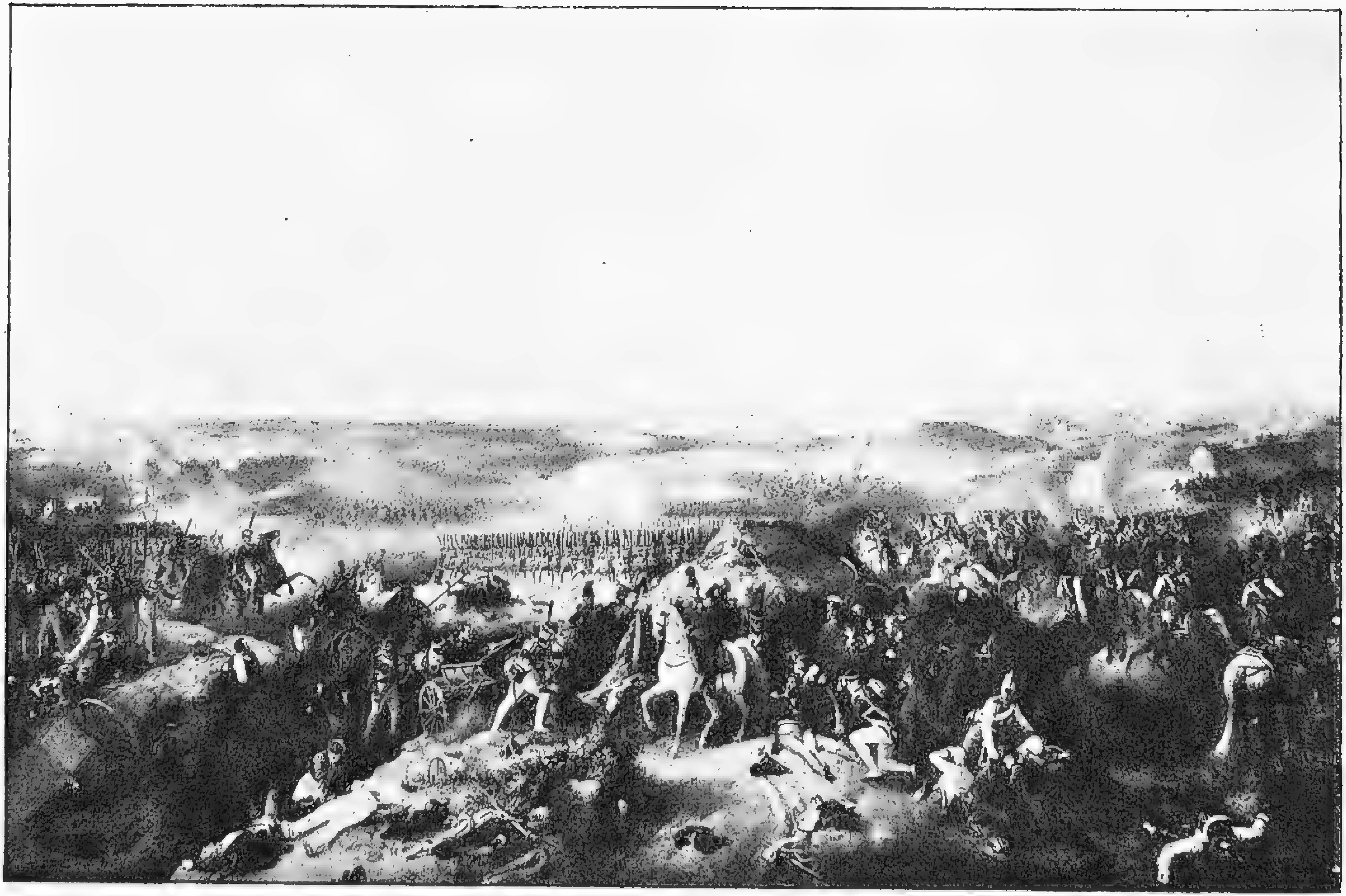
27 Августа. Графъ Растопчинъ.
1812.

Раевскій, Коновницынъ, Бенигсенъ, Остерманъ и Толь. Кутузовъ поставилъ на обсужденіе вопросъ: пожертвовать ли арміей, или Москвой? Нѣкоторые генералы и въ особенности Бенигсенъ настаивали на битвѣ. Но Кутузовъ, выслушавъ это и другія мнѣнія, сказалъ: «Съ потерею Москвы не потеряна еще Россія. Первою обязанностью считаю сохранить армію и соединить ее съ идущими къ ней подкрѣпленіями. Знаю, какая отвѣтственность обрушивается на меня, но жертвую собою для блага отечества. Властью, данною мнѣ государемъ, приказываю отступленіе».

Позднею ночью извѣщенъ былъ объ этомъ графъ Ростопчинъ; войска получили приказаніе итти чрезъ Москву на Рязанскую дорогу, а начальникъ нашего арьергарда, графъ Милорадовичъ,— договориться съ начальникомъ авангарда Мюратомъ, чтобы фран-

Графъ Ростопчинъ.

Военный совѣтъ на Филяхъ.



Бородинская битва.

Вступленіе непріятелей въ Москву.

Съ французской гравюры.

Графъ Милорадовичъ.

цузы отнюдь не вступали въ Москву до выхода изъ нея всѣхъ русскихъ войскъ. Мюратъ согласился на это, такъ какъ Милорадовичъ грозилъ не оставить въ Москвѣ камня на камнѣ.

Когда Милорадовичъ подъѣхалъ къ Кремлю, изъ него выходилъ кремлевскій мѣстный гарнизонъ. Его выступленіе звучало какимъ-то раздирающимъ душу диссонансомъ: онъ шелъ съ распущеннымъ знаменемъ и музыкой. Горячій Милорадовичъ подскакалъ къ начальнику отряда и сталъ браниться за то, что это сдѣлано такъ некстати. «Если гарнизонъ при сдачѣ крѣпости получаетъ дозволеніе выступить свободно, — отвѣчалъ начальствовавшій генералъ,—то выходитъ съ музыкой и распущенными знаменами: такъ сказано въ регламентѣ Петра Великаго». — «Да развѣ есть въ регламентѣ Петра Великаго что-либо о сдачѣ Москвы? — вскричалъ Милорадовичъ. —Прикажите замолчать вашей музыкѣ»,—и та замолкла.

Войска проходили къ Рязанской заставѣ. Барклай-де-Толли, 18 часовъ не сходя съ лошади, слѣдилъ за ихъ выходомъ у Яузскаго моста. Кутузовъ, понуривъ голову, долго сидѣлъ за заставой на скамейкѣ, ожидая отвѣта отъ Милорадовича и, получивъ донесеніе о заключенной съ Мюратомъ конвенціи, перекрестился на Москву и грустный поѣхалъ дальше.

Мрачно, съ тяжелыми думами проходили войска чрезъ Москву. Купцы, стоя у открытыхъ лавокъ, предлагали имъ безплатно брать все, что имъ нужно: не доставайся де врагамъ наше добро... Москва быстро пустѣла...

2 сентября уже вся армія Наполеона пододвинулась къ Москвѣ, и въ 2 часа дня на бѣлой арабской лошади, въ сопровожденіи свиты, императоръ прибылъ на Поклонную гору. Увидавъ Москву, Наполеонъ сказалъ: «Такъ вотъ, наконецъ, этотъ знаменитый городъ... Теперь война кончена. Да и пора ужъ». Сойдя съ коня, онъ сталъ разсматривать дивную панораму Москвы въ зрительную трубку.

Пушечный выстрѣлъ подалъ сигналъ къ вступленію въ городъ арміи. Кавалерія рысью, а пѣхота бѣглымъ маршемъ въ три ближайшія заставы стала входить въ Москву.

Наполеонъ сѣлъ опять на коня и поскакалъ къ Дорогомиловской заставѣ, ожидая, что здѣсь, по примѣру Вѣны, Берлина и другихъ столицъ Запада, встрѣтитъ его депутація изъ властей и знатнѣйшихъ лицъ столицы, съ ключами отъ Кремля на почетномъ блюдѣ. Прискакавшіе изъ города офицеры доложили, что онъ пустъ, оставленъ населеніемъ. Москва опять вышла изъ себя, опять опустѣла, опять ушла, но не такъ, какъ при недавней встрѣчѣ Русскаго царя. «Это невѣроятно, — сказалъ Наполеонъ. — Нужно удостовѣриться въ этомъ. Ступайте и приведите ко мнѣ бояръ». Онъ нервно зашагалъ у заставы. Скоро привели къ нему группу застрявшихъ въ Москвѣ иностранцевъ, подтвердившихъ непріятную новость, и, мрачный, онъ заночевалъ въ Дорогомиловской слободѣ, на одномъ постояломъ дворѣ.

Первымъ вступилъ въ Кремль чрезъ Троицкія ворота изъ Мюратова авангарда отрядъ подъ начальствомъ генерала Себастіани. Здѣсь стояла группа народа, вооруженная старинными ружьями, взятыми изъ арсенала. Изъ этой группы раздалось нѣсколько безнадежныхъ выстрѣловъ. Французы дали въ стоявшихъ два залпа, кавалерія начала рубить ихъ саблями. Оказалось, что какіе-то изъ москвичей, принявъ Себастіани за Наполеона, сдѣлали свою отчаянную попытку. Пролилась первая русская кровь въ Москвѣ, и она почти въ ту же минуту, какъ будто по сигналу, заалѣла заревомъ пожаровъ, которые вначалѣ показались непріятелямъ простою случайностью.

На другой день по представлявшимъ безлюдную пустыню и застилаемымъ еще не густымъ дымомъ улицамъ мрачно въѣхалъ чрезъ Боровицкія ворота въ Кремль Наполеонъ. Только войдя

Наполеонъ на Поклонной горѣ.
Съ карт. *Верещагина.*

во дворецъ, онъ почувствовалъ себя лучше. «Такъ вотъ эти гордыя стѣны, — сказалъ онъ. — Наконецъ-то я въ Москвѣ, въ ея Кремлѣ, въ древнемъ дворцѣ Русскихъ царей». Обращаясь къ окружающимъ, онъ продолжалъ: «Русскіе еще сами не знаютъ, какое произведетъ на нихъ впечатлѣніе занятіе Москвы. Посмотримъ, что они будутъ дѣлать... Вѣдь мы и зазимуемъ среди враждебнаго намъ народа. Впрочемъ, до этого не дойдетъ: императоръ Александръ не доведетъ меня до этого и подпишетъ миръ».

Но какъ глубоко ошибался Наполеонъ въ Русскомъ царѣ. Получивъ извѣстіе о сдачѣ Москвы, государь просидѣлъ неподвижно въ теченіе цѣлой ночи у своего письменнаго стола передъ картою Россіи. Ничто, даже входъ постороннихъ лицъ, не въ состояніи было вывести его изъ почти безчувственнаго со-

стоянія: можетъ-быть, никогда ни одинъ изъ монарховъ не страдалъ такъ глубоко за свой народъ, за самаго себя. Въ эту страшную ночь онъ пережилъ цѣлые годы; его почти юношеское лицо было неузнаваемо на другой день, его волосы посѣдѣли отъ ужасной скорби. Но когда полковникъ Мишо привезъ государю донесеніе Кутузова о занятіи врагами Москвы, тотъ сказалъ слѣдующія достопамятныя слова:

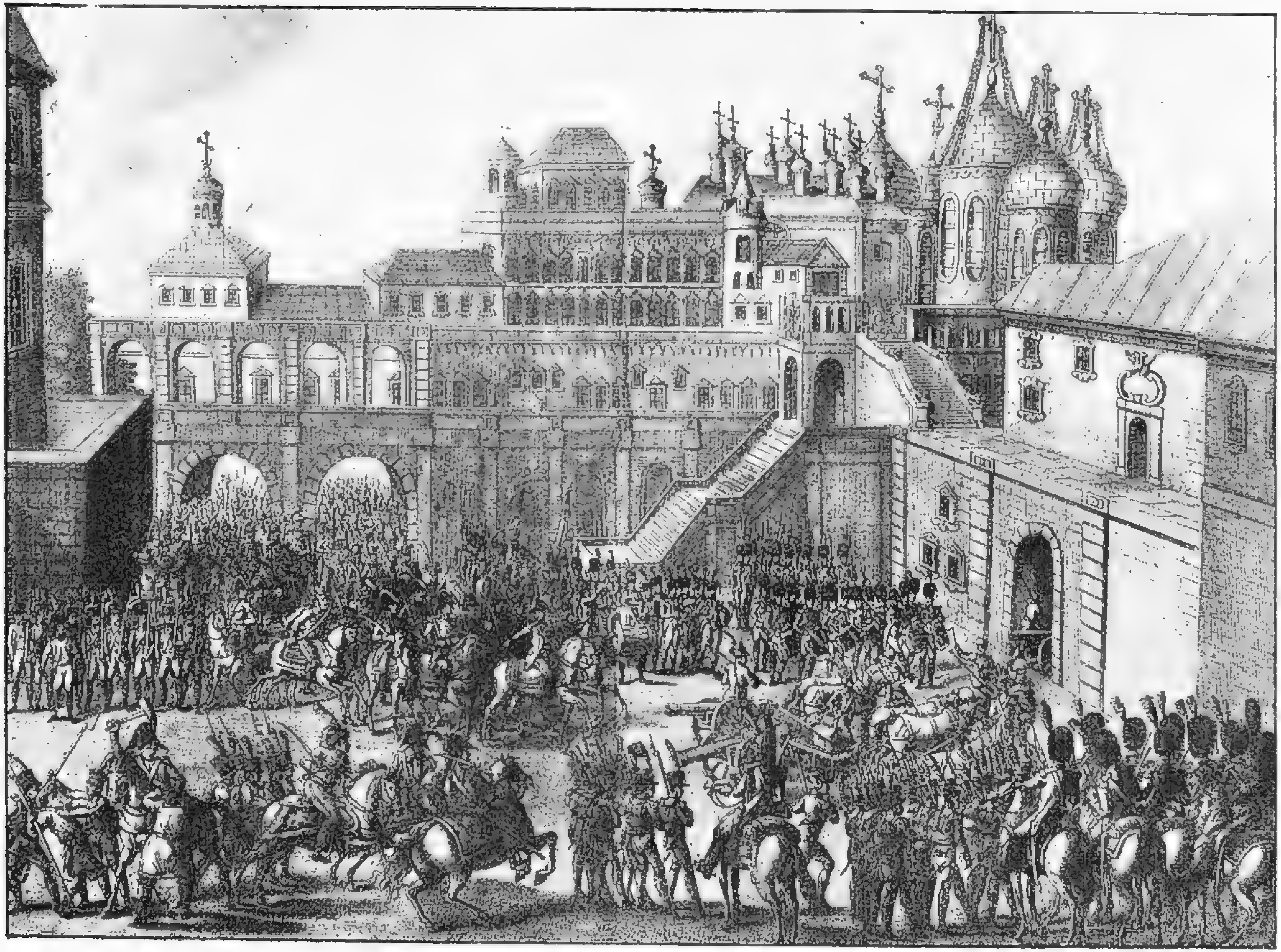
«Возвратитесь въ армію, скажите нашимъ храбрецамъ и объявляйте всѣмъ моимъ вѣрнымъ подданнымъ, гдѣ вы проѣзжать будете, что если у меня не останется ни одного солдата, я стану во главѣ моего дорогого дворянства и моихъ добрыхъ крестьянъ и пожертвую всѣми средствами моей имперіи. Она представляетъ мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ враги мои думаютъ. Но если Божественнымъ Провидѣніемъ предопредѣлено, чтобы моя династія перестала царствовать на престолѣ моихъ предковъ, тогда, истощивъ всѣ средства, которыя въ моей власти, я отращу себѣ бороду и скорѣе буду питаться черствымъ хлѣбомъ въ Сибири, нежели подпишу позоръ моего отечества и дорогихъ моихъ подданныхъ, жертвы которыхъ умѣю цѣнить. Наполеонъ или я, я или Наполеонъ, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ».

Если Кутузовъ, войско и народъ пожертвовали Москвой, то царь для спасенія Россіи готовился пожертвовать и собой, и своей двухвѣковой династіей, и престоломъ своихъ предковъ.

«Потеря Москвы, — писалъ государь наслѣдному шведскому принцу, — даетъ мнѣ случай представить Европѣ величайшее доказательство моей настойчивости продолжать войну противъ ея угнетателей. Послѣ этой раны всѣ прочія ничтожны. Нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, я и народъ, во главѣ котораго я имѣю честь находиться, рѣшились стоять твердо и скорѣе погребсти себя подъ развалинами имперіи, чѣмъ помириться съ Аттилой новѣйшихъ временъ».

Письмо Наполеона къ государю, въ которомъ онъ отклонялъ отъ себя отвѣтственность за сожженіе столицы, было оставлено безъ отвѣта...

Глубокій переворотъ произвело въ душѣ Александра взятіе Москвы: подъ вліяніемъ этого потрясшаго до послѣдней глубины его душу событія изъ раціоналистическаго деиста онъ обратился въ глубоко вѣрующаго христіанина. Сначала, какъ самъ говорилъ товарищу своей молодости, князю А. Н. Голицыну, онъ ни въ чемъ не находилъ утѣшенія, и ничто не могло разсѣять его мрачныхъ мыслей. Но тотъ, прежде проводившій разсѣянный



Французы въ Кремлѣ.

Съ современной парижской гравюры.

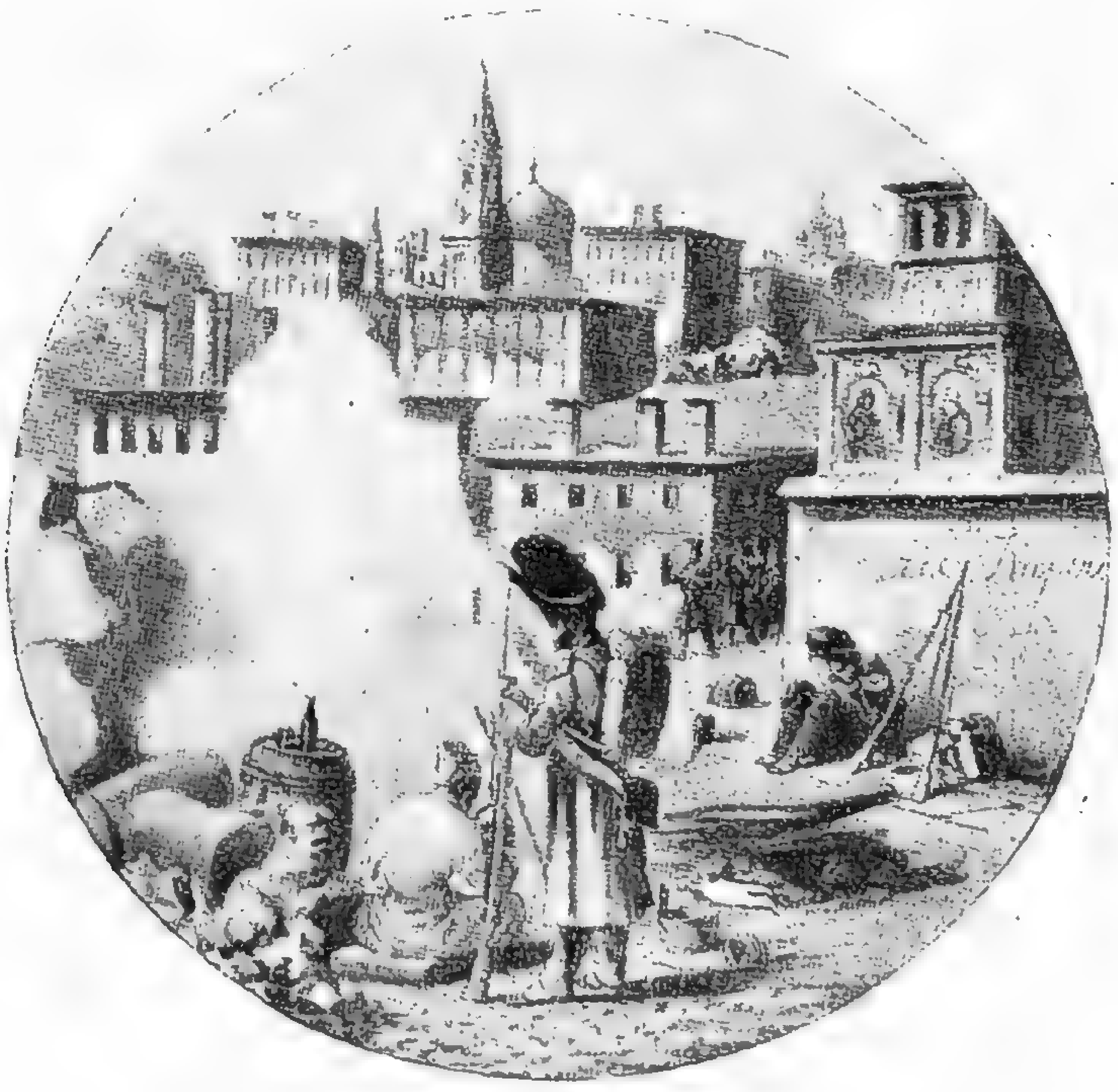
Пожаръ Москвы.
Съ французской гравюры.

Наполеонъ за Кремлевской стѣной.
Съ карт. *Верещагина.*

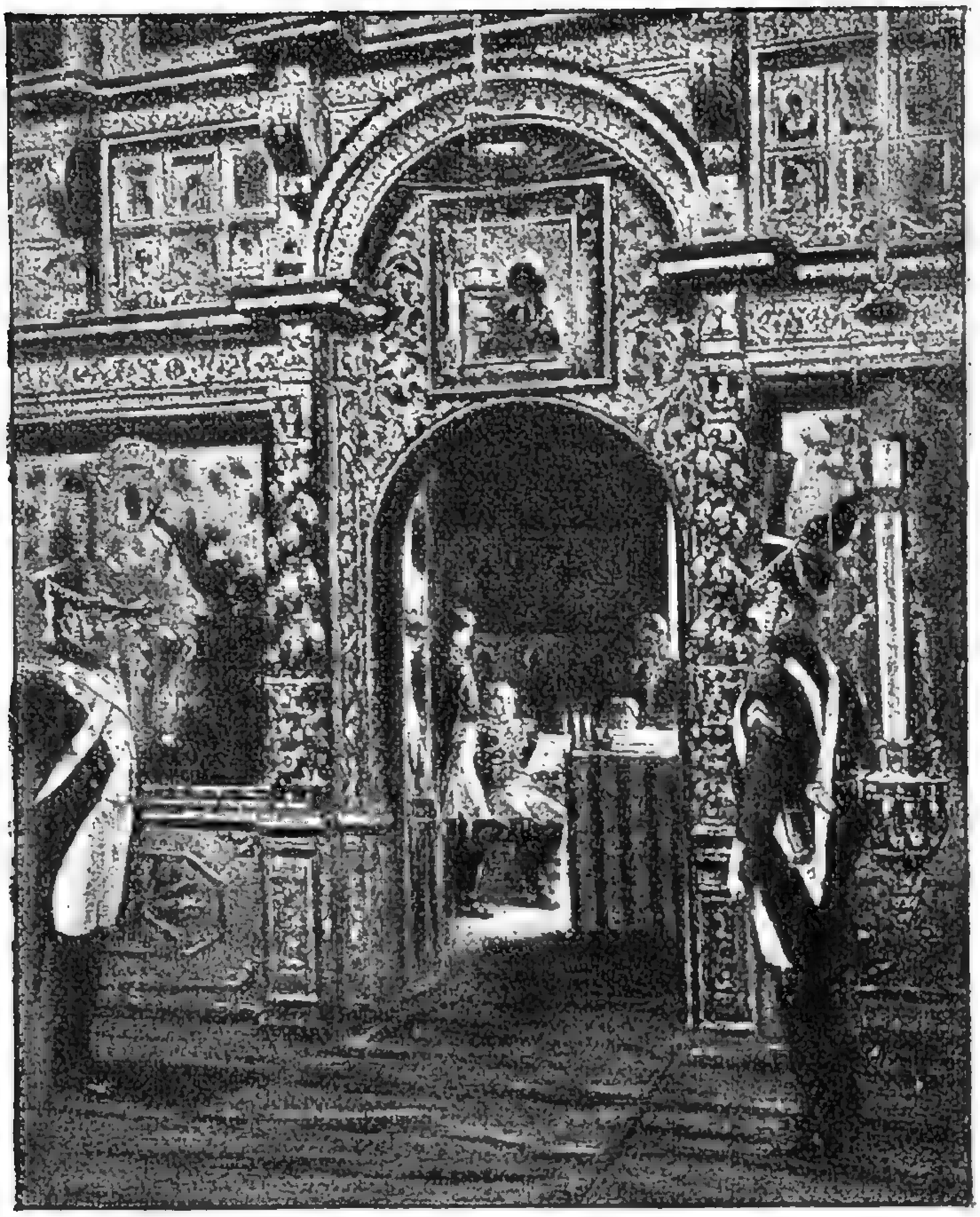
образъ жизни, въ ту пору искалъ утѣшенія въ религіи и ревностно читалъ Библію. Онъ робко предложилъ государю обратиться за утѣшеніемъ къ тому же источнику. Александръ сначала ничего на это не отвѣтилъ, но чрезъ нѣсколько времени, придя къ императрицѣ, спросилъ, не можетъ ли она дать ему почитать Библію. Императрица очень удивилась этой неожиданной просьбѣ и отдала ему свою Библію. Государь ушелъ къ себѣ, принялся читать ее и почувствовалъ себя перенесеннымъ въ совершенно новый міръ. Онъ сталъ подчеркивать карандашомъ всѣ тѣ мѣста, которыя могъ примѣнить къ своему собственному положенію и, когда вновь перечитывалъ ихъ, ему казалось, что какой-то дружескій голосъ придавалъ ему бодрости и разсѣивалъ его прежнія заблужденія. «Пожаръ Москвы,—говорилъ впослѣдствіи императоръ Александръ,—освѣтилъ мою душу

и наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я не ощущалъ до тѣхъ поръ. Тогда я познаталъ Бога. Теперь только я научился знать Бога, какъ открываетъ Его Св. Писаніе; теперь я понимаю Его волю и Его законъ; теперь созрѣло и утвердилось во мнѣ рѣшеніе посвятить себя и свое правленіе споспѣшествованію Его славы. Съ этого времени я сдѣлался другимъ»... Одна изъ современницъ, близко знавшая «о внезапной перемѣнѣ, происшедшей въ этой чистой и страстной душѣ», говорила, «что чудныя событія этой страшной войны окончательно убѣдили его, что для народовъ, какъ и для царей, спасеніе и слава только въ Богѣ»...

Глубокое впечатлѣніе занятіе Москвы Наполеономъ и ея пожаръ произвели и на войска и на народъ. Уходившія отъ столицы войска нѣсколько дней въ страшномъ волненіи оглядывались на зарево горѣвшей Первопрестольной. Вѣсти объ ея гибели быстро распространялись отъ очевидцевъ по всей Россіи въ народѣ, страшно вооружая на враговъ всѣхъ отъ стараго до малаго. Вотъ какъ отразились грозныя впечатлѣнія этого въ безыскусственной солдатской пѣснѣ:



Бивакъ французовъ въ Москвѣ.



Въ Чудовомъ монастырѣ. Канцелярія маршала Даву.
Съ карт. *Верещагина.*

Ночь темна была и немѣсячна,
Рать скучна была и нерадостна.
Всѣ солдатушки призадумались,
Призадумались, горько всплакнули.
Вѐлико чудо совершилося:
У солдатъ слезы градомъ сыпались;
Не люта змѣя кровожадная
Грудь сосала, ихъ грудь богатырскую,
То тоска грызла ретивы сердца,
Ретивы сердца, молодецкія.
Не отцовъ родныхъ оплакивали
И не женъ молодыхъ и не дѣтушекъ,
Какъ оплакивали мать родимую—
Мать родимую, мать-кормилицу—
Златоглавую Москву милую.

. . . .

Молодцы-братцы, удалы друзья,
Неизмѣнныя чада русскія!
Мы дадимъ, братцы, клятву кровную,
Клятву кровную, задушевную,
Чтобъ не взвидѣть намъ ни домовъ своихъ,
Ни отцовъ родныхъ, ни младыхъ намъ женъ,
Малыхъ дѣтушекъ, роду-племени,
Не отмстивъ врагу за родну Москву.
И мы примемся постаринному,
Постаринному, по-суворовски,
Закричимъ «ура» и пойдемъ впередъ,
На штыкахъ пройдемъ силы вражія,
Перебьемъ мы ихъ, переколемъ всѣхъ.

То, что охватывало войско и простой народъ, ощущали и стоявшіе надъ ними общественные слои. Одинъ изъ поэтовъ того времени, обращаясь къ Москвѣ, говорилъ:

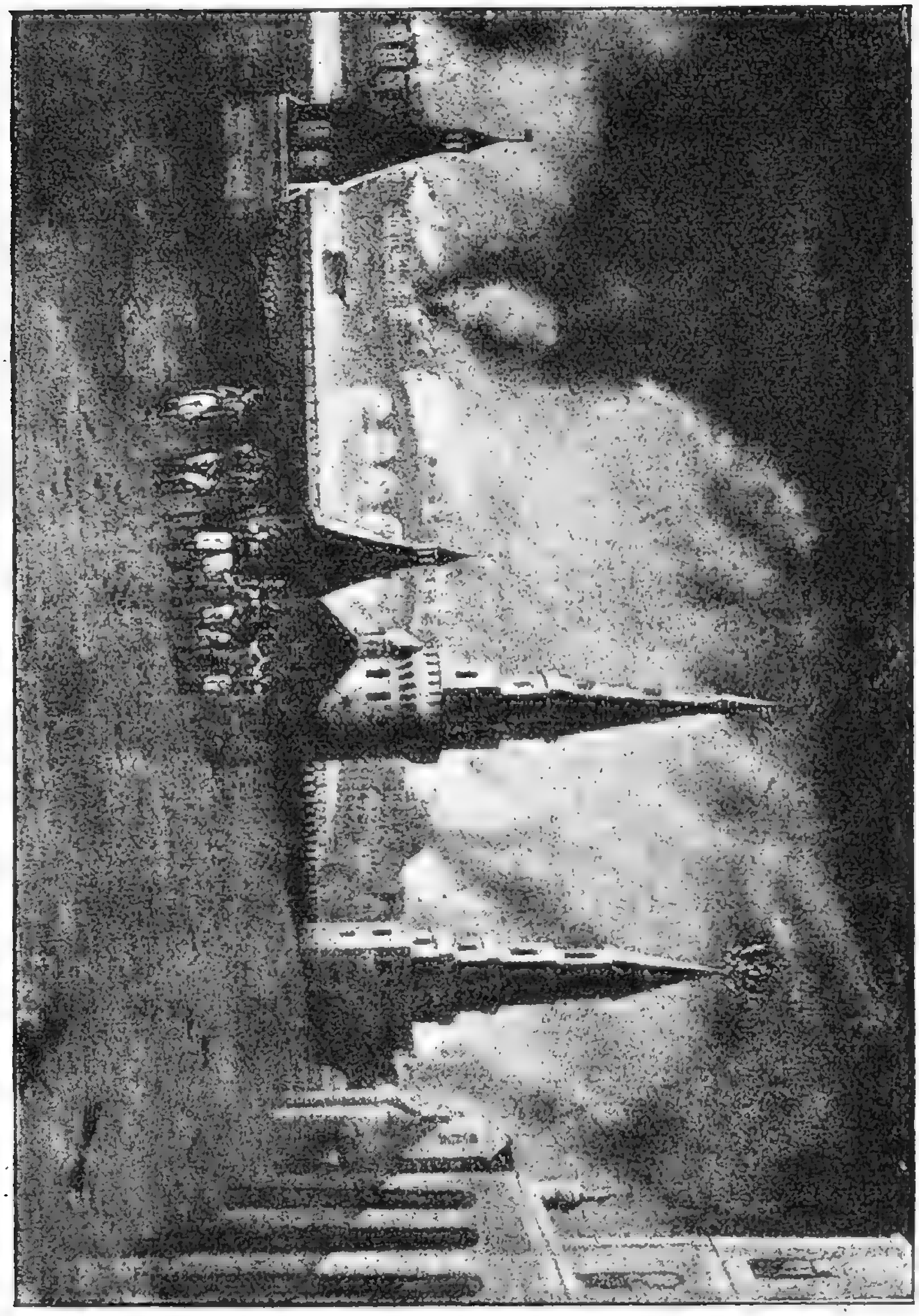
Гори, родная! Богъ съ тобою.
Я самъ, перекрестясь, съ мольбою,
Своею грѣшною рукою
Тебя зажегъ...
Враги въ Москвѣ, Москва въ неволѣ,
Пусть гибнетъ все. Своей рукою
Свой домъ зажегъ... Гори со мною...
Москва пылаетъ за отчизну,
Кровавую готовьте тризну.

Другой поэтъ, обращаясь къ погибшимъ защитникамъ отечества, писалъ:

У насъ не было вдоволь свѣчъ про васъ,
Вдоволь не было воску яраго;
Мы зажгли за васъ лишь одну свѣчу

На улицѣ московской въ 1812 году.

И поставили въ храмѣ Божіемъ,
Лишь одну свѣчу—Москву-матушку,
Вамъ, друзьямъ нашимъ, въ упокой души,
А врагамъ лихимъ къ посрамленію.



Пожаръ Москвы.

Теперь въ Россіи всѣ понимали, что наступила пора смертельной борьбы за національное существованіе ея и за свою народную честь, что идетъ дѣло не о нѣсколькихъ битвахъ, не о нѣсколькихъ областяхъ, не о перемѣнѣ системы союзовъ, а о *быть или не быть*...

«Съ крайнею и сокрушающею сердце каждаго сына отечества печалью,—гласилъ Высочайшій манифестъ, подписанный 8 сен-

тября,—симъ возвѣщается, что непріятель, сентября 3 числа, вступилъ въ Москву. Но да не унываетъ отъ сего великій народъ Россійскій! Напротивъ, да поклянется всякъ и каждый воскипѣтъ новымъ духомъ мужества, твердости и несомнѣнной надежды, что всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратятся напослѣдокъ на главу ихъ! Непріятель занялъ Москву не отъ того, чтобы преодолѣлъ силы наши или ослабилъ ихъ. Главнокомандующій, по совѣту съ присутствующими генералами, нашелъ за полезное и нужное уступить на время необходимости, дабы надежнѣйшими и лучшими потомъ способами превратить кратковременное торжество непріятеля въ неизбѣжную ему погибель. Сколь ни болѣзненно всякому русскому слышать, что первопрестольный градъ Москва вмѣщаетъ въ себѣ враговъ отечества своего, но она вмѣщаетъ ихъ въ себѣ пустая, обнаженная отъ всѣхъ сокровищъ и жителей. Гордый завоеватель надѣялся, вошедъ въ нее, сдѣлаться повелителемъ всего Россійскаго царства и предписать ему такой миръ, какой заблагоразсудитъ; но онъ обманется въ надеждѣ своей и не найдетъ въ столицѣ сей не только способовъ господствовать, ни же способовъ существовать. Собранныя и отъ часу больше скопляющіяся силы наши окрестъ Москвы не престанутъ преграждать ему всѣ пути и посылаемые отъ него для продовольствія отряды ежедневно истреблять, доколѣ не увидитъ онъ, что надежда его на пораженіе умовъ взятіемъ Москвы была тщетная, и что поневолѣ долженъ онъ будетъ отворять себѣ путь изъ ней силою оружія. Не въ ту страну зашелъ онъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ и преклоняетъ къ стопамъ его и войска и народъ! Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, вѣры, свободы, имущества. Она, съ послѣднею въ груди каплею крови, станетъ защищать ихъ. Всеобщее, повсюду видимое усердіе и ревность въ охотномъ и добровольномъ противъ врага ополченіи свидѣтельствуетъ ясно, сколь крѣпко и непоколебимо отечество наше, ограждаемое бодрымъ духомъ вѣрныхъ сыновъ его. Итакъ, да не унываетъ никто!..»

Самонадѣянный Наполеонъ еще не подозрѣвалъ сбирающейся страшной грозы и, несмотря на то, что въ Москвѣ пылали Гостиный дворъ и Китай-городъ, крѣпко проспалъ въ кремлевскомъ дворцѣ первую свою московскую ночь.

Проснувшись на слѣдующее утро, въ 7 часовъ, онъ, не вставая съ постели, спросилъ своего лейбъ-медика Метивье, что но

ваго, и на отвѣтъ его, что пожары разрастаются, замѣтилъ, что это простая неосторожность солдатъ, варящихъ себѣ пищу у деревянныхъ построекъ. Но вдругъ въ окнѣ увидалъ онъ страшное зарево, отвѣчавшее на его слова: онъ вскочилъ съ постели, толкнулъ мамелюка, надѣвавшаго ему сапоги, такъ, что тотъ упалъ навзничь, и впился глазами въ окно, предъ которымъ разливалось огненное море по Замоскворѣчью...

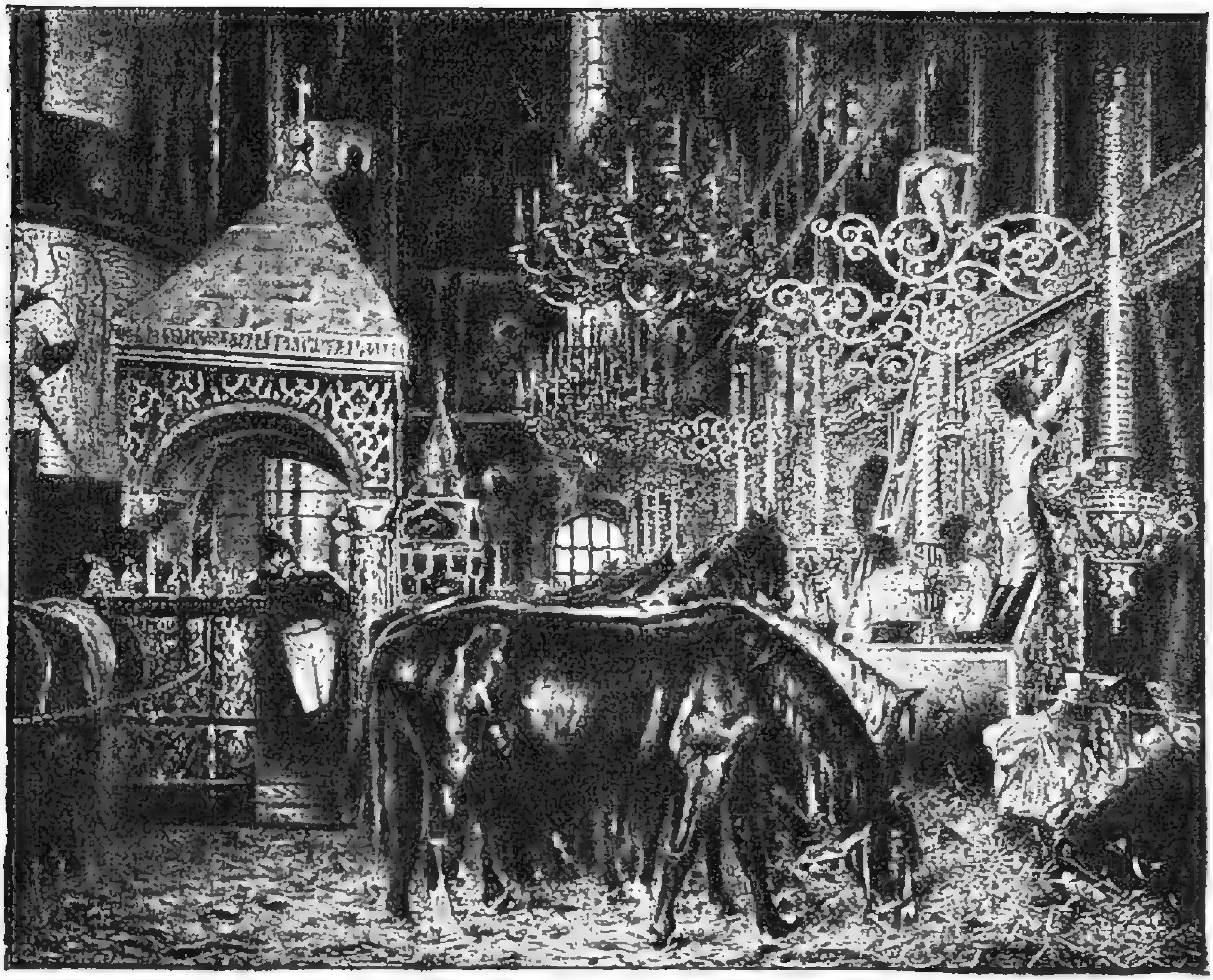
Трудно проницаема темная душа Наполеона, но воспоминанія очевидцевъ и самого Наполеона предъ смертью на островѣ св. Елены, гдѣ онъ трагично кончилъ свою жизнь, даютъ намъ возможность взглянуть и въ эту пропасть.

Но прежде прочтемъ, что пишетъ графъ Сегюръ, бывшій въ это время съ Наполеономъ въ Кремлѣ и послѣ писавшій его исторію:

«4 сентября Наполеонъ, котораго не хотѣли разбудить ночью, въ виду разрастающагося пожара въ Москвѣ, проснулся, однако, раньше отъ двойного свѣта — дня и пожара. Первымъ его движеніемъ былъ гнѣвъ: онъ хотѣлъ властвовать даже надъ стихіями. Но скоро онъ долженъ былъ преклониться предъ необходимостью. Удивленный тѣмъ, что, поразивъ въ сердце Русскую имперію, онъ встрѣтилъ не изъявленія покорности и страха, а совершенно иное, почувствовалъ онъ, что его побѣдили и превзошли въ рѣшимости. Это завоеваніе, для котораго онъ принесъ все въ жертву, исчезало въ его глазахъ въ облакахъ страшнаго дыма и моря пламени. Имъ овладѣло страшное безпокойство; казалось, его самого пожиралъ огонь, который окружалъ его въ Москвѣ. Ежеминутно онъ вставалъ, ходилъ порывисто по дворцу, принимался за работу и бросалъ ее, чтобы посмотрѣть въ окно на море огня. Изъ груди его вырывались короткія восклицанія: «Какое ужасное зрѣлище: это они сами поджигаютъ городъ; сколько прекрасныхъ зданій, какая необычайная рѣшимость! Что за люди! Это скиѳы»...

И на островѣ св. Елены, доживая свою бурную жизнь, Наполеонъ каждый разъ при словѣ «Москва» испытывалъ глубочайшее волненіе, вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ и однажды написалъ въ своихъ запискахъ:

«Никогда всѣ поэты, изображая сказочный пожаръ Трои, не могли въ своемъ изображеніи представить что-либо похожее на дѣйствительный пожаръ Москвы. Ужасающій вѣтеръ раздувался самымъ пожаромъ и производилъ огненные вихри. Предъ нами былъ буквально океанъ огня. Повсюду поднимались горы пла-



Въ Успенскомъ соборѣ.

мени, съ невѣроятной быстротой вздымались къ раскаленному небу и также быстро падали въ огненное море. Это величайшее и поразительнѣйшее и въ то же время ужаснѣйшее зрѣлище, какое мнѣ когда-либо приходилось видѣть»...

Такъ описываетъ онъ эту жертву всесожженія, которую русскій патріотизмъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, принесъ для спасенія своего отечества.

Отъ горѣвшаго Китай-города съ Никольской и Ильинкой и изъ громадныхъ товарныхъ складовъ, отъ горѣвшаго Замоскворѣчья, отъ пожара громадныхъ винныхъ казенныхъ складовъ, вслѣдствіе пожарныхъ вихрей, летѣли на Кремль не то, что искры, а цѣлыя головни, которыя едва успѣвали тушить солдаты расположенной въ Кремлѣ молодой гвардіи. Кремль былъ въ страшной опасности, потому что въ немъ было много пороховыхъ ящиковъ и взрывныхъ снарядовъ; онъ гудѣлъ отъ адской музыки, отъ свиста и рева огненныхъ смерчей, отъ грохота падавшихъ по всей Москвѣ стѣнъ, отъ жалобнаго стона

Битва подъ Малымъ Ярославцемъ.

разбивавшихся при паденіи колоколовъ. Но Наполеонъ, показывая наружное спокойствіе, не разставался съ дворцомъ.

Наконецъ раздались крики: «Горитъ Кремль!» Загорѣлась Троицкая башня и арсеналъ. Тогда только Наполеонъ вышелъ изъ дворца и самъ сталъ тушить пожаръ, но маршалы на колѣняхъ упросили его покинуть Кремль, изъ котораго онъ съ величайшимъ трудомъ выбрался въ Петровскій дворецъ; на пути онъ едва не погибъ въ огнѣ: его вывели изъ моря пламени повстрѣчавшіеся французскіе солдаты.

6 въ ночь начались дожди, да и Москва догорѣла, а 8 сентября онъ возвратился опять въ Кремль.

Проѣзжая по обгорѣлымъ улицамъ, Наполеонъ встрѣчалъ характерныя группы солдатъ, сидѣвшихъ у костровъ. Они подкладывали въ огонь расколотыя иконы, палисандровое дерево отъ дорогой мебели, золотыя рамы отъ картинъ. Кругомъ валялись сахаръ и сласти, награбленныя въ Москвѣ; но ни у кого не было ни хлѣба, ни мяса.

Фуражировка войска въ окрестныхъ селахъ Москвы была невозможна: кругомъ сгорѣвшей столицы уже зловѣще поднялся народъ; крестьяне или убивали небольшія отдѣльныя группы непріятельскихъ солдатъ, или уходили отъ большихъ отрядовъ въ лѣса. Застигнутые же врасплохъ не хотѣли ничего продавать непріятелямъ не только за фальшивыя наполеоновскія ассигнаціи, но и за чистую монету.

Упадокъ дисциплины, мародерство, побѣги, буйства и безчинства всякаго рода росли не по днямъ, а по часамъ, и совсѣмъ губили армію.

Много дней развѣдки, гдѣ находится Кутузовъ съ русской арміей, не давали результатовъ: казалось, русское войско пошло, словно ключъ, ко дну. Вѣстей изъ Петербурга не было ровно никакихъ. Наполеонъ написалъ императору Александру I письмо, но оно оставлено было, какъ сказано выше, безъ отвѣта. Онъ послалъ генерала Лористона къ найденному уже Кутузову съ предложеніемъ хоть о перемиріи, но тотъ сказалъ, что государь уполномочилъ его только на военныя дѣйствія и прямо запретилъ ему какіе бы то ни было мирные переговоры, что война только теперь и начинается.

Наполеонъ понималъ, что дѣло проиграно безповоротно, но, отводя глаза своимъ приближеннымъ, говорилъ, что онъ предприметъ походъ на Петербургъ или отойдетъ на зимнія квартиры въ Литву и Польшу.

Наполеонъ среди развалинъ Москвы.

Въ вынужденномъ бездѣйствіи онъ предавался несбыточнымъ мечтаніямъ: говорилъ, что по возстановленіи королевства польскаго со всею западною и южною Русью, восточную Русь слѣдуетъ подѣлить на прежнія удѣльныя княжества, а въ московскомъ княжествѣ посадить кого-либо изъ Долгоруковыхъ, которые приближались при Петрѣ II къ Русскому престолу, готовился обнародовать декретъ объ освобожденіи крестьянъ. Даже не стыдился говорить, что нужно поднять татаръ на русскихъ, отыскать новаго Пугачова, чтобы взбунтовать крестьянъ противъ помѣщиковъ, и т. д.

Найдя въ Москвѣ нѣсколько французскихъ актеровъ и актрисъ, Наполеонъ устроилъ театръ на Никитской, а въ Кремлѣ давались концерты, на которыхъ пѣлъ итальянецъ Тарквиніо и игралъ на клавесинахъ Мартини. Ѣздилъ по Москвѣ и посѣтилъ съ Мюратомъ раскольниковъ на Преображенскомъ кладбищѣ; его встрѣтили здѣсь съ хлѣбомъ-солью и присягнули ему на подданство.

Но начавшіяся лишенія въ пищѣ подняли болѣзни и смертность въ разложившейся арміи. Наполеонъ тайно, къ концу сентября, сталъ подготовлять уходъ изъ Москвы. Въ первыхъ числахъ октября послалъ съ отрядомъ войска Мюрата противъ рус-

ской арміи, фланговымъ движеніемъ перешедшей съ Рязанской дороги на Калужскую, для защиты всего нашего юга отъ полчищъ Наполеона. Но Мюратъ былъ разбитъ у Тарутина, о чемъ рѣчь впереди.

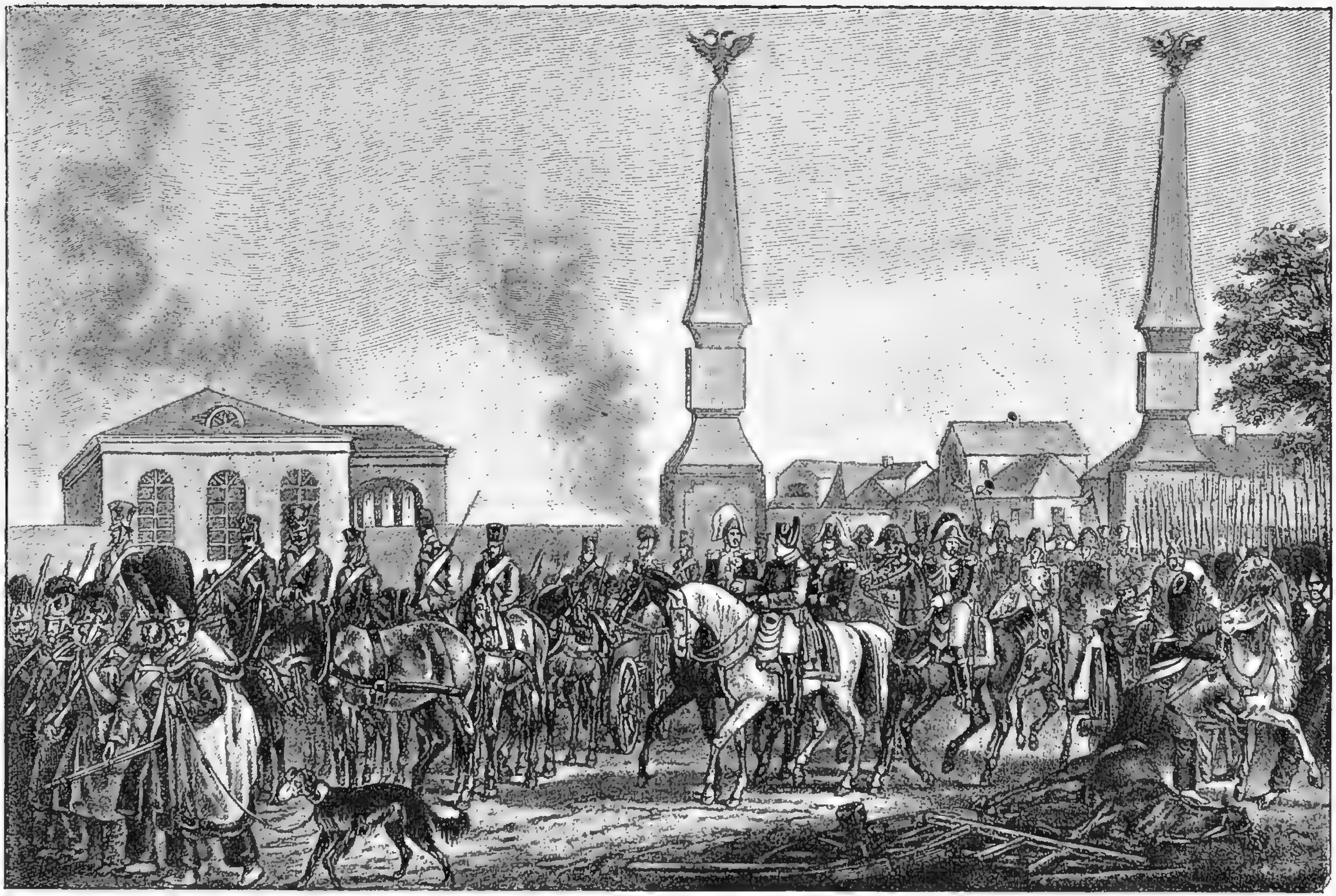
Злоба Наполеона теперь достигла своихъ предѣловъ: не довольствуясь тѣмъ, что сгорѣвшая Москва была разграблена, что святыни ея осквернены (его маршалы обѣдали на нашихъ святыхъ престолахъ, спали въ алтаряхъ нашихъ храмовъ, какъ, напримѣръ, Даву—въ алтарѣ у святителя Алексѣя въ Чудовомъ монастырѣ). Наполеонъ, уѣзжая изъ Москвы и выводя изъ нея свою жалкую армію, приказалъ начальнику своего арьергарда, маршалу Мортье, взорвать Кремль съ его соборами, дворцами, башнями и стѣнами. Послѣ онъ говорилъ, что *Москва утратила навсегда значеніе, сожжена и разорена на сто лѣтъ.*

Мортье подвелъ въ Кремлѣ пороховыя мины подъ стѣны и зданія и въ ночь на 11 октября съ своимъ послѣднимъ уже отрядомъ выступилъ изъ Москвы; отойдя отъ нея на нѣсколько верстъ, онъ выстрѣломъ изъ пушки подалъ роковой сигналъ: раздались семь, одинъ за другимъ, взрывовъ, взлетѣли на воздухъ нѣсколько кремлевскихъ башенъ, часть стѣны, арсеналъ и царскій дворецъ, но не были взорваны соборы; взлетѣла Филаретовская пристройка къ Ивану Великому, но самъ онъ, давъ трещину, устоялъ. На утро москвичи, прятавшіеся въ подвалахъ и погребахъ, услыхали колокольный звонъ въ нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ храмахъ и радостно пошли на молитву. Больше всего молящихся было въ Страстномъ монастырѣ.

На другой день отрядъ казаковъ, подъ командой Иловайскаго, вступилъ въ Москву, а начальникъ тверского ополченія занялъ Кремль. Тамъ догорали дворецъ и другія зданія. На колокольнѣ Ивана Великаго не было креста: его приказалъ снять и въ качествѣ трофея увезъ съ собою Наполеонъ [1]). Соборы были страшно разграблены и осквернены носителями западной культуры и свободы совѣсти... Вокругъ Успенскаго собора стояли горны, въ которыхъ непріятели плавили въ слитки содранное съ иконъ золото и серебро. На царскомъ мѣстѣ первопрестольнаго храма было написано мѣломъ: 325 пудовъ серебра и 18 пудовъ золота. Запись относилась къ захваченнымъ святынямъ и древностямъ Москвы...

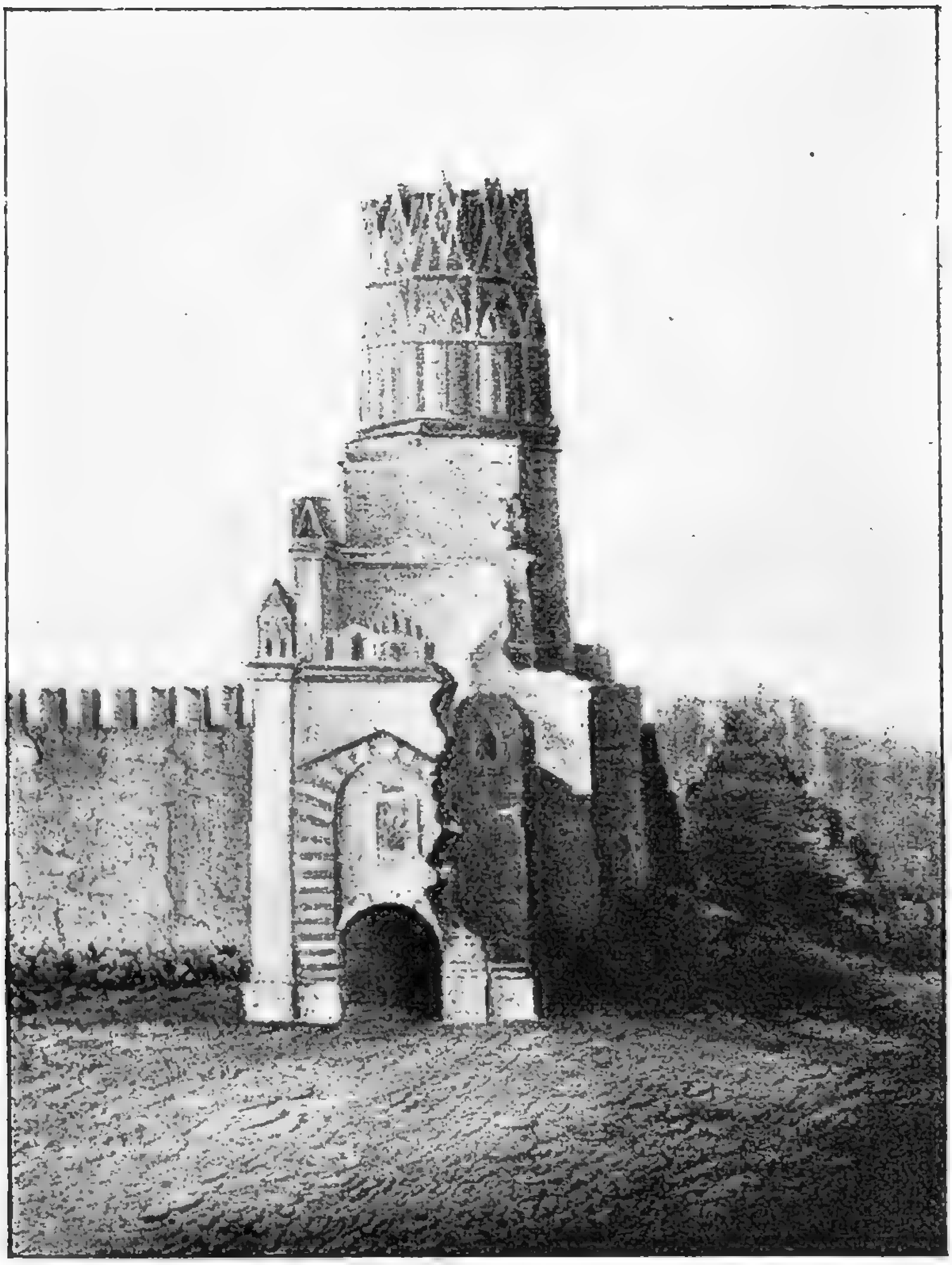
---

[1]) По словамъ одного француза, крестъ этотъ былъ брошенъ въ озеро за Смоленскомъ, а по другому сказанію гдѣ-то около Вильны. Значитъ, его слѣдуетъ искать въ предѣлахъ Россіи.



Выѣздъ Наполеона изъ Москвы.

Вступленіе Русскаго отряда въ Кремль.



Взорванная Никольская башня.

Когда князю Кутузову донесли, что враги оставили Москву, онъ заплакалъ и, перекрестившись на образъ Спасителя, сказалъ: «Боже, Создатель мой! Наконецъ Ты внялъ молитвѣ нашей. Съ этой минуты Россія свободна»...

Главнокомандующій нашъ, отдавая Москву врагамъ, двинулся, какъ мы знаемъ, со своими войсками по Рязанской дорогѣ лишь для того, чтобы показать Наполеону видъ, что они уходятъ на востокъ, но чрезъ два перехода отвелъ ихъ на Калужскую дорогу, чтобы отрѣзать Наполеону пути на Тулу, гдѣ находился оружейный заводъ, и въ хлѣбородныя южныя губерніи, которыя могли доставить продовольствіе для его арміи.

Атаманъ Донскихъ казаковъ Платовъ.

Остановившись 20 сентября лагеремъ у села Тарутина, на рѣкѣ Нарѣ, въ 80 верстахъ отъ Москвы, Кутузовъ сказалъ: «Теперь ни шагу назадъ». Но, желая, какъ можно, долѣе задержать Наполеона въ Москвѣ тщетнымъ ожиданіемъ мира, главнокомандующій распускалъ слухи, будто Русское войско разстроено до крайности, чего на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не было; напротивъ того, къ нему отовсюду подходили подкрѣпленія: съ Дона, ополчившагося поголовно, пришли 26 казачьихъ полковъ; прибывали отовсюду новобранцы, быстро обучавшіеся и комплектовавшіе убыль въ полкахъ. Съ разныхъ сторонъ подходили обозы съ продовольствіемъ, отъ чего войска наши не чувствовали ни въ чемъ ни малѣйшей нужды.

Въ дни отдыха можно было дать изъ этого лагеря нѣкоторую организацію еще ранѣе начавшейся, партизанской народной войнѣ, которая своими летучими и неожиданными нападеніями

не мало наносила непріятелямъ вреда, отбивая у нихъ ихъ провіантскіе обозы между Москвою и Смоленскомъ и въ другихъ мѣстахъ и истребляя непріятеля по частямъ. Предводители партизанскихъ отрядовъ входили въ сношенія съ Кутузовымъ и получали отъ него небольшія подкрѣпленія изъ арміи. Изъ нихъ особенно выдавались Фигнеръ, Давыдовъ, Сеславинъ, Кудашевъ и крестьянинъ Куринъ.

Отважный молодой дворянинъ Фигнеръ, спрятавъ гдѣ-нибудь въ лѣсу своихъ удальцовъ, переодѣтый во французскій мундиръ, являлся то въ Москвѣ, то въ другихъ мѣстахъ въ самыхъ стоянкахъ непріятелей. Въ одномъ мѣстѣ онъ дѣлалъ на чисто французскомъ языкѣ выговоръ непріятельскимъ разъѣздамъ за оплошность, говоря, что поблизости показался отрядъ казаковъ; въ другомъ мѣстѣ говорилъ, что такую-то деревню занимаютъ русскіе и что за провіантомъ нужно итти совсѣмъ въ другую сторону; а, вызнавъ слабую сторону непріятелей, внезапно нападалъ на нихъ и истреблялъ ихъ; отнималъ у нихъ оружіе и даже пушки и уводилъ не мало плѣнныхъ. Французы назначали большую цѣну за его отважную голову. Подобнымъ образомъ дѣйствовалъ и Денисъ Давыдовъ, храбрый гусарскій офицеръ и даровитый поэтъ. Достопамятенъ и героизмъ Энгельгардта, смоленскаго помѣщика, полковника въ отставкѣ. Онъ со своими крестьянами не мало истреблялъ непріятелей. Вѣсти объ этомъ дошли до французовъ, занимавшихъ въ то время Смоленскъ; они схватили его и присудили къ разстрѣлянію, но предъ исполненіемъ приговора стали уговаривать его поступить на французскую службу. Съ негодованіемъ отвергъ измѣну отечеству доблестный Энгельгардтъ и, сорвавъ съ глазъ своихъ повязку, закричалъ солдатамъ: «Стрѣляйте!» Когда же они, думая поколебать его мужество, сперва ранили его въ ногу и возобновили свои уговоры, онъ оставался непреклоннымъ и смѣло отвѣчалъ новымъ отказомъ. Сдѣланъ былъ залпъ, но упавшій мученикъ еще дышалъ, и одинъ солдатъ, снова заря-

Партизанъ Сеславинъ.

Смерть партизана Энгельгардта.

дивъ ружье, добилъ его выстрѣломъ въ голову. Въ честь этого героя поставленъ памятникъ близъ крѣпостныхъ воротъ Смоленска, гдѣ онъ легъ костьми своими. То же чрезъ нѣкоторое время повторилось и съ партизаномъ Шубинымъ.

Не отставали отъ помѣщиковъ и крестьяне. Тѣ и другіе не оправдали упомянутыхъ выше надеждъ Наполеона на ихъ измѣну. Во многихъ селахъ они возставали противъ враговъ поголовно. Спрятавъ свои семейства и пожитки въ лѣсахъ, они составляли дружины, выбирая для нихъ предводителей изъ отставныхъ солдатъ. Въ селеніяхъ у околицъ ставили караулы, а на колокольняхъ— дозорныхъ, которые при появленіи непріятелей били въ набатъ. Крестьяне сбѣгались изъ сосѣднихъ деревень, вооруженные топорами и косами, и истребляли вражескій отрядъ, а если онъ былъ очень силенъ, уходили отъ него. Въ дѣлахъ партизановъ принимали участіе крестьянскія женщины и даже дѣвушки.

Крестьянинъ Московской губерніи, Вохнинской волости, Герасимъ Куринъ, предводительствовалъ партизанскимъ отрядомъ своей округи въ нѣсколько тысячъ крестьянъ, которые истребили много непріятелей, а порой давали имъ своего рода битвы. Нерѣдко, впрочемъ, они устраивали имъ западни и засады. Такъ однажды французы послали въ село Павлово значительный торядъ для сбора провіанта. Часть его подъ начальствомъ фран-

цузскаго полковника вступила въ село и потребовала съѣстныхъ припасовъ. Куринъ заманилъ ихъ въ одинъ дворъ, завалилъ ворота и, окруживъ со всѣхъ сторонъ, истребилъ всѣхъ до одного; а другой отрядъ, остановившійся недалеко отъ села, сдѣлался жертвою другихъ партизановъ Курина.

Такъ полчища Наполеона должны были сражаться не только съ нашими войсками, но и съ народомъ. Если партизанская война въ Испаніи надѣлала много бѣдъ Наполеону, то она у насъ сдѣлалась для него еще бѣдственнѣе.

Россія отличалась отъ Испаніи, какъ замѣтилъ и самъ Наполеонъ, тѣмъ, что она была безъ границъ, безъ городовъ, безъ средствъ... Но къ этому нужно добавить еще и то, что нашъ народъ былъ одушевленъ гораздо болѣе глубокою преданностью престолу и отечеству.

Столкновеніе же арміи Наполеона съ регулярными русскими войсками произошло, какъ уже было упомянуто, ранѣе его отъѣзда изъ Москвы, именно 6 октября. Прежде другихъ выступили отсюда отряды маршала Мюрата и расположились на югъ отъ столицы на рѣкѣ Чернишнѣ на сѣверъ отъ Тарутина. Наши войска, подъ начальствомъ Бенигсена, атаковали здѣсь и разбили 20-тысячный корпусъ французовъ. Это первое пораженіе убѣдило окончательно Наполеона, что больше сидѣть въ Москвѣ нечего. Его планъ заключался въ томъ, чтобы, двинувшись на югъ, напасть на Кутузова, принудить его отойти подальше, а самому по Смоленской дорогѣ спокойно отступить на западъ. Но такого рода отступленіе уже было невозможнымъ. Самъ императоръ Александръ составилъ планъ окончательнаго уничтоженія непріятельской арміи. Онъ далъ приказаніе Кутузову дѣйствовать на тылъ ея, а адмиралу Чичагову, находившемуся на Волыни съ воротившимися изъ турецкаго похода войсками, двинуться черезъ Минскъ на рѣку Березину и, помѣшавъ переправѣ чрезъ нее, преградить непріятелю дальнѣйшее отступленіе; съ Чичаговымъ долженъ былъ соединиться Витгенштейнъ, дѣйствовавшій противъ французовъ на среднемъ теченіи Западной Двины.

Къ 11 октября передовыя войска Наполеона по Калужской дорогѣ дошли до Малоярославца и, занявъ этотъ городъ, готовились къ дальнѣйшему наступленію на югъ. Но такое движеніе не могло уже осуществиться. На слѣдующій день, рано утромъ, сюда подошли передовыя колонны Кутузова подъ начальствомъ Дохтурова, за которыми невдалекѣ слѣдовалъ самъ главно-

командующій съ главными силами. Дохтуровъ немедленно атаковалъ городъ и выбилъ изъ него непріятеля. Получивъ подкрѣпленія, французы снова заняли Ярославецъ. Но тутъ завязался ожесточеннѣйшій бой, продолжавшійся весь день. Русскіе и французы бились въ рукопашную въ тѣсныхъ улицахъ горѣвшаго города, который восемь разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Къ вечеру городъ остался у непріятеля, но потери обѣихъ сторонъ были одинаково весьма значительны. Къ концу боя всѣ войска Кутузова подошли сюда и преградили Наполеону дальнѣйшее наступленіе на югъ. Нужно было или дать большую битву въ родѣ Бородинской или отступать на западъ по опустошенной Смоленской дорогѣ. Наполеонъ предпочелъ послѣднее и двинулъ войска чрезъ Можайскъ и памятное Бородино къ Смоленску. Мрачно прошли «непріятели» и ихъ предводитель чрезъ это роковое поле, гдѣ виднѣлось множество труповъ, гдѣ царилъ могильный ужасъ. Поспѣшно проѣхалъ чрезъ него Наполеонъ, не оглядываясь по сторонамъ...

«Великой арміи» уже не было, а то, что осталось отъ нея, подлежало неизбѣжной гибели. Главныя силы Кутузова двигались параллельно пути отступленія непріятеля, дѣйствуя противъ него съ фланга; казаки атамана Платова преслѣдовали непріятеля по пятамъ съ тыла; отряды партизановъ и вооруженныхъ жителей окружали отступающую армію со всѣхъ сторонъ. Къ этому присоединились голодъ и холодъ и утомленіе отъ быстрыхъ переходовъ среди постоянныхъ тревогъ и нападеній.

Солдаты толпами оставляли знамена и, бросивъ оружіе, бродили по деревнямъ, напрасно ища спасенія отъ голодной смерти. Дисциплина страшно расшаталась, и рядовые не слушали своихъ офицеровъ. Но это все было еще только началомъ бѣдствій.

22 октября (это была двухсотая годовщина сдачи Кремля поляками въ 1612 году) авангардъ Милорадовича и казаки Платова съ партизанами настигли у Вязьмы корпуса вице-короля итальянскаго и поляковъ Понятовскаго и дали бой, продолжавшійся съ разсвѣта до 6 часовъ вечера. Враги, потерявъ 4 тысячи убитыми и 3 тысячи плѣнными, принуждены были поспѣшно отступить дальше на западъ.

Надежда отдохнуть въ Смоленскѣ не осуществилась, потому что сюда подошли русскія войска, а Наполеонъ вынужденъ былъ продолжать безнадежное отступленіе.

Памятникъ на Бородинскомъ полѣ.

Вскорѣ по оставленіи Смоленска армія его подверглась цѣлому ряду тяжкихъ ударовъ со стороны преслѣдующихъ его русскихъ. Въ теченіе четырехъ дней, съ 3 по 6 ноября включительно, отдѣльнымъ корпусамъ Наполеоновской арміи пришлось выдерживать упорныя столкновенія у города Краснаго, при чемъ они потеряли 20.000 плѣнныхъ, 6.000 убитыхъ и раненыхъ и 116 орудій, а мы потеряли всего 2.000 человѣкъ. Между тѣмъ морозы все крѣпчали и начали оказывать губительное вліяніе на

отступающихъ, начался, наконецъ, какъ говорилъ императоръ Александръ I, и «судъ Божій на ледяныхъ поляхъ Россіи».

Въ страшномъ разстройствѣ достигли они 10 ноября до села Толочина, въ четырехъ переходахъ до рѣки Березины. Здѣсь Наполеонъ узналъ, что войска Чичагова заняли предмостное укрѣпленіе у города Борисова и готовятся преградить ему переправу. Въ его распоряженіи оставалось всего 36.000, не потерявшихъ еще военной организаціи; все же остальное представляло безпорядочную толпу, еле тащившуюся въ хвостѣ арміи.

Между тѣмъ у Чичагова было 32.000, у Витгенштейна 30.000 и у Кутузова 50.000 человѣкъ.

Однако и въ столь тяжеломъ положеніи Наполеонъ не растерялся и напрягъ всю свою энергію, чтобы спасти себя и остатки своихъ войскъ отъ гибели.

Маршалъ Удино отвлекъ искусными демонстраціями Чичагова на цѣлый переходъ на югъ отъ города Борисова и далъ возможность Наполеону начать переправу черезъ Березину по наведеннымъ понтоннымъ мостамъ у Студянки, въ 18 верстахъ сѣвернѣе Борисова, гдѣ на правомъ берегу стоялъ нашъ слабый отрядъ подъ начальствомъ Корнилова. Онъ выстрѣлами изъ 12 орудій пытался было помѣшать наведенію мостовъ, но огонь 40 орудій заставилъ его отказаться отъ своей попытки, и непріятели 14 и 15 ноября безпрепятственно переправлялись черезъ рѣку. Только 16 числа подошедшіе къ переправѣ Чичаговъ и Витгенштейнъ атаковали непріятелей на обоихъ берегахъ рѣки.

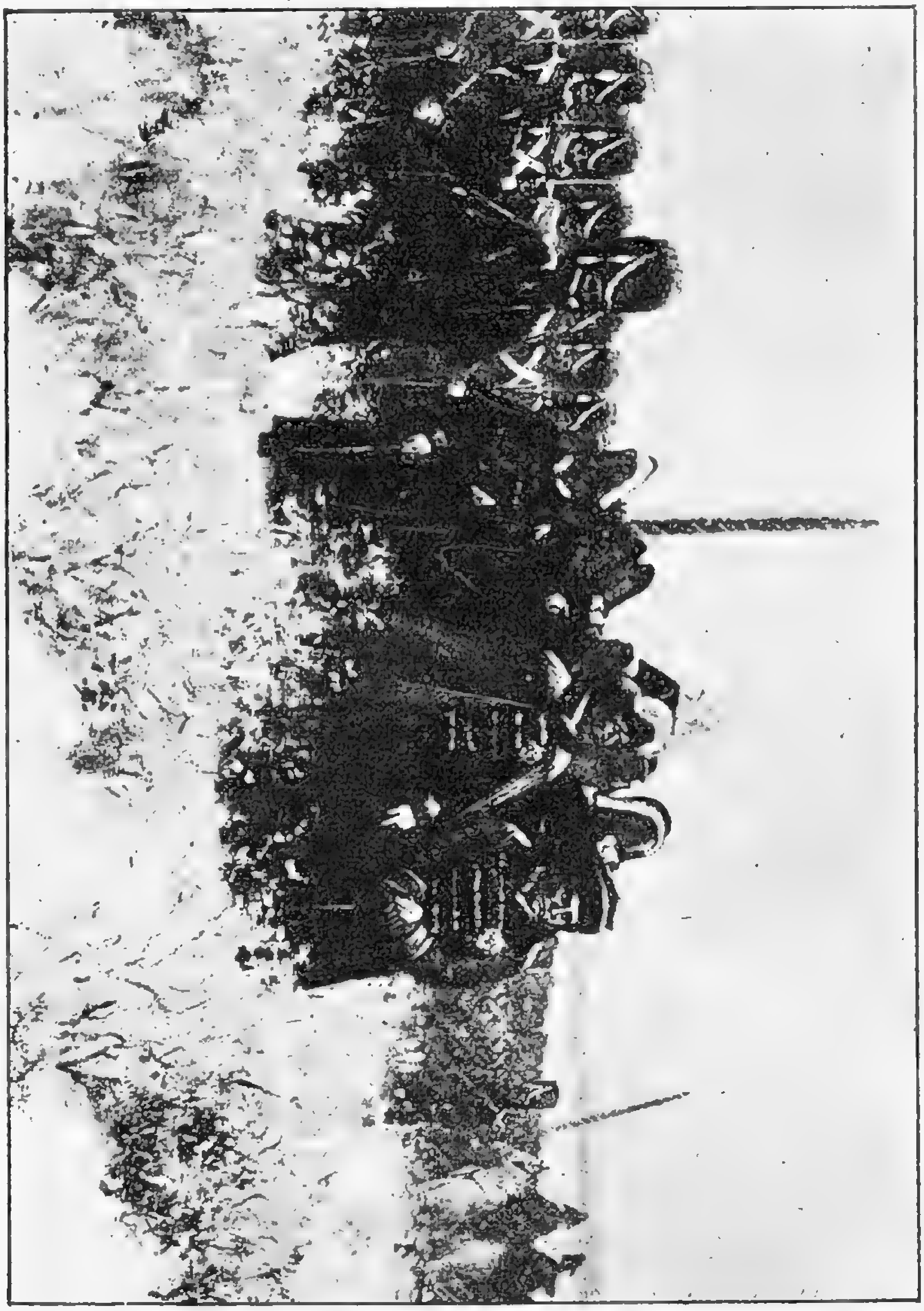
Закипѣлъ страшный бой, продолжавшійся съ утра до наступленія полной темноты. Непріятельскія войска дрались съ отчаяннымъ ожесточеніемъ. Уронъ ихъ былъ громаденъ. Особенно пострадали войска, оставшіяся на лѣвомъ берегу рѣки: имъ пришлось совершать переправу подъ натискомъ русскихъ. Огонь нашей артиллеріи заставилъ ихъ кинуться къ мостамъ. Обозъ, артиллерія, конница, пѣхота,—все смѣшалось въ безпорядочную толпу, въ которой каждый помышлялъ лишь о личномъ спасеніи. Множество солдатъ падало съ мостовъ въ воду, стараясь спастись вплавь между несущимися льдинами, и гибло въ холодныхъ волнахъ Березины.

Только 9.000 осталось изъ всѣхъ сражавшихся у Студянки, и они, сопровождаемые безоружными толпами, въ ночь на 17 ноября потянулись по направленію къ Вильнѣ. Морозы свыше 20° быстро сокращали число уходившихъ. Вся дорога до самой

У Студянки.

Переправа черезъ Березину.

Вильны была усѣяна замерзшими, трупами лошадей, брошенными орудіями, повозками, наполненными награбленнымъ въ Россіи добромъ. По сторонамъ дороги бродили, какъ тѣни, толпы голодныхъ людей, тщетно кутавшихся отъ жестокой стужи въ женскія одежды, даже въ священническія облаченія. За право



Наполеонъ у Березины.
Съ картины *Верещагина.*

погрѣться у рѣдкихъ костровъ происходили смертельныя схватки. Одинъ крикъ «казаки» заставлялъ цѣлые отряды бросать свои печальные привалы и кидаться въ бѣгство.

Наполеонъ, увидавъ, что все пропало, сказалъ своимъ маршаламъ: «Отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ». Одѣтый

по-польски, онъ счелъ конченной свою «вторую польскую войну», сѣлъ въ карету и поскакалъ во Францію, бросивъ остатки своей арміи на произволъ судьбы. Тысячи проклятій сыпались вослѣдъ жестокому завоевателю. «Онъ бѣжитъ,—съ злобой говорили солдаты,—какъ бѣжалъ изъ Египта; онъ покидаетъ насъ, онъ предаетъ насъ гибели»... Во время своей короткой остановки въ столицѣ герцогства Варшавскаго, Наполеонъ, говоря съ графомъ Потоцкимъ о своемъ несчастномъ походѣ въ Россію, сказалъ: «Меня обманули, увѣряя, что русскіе бояре примутъ мою сторону и что крестьяне прибѣгнутъ ко мнѣ, чтобы освободиться отъ рабства. Все это ложь. Поселяне вѣрны своему государю, дворяне преисполнены усердія къ нему».

28 ноября наши войска заняли Вильну, наполненную тысячами раненыхъ и больныхъ непріятелей. Скоро сюда прибылъ государь и свидѣлся здѣсь съ Кутузовымъ, которому былъ пожалованъ орденъ Георгія 1-й степени.

Въ декабрѣ послѣдніе остатки «великой арміи» въ числѣ 1.000 вооруженныхъ и нѣсколькихъ тысячъ безоружныхъ (всего 9 тысячъ) вышли изъ предѣловъ Россіи.

Такъ кончилось одно изъ самыхъ страшныхъ завоевательныхъ предпріятій, какія только знаетъ всемірная исторія. Оно разбилось о несокрушимый, безграничный патріотизмъ Русскаго самодержавнаго царя и доблестнаго нашего народа, глубоко охваченныхъ русскою исторической идеей.

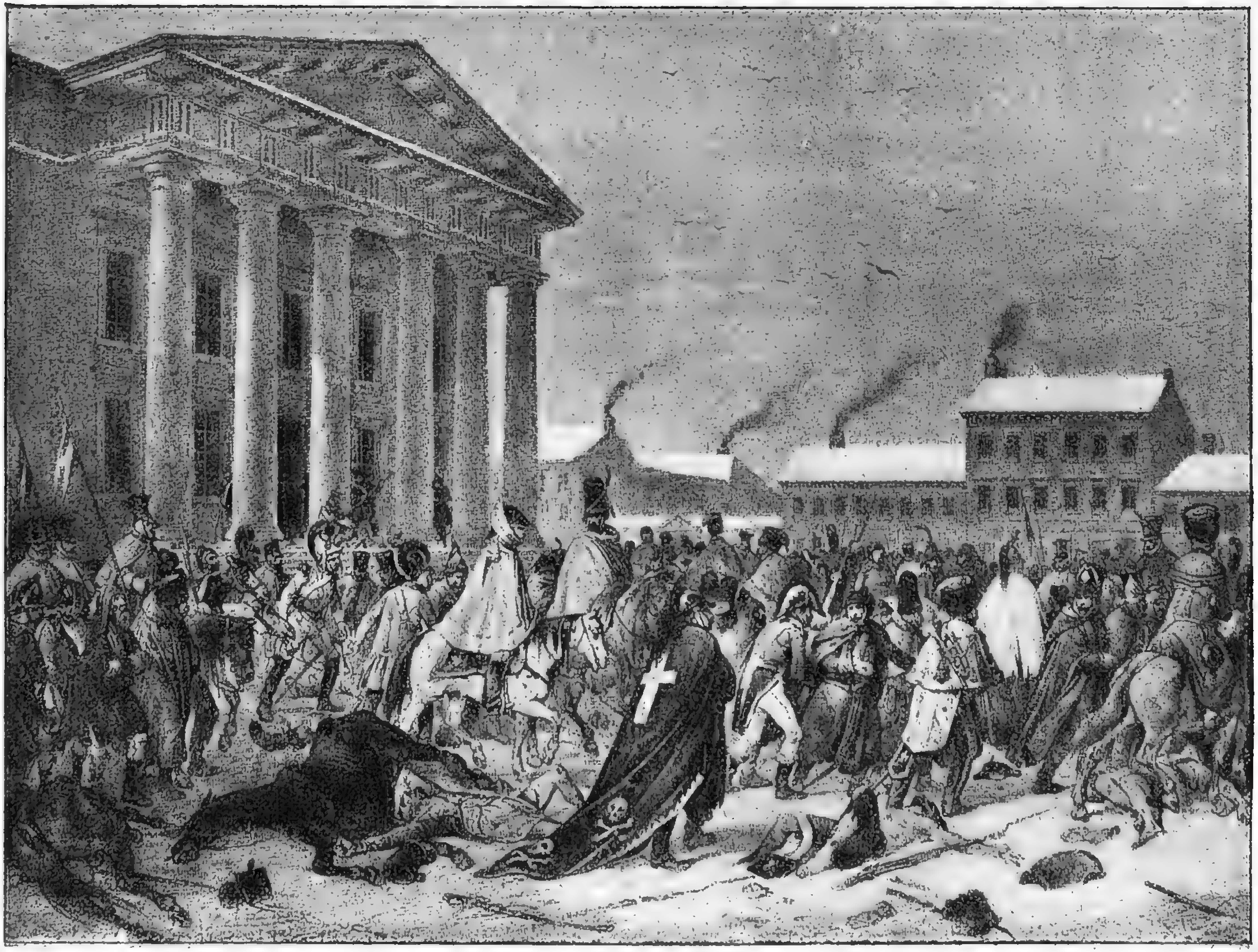
25 декабря вся Россія благодарила Бога за свое спасеніе отъ нашествія полчищъ двадесяти народовъ Запада.

Чрезвычайно любопытно познакомиться, какъ смотрѣлъ на войну 1812 года императоръ Александръ I.

Въ манифестѣ своемъ, подписанномъ въ 1812 году, въ день Рождества Христова, онъ говорилъ:

«Богъ и весь свѣтъ тому свидѣтели, съ какими желаніями и силами непріятель вступилъ въ отечество наше. Ничто не могло отвратить злыхъ и упорныхъ его намѣреній. Твердо надѣющійся на свои собственныя и собранныя имъ противъ насъ, почти со всѣхъ европейскихъ державъ, силы страшныя и подвигаемый алчностью завоеваній и жаждою крови, спѣшилъ онъ ворваться въ самую грудь имперіи нашей, дабы излить на нее всѣ ужасы и бѣдствія, не случайно порожденной, но издавна уготованной имъ, опустошительной войны. Предузнавая приготовленную намъ отъ него горькую чашу золъ и видя его съ неукротимою яростью вступающаго въ предѣлы наши, принуждены мы были съ бо-

лѣзненнымъ и сокрушеннымъ сердцемъ, призвавъ на помощь Бога, обнажить мечъ нашъ и обѣщать царству нашему, что мы не опустимъ оный въ ножны, доколѣ хоть одинъ изъ вооруженныхъ непріятелей оставаться будетъ въ землѣ нашей. Мы положили твердо сіе обѣщаніе въ сердцѣ своемъ, надѣясь на крѣпкую доблесть Богомъ ввѣреннаго намъ народа, въ чемъ и не обманулись. Какой примѣръ храбрости, мужества, благочестія, терпѣнія и твердости показала Россія! Вломившись въ глубь ея, врагъ всѣми неслыханными средствами лютости и неистовства не могъ достигнуть того, чтобы она хотя единожды о нанесенныхъ ей отъ него глубокихъ ранъ вздохнула. Казалось, съ пролитіемъ крови ея въ ней умножался духъ мужества; съ пожарами городовъ ея воспламенялась любовь къ отечеству, съ разрушеніемъ и поруганіемъ святынь и храмовъ Божіихъ утверждалась въ ней вѣра, и возникало непримиримое мщеніе. Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народъ, — словомъ, всѣ государственныя сословія, не щадя ни имуществъ своихъ, ни жизни, слились въ единую душу, — душу вмѣстѣ мужественную и благочестивую, пылающую любовью къ отечеству и любовью къ Богу. Отъ сего всеобщаго единодушія проистекли слѣдствія, едва ли имовѣрныя, едва ли когда слыханныя. Представимъ себѣ собранныя изъ 20 царствъ и народовъ, подъ одно знамя соединенныя ужасныя силы, съ какими властолюбивый, надменный побѣдами непріятель вошелъ въ землю нашу. Полмилліона пѣшихъ и конныхъ воиновъ и около полуторы тысячи пушекъ слѣдовали за нимъ. Съ симъ огромнымъ ополченіемъ проникаетъ онъ въ самую середину Россіи и начинаетъ разливать огонь и опустошеніе. Но едва проходитъ 6 мѣсяцевъ отъ вступленія его въ предѣлы наши, и гдѣ онъ?.. Гдѣ войска его, подобныя тучѣ нагнанныхъ вѣтрами облаковъ? Разсыпались, какъ дождь. Великая часть ихъ, напоивъ кровью землю, лежитъ, покрывая пространство московскихъ, калужскихъ, смоленскихъ, бѣлорусскихъ и литовскихъ полей. Другая великая часть, въ разныхъ и частыхъ битвахъ, взята со многими военачальниками въ плѣнъ, послѣ многократныхъ и сильныхъ пораженій; напослѣдокъ цѣлые полки ихъ, прибѣгая къ великодушію побѣдителей, оружіе передъ ними слагали. Остальная же столь же великая часть, въ стремительномъ бѣгствѣ своемъ, гонимая побѣдоносными нашими войсками и встрѣчаемая морозами и голодомъ, устлала путь отъ самой Москвы до предѣловъ Россіи трупами, пушками, обозами, снарядами, такъ что оставшаяся

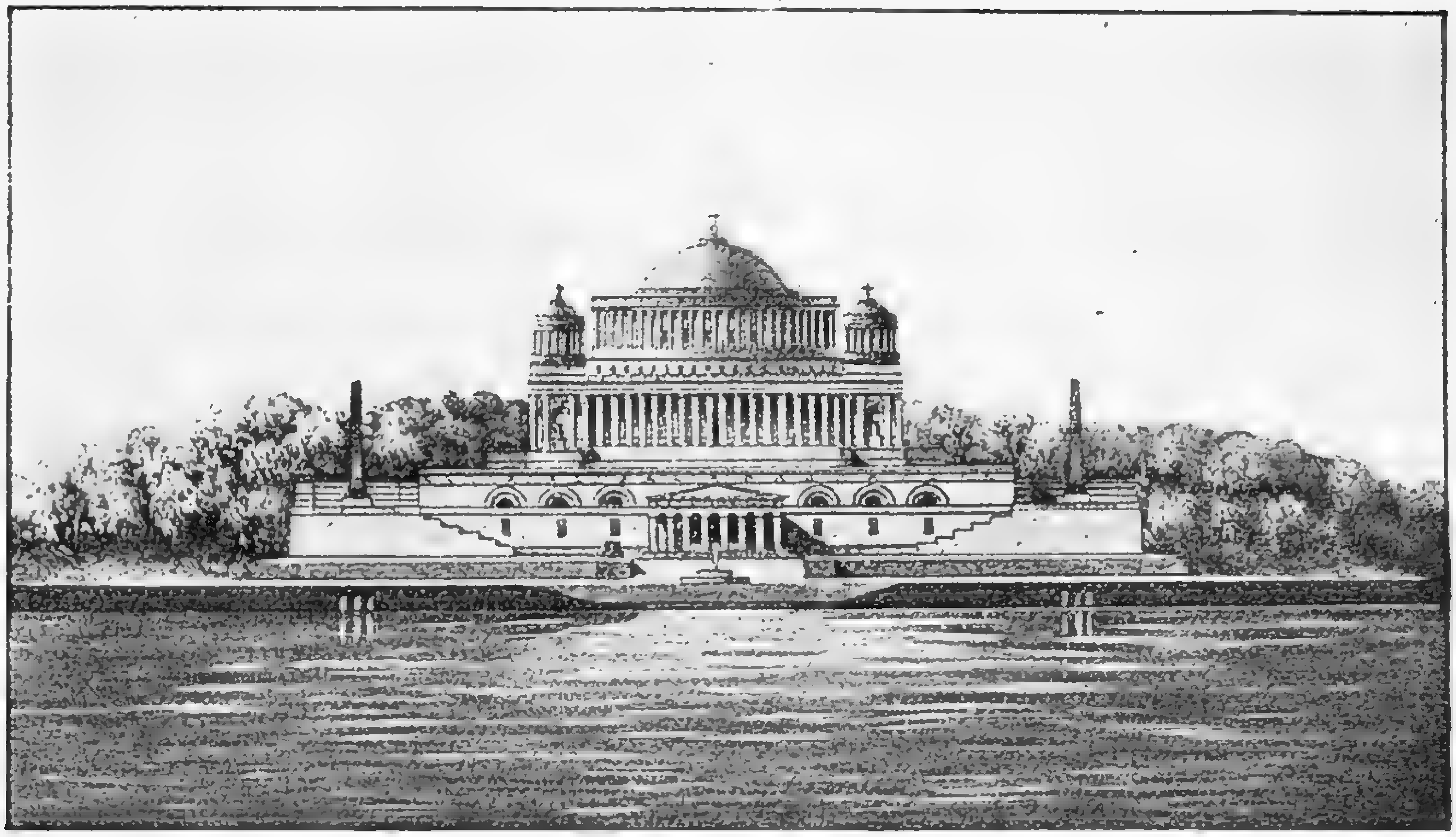


Великая армія въ Вильнѣ.

ото всей ихъ многочисленной силы ничтожная часть изнуренныхъ и безоружныхъ воиновъ, едва можетъ прійти въ страну свою, дабы, къ ужасу и трепету единоземцевъ своихъ, возвѣстить имъ, сколь страшная казнь постигаетъ дерзающихъ съ бранными намѣреніями вступить въ нѣдра могущественной Россіи. Нынѣ, съ сердечною радостью и горячею къ Богу благодарностью, объявляемъ мы нашимъ вѣрноподданнымъ, что событіе превзошло даже самую надежду нашу, и что объявленное нами, при началѣ войны, свыше мѣры исполнилось: уже нѣтъ ни единаго врага на лицѣ земли нашей, или, лучше сказать, всѣ они здѣсь остались, но какъ? — мертвые, раненые и плѣнные. Самъ гордый повелитель и предводитель ихъ едва съ главнѣйшими изъ своихъ приближенныхъ отселѣ ускакать могъ, растерявъ все свое воинство и всѣ привезенныя съ собою пушки, которыхъ болѣе тысячи, не считая зарытыхъ и потопленныхъ имъ, отбиты у него и находятся въ рукахъ нашихъ. Зрѣлище погибели войскъ его невѣроятно! Едва можно собственнымъ глазамъ своимъ повѣрить. Кто могъ сіе сдѣлать?!. Не отнимая достойной славы ни у главнокомандующаго надъ войсками нашими, знаменитаго полководца, ни у другихъ искусныхъ и мужественныхъ вождей и военачальниковъ, ознаменовавшихъ себя рвеніемъ и усердіемъ, ни вообще у всего храбраго воинства нашего, можемъ сказать, что содѣянное ими есть превыше силъ человѣческихъ. Итакъ, да познаемъ въ великомъ дѣлѣ семъ Промыслъ Божій! Повергнемся предъ святымъ Его престоломъ и, видя ясно руку Его, поразившую гордость и злочестіе, вмѣсто тщеславія и киченія о побѣдахъ нашихъ, научимся изъ сего великаго и страшнаго примѣра быть кроткими и смиренными законовъ и воли Его исполнителями, не похожими на сихъ отпадшихъ отъ вѣры осквернителей храмовъ Божіихъ, враговъ нашихъ, которыхъ тѣла въ несмѣтномъ количествѣ валяются пищею псамъ и вранамъ! Великъ Господь нашъ Богъ въ милостяхъ и во гнѣвѣ Своемъ!»

Заключенное въ государственный документъ смиренное признаніе Русскаго царя, что все величіе достигнутыхъ въ войнѣ результатовъ есть дѣло Божіе, составляетъ безпримѣрный, единственный актъ во всемірной исторіи.

Въ другомъ манифестѣ своемъ, подписанномъ въ Вильнѣ 25 декабря 1812 года, государь говорилъ: «Въ сохраненіе вѣчной памяти того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ



Храмъ Христа Спасителя по проекту Витберга.

Россійскій и въ ознаменованіе благодарности нашей къ Промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились мы въ первопрестольномъ городѣ нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа».

Тѣ же чувства глубоко проникали душу царя, когда онъ, послѣ взятія Парижа и низложенія Наполеона, прибылъ 13 іюля 1814 года въ Петербургъ. Народъ, давно уже не видавшій царя, былъ охваченъ чрезвычайнымъ энтузіазмомъ, а высшія государственныя учрежденія постановили поднести государю титулъ «Благословеннаго» и воздвигнуть ему памятникъ при жизни. Отвѣтъ Александра I былъ проникнутъ также глубочайшимъ смиреніемъ и гласилъ: «Да соорудится мнѣ памятникъ въ сердцахъ вашихъ, да благословляетъ меня народъ мой, да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надъ нею и надо мною благословеніе Божіе»...

Но возвратимся назадъ.

Въ приказѣ государя по арміи 25 декабря 1812 года говорилось:

«Воины! Храбрость и терпѣніе ваши вознаграждены славою, которая не умретъ въ потомствѣ. Имена и дѣла ваши будутъ переходить изъ устъ въ уста, отъ сыновъ ко внукамъ и правнукамъ вашимъ до самыхъ позднихъ родовъ. Хвала Всевышнему! Рука Господня съ нами и не оставитъ насъ. Уже нѣтъ ни одного

непріятеля на лицѣ земли нашей. Вы по трупамъ и костямъ ихъ пришли къ предѣламъ имперіи».

Въ манифестѣ, изъявлявшемъ Россійскому народу благодарность за спасеніе отечества въ 1812 году, государь съ глубокимъ уваженіемъ къ русскому патріотизму говорилъ: «Всеобщимъ рвеніемъ, усердіемъ (нашихъ вѣрноподданныхъ, какъ истинныхъ сыновъ отечества) доведены непріятельскія силы до крайняго истощенія и или истреблены, или въ полонъ взяты. Всѣ единодушно въ томъ содѣйствовали, храбрыя войска наши всегда поражали и низлагали врага. Доблестное дворянство не пощадило ничего къ умноженію государственныхъ силъ. Почтенное купечество ознаменовало себя всякаго рода пожертвованіями. Вѣрный народъ, мѣщанство и крестьяне показали такіе опыты вѣрности и любви къ отечеству, какіе одному только Русскому народу свойственны. Они, вступая охотно и добровольно въ ополченія, въ самомъ скоромъ времени собранныя, явили въ себѣ мужество и крѣпость пріученныхъ къ бранямъ воиновъ. Твердая грудь и смѣлая рука съ такою же неустрашимостью расторгала полки непріятелей, съ какою за нѣсколько предъ тѣмъ недѣль раздирала плугомъ поля... Во многихъ губерніяхъ поселяне сами собою ополчались, избирали изъ себя предводителей и не только никакими прельщеніями враговъ не были уловлены, но съ мученическою твердостью претерпѣвали всѣ наносимые имъ удары... Многія селенія скрывали въ лѣсахъ семейства свои и малолѣтнихъ дѣтей, а сами, вооружась и поклявшись предъ святымъ Евангеліемъ не выдавать другъ друга, съ невѣроятнымъ мужествомъ оборонялись и нападали на непріятеля, такъ что многія тысячи истреблены и взяты въ плѣнъ крестьянами и даже руками женщинъ, будучи жизнью своею обязаны человѣколюбію тѣхъ, которыхъ они приходили жечь и грабить. Столь великій духъ и непоколебимая твердость всего народа приносятъ незабвенную славу, достойную сохраниться въ памяти потомства... Почитаемъ за долгъ и обязанность симъ нашимъ всенароднымъ объявленіемъ изъявить предъ цѣлымъ свѣтомъ благодарность нашу и отдать должную справедливость храброму, вѣрному и благочестивому народу Россійскому».

Историческія послѣдствія Отечественной войны 1812 года необъятно велики: они сказались: а) освобожденіемъ Западной Европы отъ владычества Наполеона; б) глубокой перемѣной во внутренней политикѣ императора Александра I и в) значительнымъ переворотомъ среди образованныхъ и правящихъ классовъ

Россіи, что выразилось подъемомъ въ нихъ нашихъ русскихъ національныхъ началъ, едва дававшихъ себя знать въ этой средѣ до этой великой народной войны.

Разсмотримъ главнѣйшія послѣдствія достопамятнѣйшихъ событій этой великой эпохи.

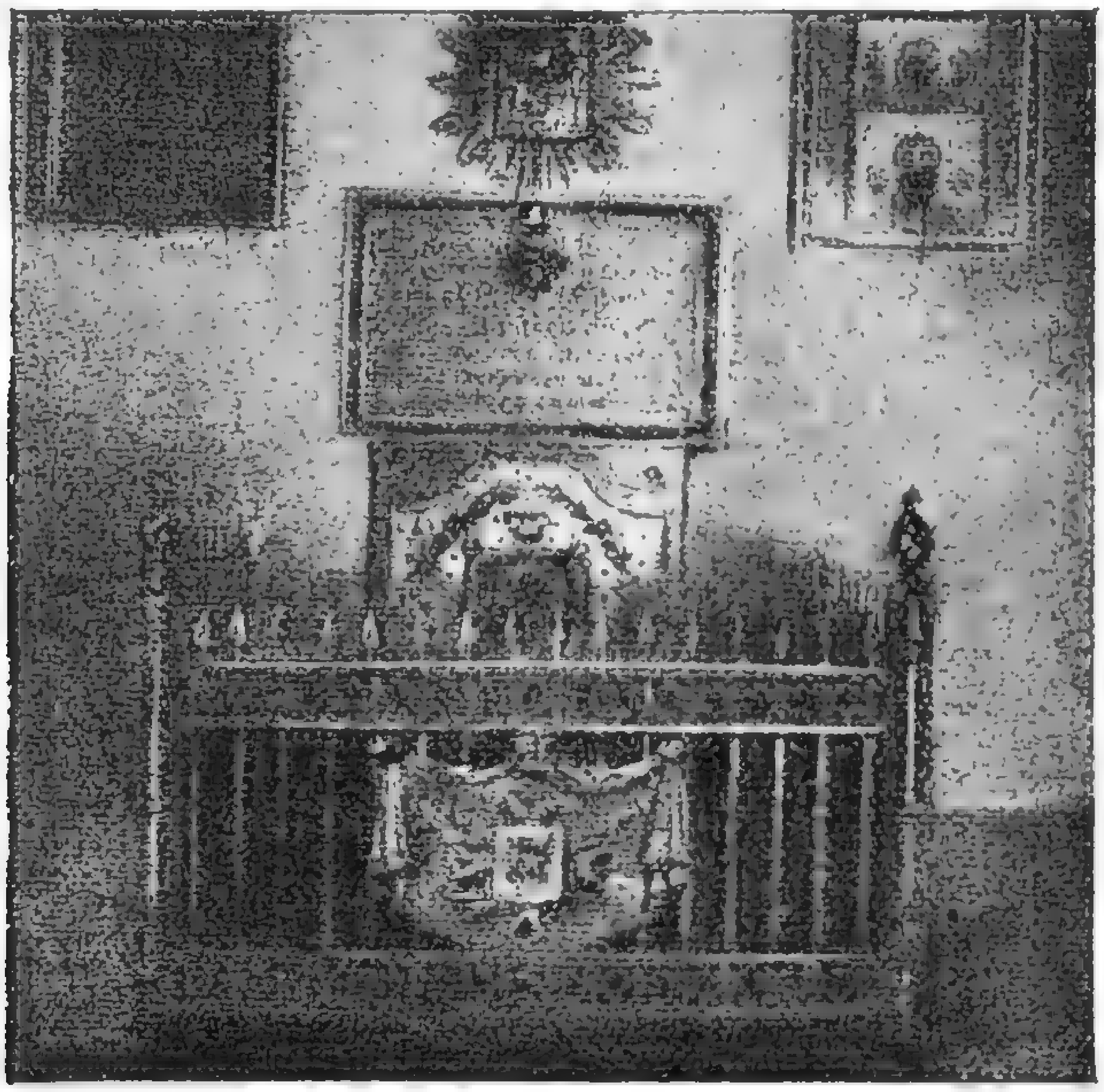
Императору Александру въ концѣ 12-го года предлежалъ вопросъ: удовольствоваться ли изгнаніемъ непріятеля изъ Россіи, или же преслѣдовать его за нашими границами и освободить отъ Наполеона Европу? Князь Кутузовъ и многіе другіе были того мнѣнія, что Наполеонъ болѣе не опасенъ для Россіи, и даже полезенъ, чтобы держать въ страхѣ Англію и другихъ завистниковъ Россіи, а европейскія державы пусть сами заботятся о своей свободѣ. Но государь не былъ съ этимъ согласенъ, говоря: «Наполеонъ или я, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ»; онъ думалъ, что стоитъ только оправиться ненасытному завоевателю, и онъ не оставитъ въ покоѣ не только Западную Европу, но и Россію. Вотъ почему по высочайшему приказу 1 января 1813 года наши войска перешли Русскую границу. По этому случаю въ приказѣ по арміи государь говорилъ: «Пора положить конецъ нестерпимому киченію, которое, несмотря на собственную свою и другихъ земель пагубу, хочетъ рѣками крови и грудами костей человѣческихъ утвердить господство надъ всѣми державами... Мы стоимъ за вѣру противъ безвѣрія, за свободу противъ властолюбія, за человѣчество противъ звѣрства. Богъ видитъ нашу правду. Онъ покоритъ подъ ноги наши гордаго врага и посрамитъ ползающихъ къ стыду человѣчества предъ нимъ рабовъ».

Но наши расчеты, что Пруссія и Австрія, столь обездоленныя и опозоренныя Наполеономъ, скоро присоединятся къ намъ, оказались ошибочными. Прусскій король все еще трепеталъ Наполеона, и когда его генералъ Іоркъ, по собственной волѣ, отложился отъ французовъ и заключилъ соглашеніе съ Русскими, прусское правительство предало было его суду. И нужно было энергическое воздѣйствіе Русскаго царя на прусскаго короля, чтобы спасти Іорка и чтобы король заключилъ съ нами союзъ противъ Наполеона. Но народъ и войско прусскіе, горѣвшіе желаніемъ отомстить за униженіе своего отечества, привѣтствовали Русскихъ съ восторгомъ: Кутузова они называли «добрымъ дѣдушкой своимъ», Александра—своимъ спасителемъ. Австрія же еще долго и упорно держалась союза съ Франціей.

Исполнивъ то, что считалъ своимъ назначеніемъ, Кутузовъ скончался въ Пруссіи. Такъ окончилъ свою доблестную жизнь

Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ;
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Государь трогательно писалъ овдовѣвшей княгинѣ фельдмаршала, имя котораго «блещетъ средь народа священной памятью двѣнадцатаго года»: «Въ честь покойнаго воздвигнется памятникъ, которымъ каждый русскій, смотря на изваянный образъ



Гробница Кутузова въ Казанскомъ соборѣ.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшей головой.
Пушкинъ.

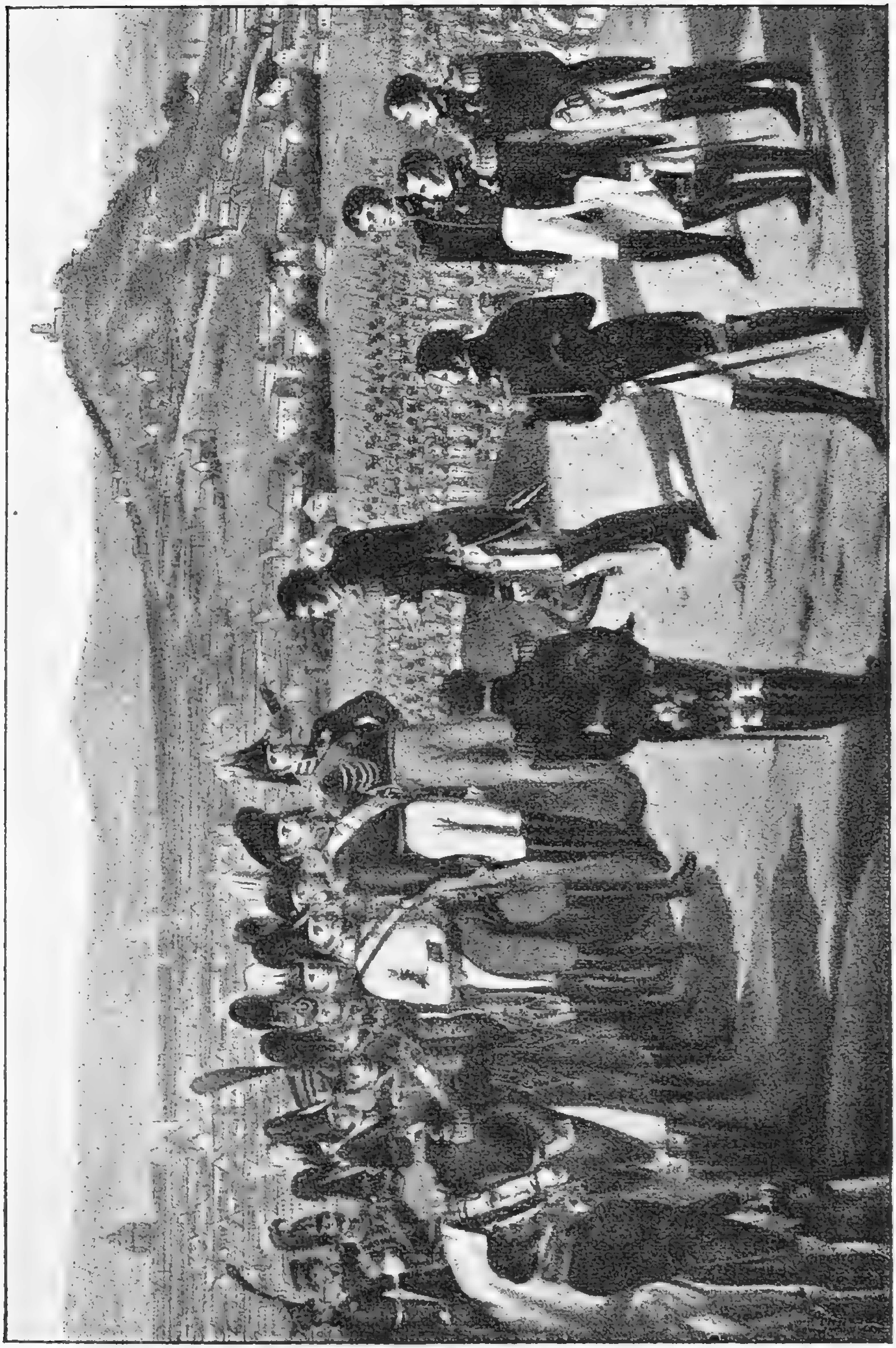
его, будетъ гордиться, а чужестранецъ—уважать землю, рождающую столь великихъ людей. Не вы однѣ проливаете о немъ слезы, съ вами плачу я, и плачетъ вся Россія». Кутузова сначала смѣнилъ Витгенштейнъ, а потомъ Барклай-де-Толли. Между тѣмъ Наполеонъ, собравъ войска, двинулся противъ союзниковъ и нанесъ имъ два пораженія (при Люценѣ и Бауценѣ), и тѣ поспѣшили заключить съ нимъ кратковременное, впрочемъ, перемиріе. Однако въ это время императору Александру уда-

лось-таки привлечь къ союзу и императора австрійскаго и короля шведскаго и возобновить войну. Этимъ затишьемъ воспользовались обѣ воюющія стороны для новыхъ огромныхъ приготовленій. Наполеонъ опять явился въ Германію и одержалъ побѣду надъ союзниками при Дрезденѣ, но и тѣ одержали нѣсколько побѣдъ надъ его маршалами. Самъ императоръ Александръ, начальствуя своими гвардейцами, разбилъ въ Богеміи при Кульмѣ корпусъ Вандама и взялъ въ плѣнъ этого маршала. Наполеонъ же отошелъ къ Лейпцигу, и сюда съ трехъ сторонъ подошли три союзныхъ арміи. Здѣсь 4, 5 и 6 октября произошла трехдневная битва, названная битвой народовъ. У Наполеона было болѣе 200 тысячъ войска, у союзниковъ—300 тысячъ. Несмотря на все свое искусство, Наполеонъ былъ разбитъ и поспѣшно отступилъ во Францію. Союзники императора Александра въ ту пору склонялись къ заключенію мира. Но Русскій царь энергически настоялъ двинуться во Францію, куда съ неохотою вступили союзныя войска. Онъ говорилъ союзникамъ: «Если желаете мира надежнаго, то его надо подписать въ Парижѣ». Наполеонъ не безъ успѣха нѣсколько разъ задерживалъ ихъ движенія во Францію, но, потерпѣвъ неудачу при Арси, не пошелъ въ Парижъ, куда, подъ давленіемъ Александра, двинулись союзники. Нашъ государь въ это время руководилъ всѣми военными ихъ дѣйствіями. Маршалы Мармонъ и Мортье дали имъ сраженіе на высотахъ у самаго Парижа, но были разбиты и должны были сдать столицу Франціи на капитуляцію. Великодушный Александръ позволилъ наполеоновскимъ войскамъ выйти изъ Парижа. Русскіе же солдаты, вступая въ знаменитый городъ, говорили: *Пришлось батюшкѣ - Парижу расплатиться за матушку-Москву*. Вступая въ столицу, Александръ представилъ, однако, совершенный контрастъ съ Наполеономъ въ моментъ его вступленія въ нашу Москву. Не думалъ государь нашъ мстить Парижу за разрушенную столицу Россіи. Онъ велѣлъ объявить парижанамъ, что ручается за безопасность ихъ, что ведетъ войну не противъ Франціи и французовъ, а противъ Наполеона. Одинъ изъ современниковъ, называя такое отношеніе Александра I къ Парижу «неслыханнымъ въ исторіи великодушіемъ», говоритъ: «Покореніе Парижа явилось необходимымъ дополненіемъ нашихъ лѣтописей: Русскіе не могли бы безъ стыда раскрыть славной книги своей исторіи, если бы за страницей, на которой Наполеонъ изображенъ стоящимъ среди пылающей Москвы, не слѣдовала страница, гдѣ Александръ является среди покореннаго

Парижа». Но нашего государя озаряли въ покоренной столицѣ Франціи не пожары и разрушеніе, а его великодушіе и энтузіазмъ населенія. Восторженнымъ оваціямъ въ честь благороднѣйшаго изъ побѣдителей не было конца. Французы говорили ему: «Царствуйте надъ нами, или дайте намъ государя».

Мы уже говорили о томъ глубокомъ вліяніи на душу императора Александра I, которое произвели на него вторженіе въ Россію Наполеона и особенно пожаръ Москвы (см. стр. 156—159). Послѣ же своего торжества надъ грознымъ завоевателемъ, онъ, прежній космополитъ и западникъ, совсѣмъ иначе сталъ относиться къ русскимъ началамъ исторической жизни. То сочувствіе, которое онъ прежде проявлялъ къ національнымъ воззрѣніямъ Н. М. Карамзина, какъ выразились они въ его «Запискѣ о Древней и Новой Россіи» и въ начальныхъ томахъ его «Исторіи Государства Россійскаго», значительно окрѣпли въ государѣ. При разныхъ случаяхъ онъ выражалъ свое уваженіе къ Россіи и ея народу и ихъ историческимъ особенностямъ. Такъ, въ 1816 году, при посѣщеніи Москвы, государь, принимая московское дворянство, сказалъ ему знаменательныя, звучавшія русскимъ національнымъ чувствомъ, слова, которыя, разумѣется, не могли быть сказаны въ пору его увлеченія западничествомъ: «Конечно, мы прославились предъ всѣми народами. Съ Россіей вмѣстѣ мы спасли и Европу. Впрочемъ, мы не должны это присваивать себѣ. Одинъ Богъ силенъ былъ сдѣлать, что мы превзошли всѣхъ славой. Нашему примѣру послѣдовала Европа, но *не могла сравняться съ тѣмъ духомъ и съ тою твердостью, которые я видѣлъ въ васъ*... Однакожъ... мы не можемъ утверждаться на семъ возвышеніи безъ исполненія закона Божія... Я много обозрѣлъ государствъ—и самъ очевидный вамъ свидѣтель, что такое народъ, исполненный вѣры, и каковъ тотъ, который безъ закона Божественнаго. Вы знаете, какія тамъ отъ того слѣдствія произошли»...

Находясь и за границей, государь въ бесѣдѣ своей съ однимъ иностранцемъ рѣшительно утверждалъ, что несправедливо Россію считаютъ страною варварскою, и говорилъ: «Высшія сословія весьма образованы и утонченнѣе, чѣмъ нужно. Среднее сословіе живетъ въ довольствѣ, народъ хорошъ, проникнутъ здравымъ духомъ, добродушенъ, счастливъ въ своемъ патріархальномъ образѣ жизни. Старинные обычаи можно сравнить съ древними сосудами, въ которыхъ содержатся сердечность и простота, о чемъ современный міръ ничего не знаетъ и знать не хочетъ, хотя



Сдача Парижа Александру I.

онъ отъ этого нисколько не счастливѣе. Государство обширно, и въ отдаленныхъ областяхъ народонаселеніе малочисленно. *Что для другихъ странъ годится и является потребностью, того по одному этому еще нельзя считать полезнымъ и нужнымъ для Россіи: она не должна утратить свою народность, въ которой столько хорошаго»*... Въ этомъ убѣжденіи, выработанномъ и собственнымъ тяжкимъ царственнымъ опытомъ,—убѣжденіи, столь противоположномъ утопіямъ XVIII вѣка, заключаются причины глубокой перемѣны во внутренней политикѣ Александра I во вторую половину его царствованія, а совсѣмъ не въ нашептываніяхъ одной реакціи, не въ раздутой историками аракчеевщинѣ, не въ воздѣйствіяхъ Меттерниха...

Поднявшееся въ гору просвѣщеніе начинаетъ послѣ двѣнадцатаго года воспринимать у насъ болѣе, чѣмъ прежде, національное направленіе. На смѣну Державину и Фонвизину выступаютъ Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Жуковскій, Батюшковъ, князь Вяземскій и во всемъ блескѣ развиваетъ свой національно-русскій талантъ Крыловъ. Правда, въ литературѣ нашей въ эту пору было много элементовъ подражанія Западу, въ видѣ сентиментальнаго и романтическаго направленія. Но русская національная стихія начинаетъ пробиваться въ литературѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ XVIII столѣтіи. Въ этомъ отношеніи имѣетъ огромное значеніе Отечественная война 1812 года и немалое вліяніе то, что сдѣлалъ Карамзинъ своей «Исторіей Государства Россійскаго» для развитія въ образованномъ обществѣ историческаго національнаго самосознанія. Отсюда идутъ чисто-русскіе мотивы въ произведеніяхъ писателей даже западническаго направленія (напримѣръ, у Жуковскаго «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», «Молитва за царя» и проч.). Справедливо также вспомнить и о національномъ направленіи и второстепенныхъ писателей. Таковыми были адмиралъ Шишковъ, который сильно ратовалъ противъ поклоненія иноземщинѣ и даже, будучи единомышленникомъ въ основныхъ идеяхъ Карамзина, нападалъ на его стиль, какъ носившій слѣды французскаго вліянія. Онъ былъ душою кружка единомышленниковъ, извѣстнаго подъ именемъ «Бесѣды любителей Россійскаго слова». Глинка, основавшій въ 1808 году въ Москвѣ журналъ «Русскій Вѣстникъ», подготовлялъ русскихъ людей къ борьбѣ съ Наполеономъ, первымъ вступилъ въ московское ополченіе 1812 года и много сдѣлалъ и послѣ для развитія и распространенія патріо-

тизма. «Русскій Вѣстникъ» его выходилъ подъ слѣдующимъ девизомъ, взятымъ изъ Державина:

Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ,
Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ.

Въ томъ же духѣ писалъ и Ѳ. В. Ростопчинъ, московскій главнокомандующій, особенно въ своей статьѣ: «Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ», проникнутой рѣзкою враждой къ иноземнымъ вліяніямъ. Въ этомъ же направленіи дѣйствовалъ на общество въ своихъ трагедіяхъ, особенно въ «Дмитріи Донскомъ», Озеровъ, а послѣ него Кукольникъ. Въ это царствованіе началъ выступать съ своими театральными пьесами Загоскинъ, въ слѣдующее царствованіе писавшій такія свои патріотическія повѣсти, какъ «Юрій Милославскій» и др...

Минуя другія послѣдствія великой войны, скажемъ о дѣятельности Александра I по возстановленію Москвы,—пользуемся словами надписи на поставленныхъ въ честь него московскихъ Тріумфальныхъ воротахъ,—«изъ пепла и развалинъ», въ которые обратилъ ее 1812 годъ.

Если предсказаніе Наполеона, что «она разорена на сто лѣтъ и никогда не возвратитъ себѣ былого значенія», не сбылось, то этимъ древне-престольная столица больше всѣхъ обязана Александру I, его рѣшительной волѣ возстановить ее изъ обломковъ разрушенія, не только, какъ важный для Россіи городъ, но именно, какъ національно-государственный центръ, значеніе котораго не могли изгладить преобразованія и Петра I.

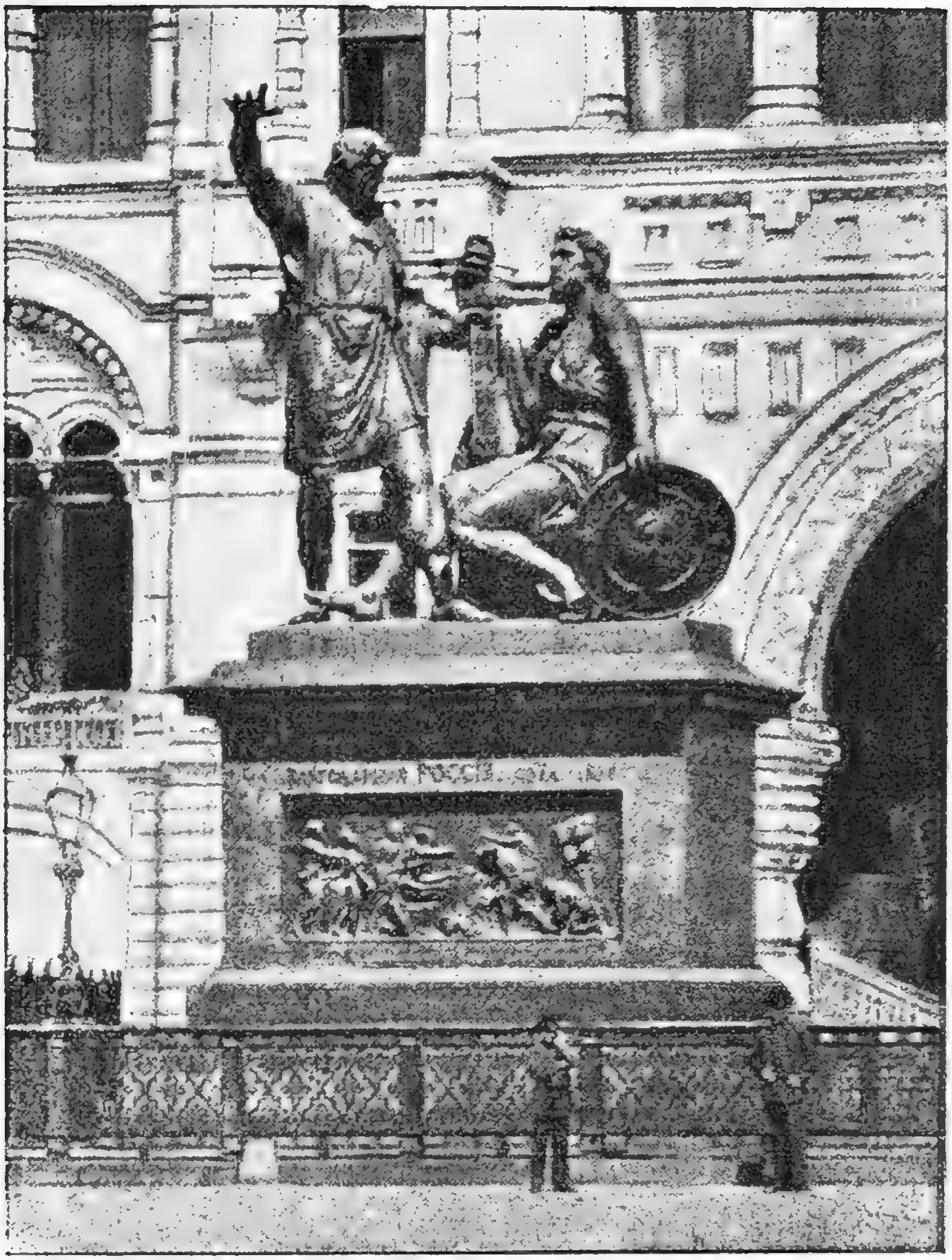
И въ пору своей кипучей борьбы съ Наполеономъ, императоръ находилъ время заниматься возстановленіемъ разрушенной Москвы. Несмотря на громадныя военныя издержки, ассигновались большія суммы на постройку взорванныхъ кремлевскихъ башенъ и стѣнъ, поврежденныхъ соборовъ и Ивановской колокольни, сгорѣвшихъ дворцовъ. Послѣ двѣнадцатаго года кипѣла работа подобная той, какая началась въ 1613 году при первомъ царѣ изъ дома Романовыхъ. Въ разныхъ частяхъ Москвы монастыри и храмы получали отъ государя пособія для исправленія слѣдовъ новой «разрухи». Учебныя заведенія и въ ихъ числѣ Московскій университетъ тоже пользовались, вмѣстѣ съ частными пожертвованіями, государственною щедростью, что ему дало возможность обстроиться лучше прежняго.

При Александрѣ I, въ разное, впрочемъ, время его царствованія, возникли въ Москвѣ Екатерининскій и Александровскій

институты, Практическая академія коммерческихъ знаній, Маріинская, Ново-Екатерининская и Шереметевская больницы, Экзерциръ-гаузъ, Большой театръ и проч.

Послѣ низложенія Наполеона и Вѣнскаго конгресса Александръ Благословенный, чтобы утѣшить страдалицу за Святую Русь, нерѣдко пріѣзжалъ въ Москву, привозилъ сюда царскую фамилію и даже иноземныхъ государей и принцевъ, оцѣнившихъ, наконецъ, значеніе Русскаго національнаго центра. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ, въ 1817 г., 12 февраля, чрезъ пять лѣтъ послѣ того, какъ «великая армія» покинула Москву, Александръ I въ присутствіи войскъ и громаднаго стеченія народа совершилъ закладку на Воробьевыхъ горахъ обѣтнаго храма Христа Спасителя. Въ манифестѣ по этому поводу говорилось: «Да простоитъ сей храмъ многіе вѣка и да курится въ немъ предъ святымъ престоломъ Божіимъ кадило благодарности до позднѣйшихъ годовъ, вмѣстѣ съ нашей любовью и подраженіемъ дѣламъ нашихъ предковъ». Храмъ этотъ, строившійся по плану художника Витберга, за слабостью грунта на мѣстѣ грандіознѣйшей постройки, не могъ быть выстроенъ и снова былъ заложенъ на мѣстѣ нынѣшней его постройки и былъ оконченъ и освященъ уже въ царствованіе императора Александра III. Въ слѣдующемъ 1818 году Александръ I снова посѣщаетъ Москву вмѣстѣ съ царскою семьею. Въ этомъ году въ Кремлѣ у великаго князя Николая Павловича родился будущій Царь-Освободитель Александръ II. Онъ былъ крещенъ въ Чудовомъ монастырѣ и положенъ своею бабушкой, бывшею его крестной матерью, императрицей Маріей Ѳеодоровною, въ раку святителя Алексія, на его мощи. Въ этомъ же году, связывая 1812 годъ съ 1612 годомъ, государь открылъ въ Москвѣ, на Красной площади, памятникъ Минину и Пожарскому и самъ командовалъ войсками, среди которыхъ были герои Бородина и Парижа.

Россіи предстоитъ въ 1912 году праздновать столѣтіе Отечественной войны 1812 года. Надѣемся, что это празднованіе будетъ соотвѣтствовать ея величію и тѣмъ глубоко важнымъ послѣдствіямъ, какія имѣла она въ нашей государственной и народной жизни. Въ ряду начавшихся уже приготовленій къ этому великому юбилею, особенно симпатичнымъ является устройство двухъ музеевъ 1812 года—въ Петербургѣ и Москвѣ, привлекающихъ уже множество пожертвованій и деньгами и вещественными памятниками этой достославной эпохи.



Воздвигнутый послѣ Отечественной войны въ Москвѣ Александромъ I памятникъ Минину и Пожарскому.

Въ связи съ выработкой плановъ для московскаго музея у насъ въ Историческомъ музеѣ весною 1909 года была устроена чрезвычайно любопытная выставка двѣнадцатаго года, давшая, въ своихъ портретахъ и батальныхъ картинахъ, не мало матеріаловъ для иллюстрированія нашего настоящаго изданія.

Медаль за взятіе Парижа.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Чтеніе I. Начало междуцарствія, какъ результатъ не только внутренней смуты, но и происковъ поляковъ. Жолкѣвскій и избраніе на русскій престолъ польскаго королевича Владислава. Отрицательное отношеніе къ этому акту патріарха Гермогена. Попытки полякующей партіи отдать Русское царство, вмѣсто Владислава, его отцу—королю Сигизмунду III. Натискъ въ этомъ направленіи на патріарха. Столкновеніе съ нимъ Салтыкова. Гермогенъ созываетъ москвичей въ Успенскій соборъ и запрещаетъ имъ присягать на подданство польскому королю. По смерти Лжедимитрія II онъ разсылаетъ грамоты по областямъ съ разрѣшеніемъ отъ данной Владиславу присяги и призывами итти на освобожденіе Москвы отъ поляковъ вооруженными ополченіями. Вліяніе Гермогена на великихъ пословъ подъ Смоленскомъ. Патріаршія грамоты приводятъ къ Москвѣ стотысячныя ополченія служилыхъ людей и казаковъ. Низложеніе Гермогена и заключеніе его въ подземелье Чудова монастыря. Смерть Ляпунова, взятіе Смоленска поляками, а Новгорода шведами, картина гибели Россіи въ лѣтописномъ сказаніи. Троицкія грамоты преподобнаго Діонисія и Авраамія Палицына. Вызванный ими взрывъ патріотизма въ Нижнемъ-Новгородѣ. Мининъ и Пожарскій и ихъ ополченія. Августовскіе, сентябрьскіе и октябрьскіе дни въ 1612 году въ Москвѣ. Битвы съ гетманомъ Хоткевичемъ. Сдача поляками Китай-города и Кремля. Созывъ земскаго собора для избранія царя . . . . 5—33

Чтеніе II. Ходъ земскаго собора и его рѣшеніе 21 февраля 1613 года призвать на царство Михаила Θеодоровича съ его потомствомъ. Причины такого рѣшенія въ историческомъ положеніи дома бояръ Романовыхъ. Посольство отъ земскаго собора въ Кострому къ новоизбранному царю. Отказы его и его матери послѣдовать народному рѣшенію и причины согласія ихъ на это. Историческая идея этихъ событій въ возстановленіи разрушеннаго до основанія Русскаго національнаго государства, какъ оно сложилось встарь. Очищеніе государства отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Войны съ шведами и поляками. Возстановленіе прежнихъ государственныхъ учрежденій и другія правительственныя мѣры. Патріархъ Филаретъ Никитичъ, какъ соправитель сына. Азовское сидѣніе казаковъ. Кончина Михаила Θеодоровича и значеніе его царствованія . . . . . . 34—66

Чтеніе III. Михаилъ Θеодоровичъ, какъ второй основатель Москвы. Возстановленіе имъ Кремля, его соборовъ, устройство дворцовыхъ храмовъ и зданій. Памятники зодчества этой эпохи въ Китай-городѣ, Бѣломъ-городѣ, въ Скородомѣ, Замоскворѣчьѣ и пригородныхъ слободахъ. Усыпальница бояръ Романовыхъ и храмы въ Новоспасскомъ монастырѣ. О памятникѣ царю Михаилу Θеодоровичу въ Москвѣ въ память трехсотлѣтія съ его воцаренія. . . . . 67—104

Чтеніе IV. Отечественная война 1812 года и Бородинская битва . 101—204

СПИСОКЪ

свѣтовыхъ картинъ къ чтеніямъ о междуцарствіи (1610—1612) и царствованіи Михаила Θеодоровича Романова (1613—1645).

1. Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій.
2. Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій.
3. Патріархъ Гермогенъ.
4. Троицкая лавра.
5. Лжедимитрій II.
6. Польское войско въ XVII вѣкѣ.
7. Сигизмундъ III.
8. Смоленскъ.
9. Патріархъ Гермогенъ и поляки.
10. Чудовъ монастырь.
11. Его подземелье, гдѣ былъ заключенъ патріархъ Гермогенъ.
12. Преподобный Діонисій.
13. Кремль Нижняго-Новгорода.
14. Мининъ и Пожарскій.
15. Знамя князя Пожарскаго.
16. Его печать и подпись.
17. Авраамій Палицынъ въ станѣ казаковъ.
18. Пожарскій передъ битвой съ поляками.
19. Его въѣздъ въ Кремль.
20. Гробница князя Пожарскаго.
21. » Минина.
22. » патріарха Гермогена.
23. Памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ.
24. Царь Михаилъ Θеодоровичъ
25. } въ началѣ и въ концѣ
26. } царствованія.
27. Его отецъ, патріархъ Филаретъ Никитичъ.
28. Его мать, инокиня Марθа Іоанновна.
29. Царица Евдокія Лукьяновна.
30. Иванъ Сусанинъ и поляки.
31. Ипатьевскій монастырь.
32. Романовскія палаты въ Костромѣ.
33. Памятникъ Сусанину въ Костромѣ.
34. Палаты бояръ Романовыхъ въ Москвѣ.
35. Ихъ Крестовая палата.

36. Выходъ въ Успенскій соборъ на царское вѣнчаніе.
37. Коронованіе въ Успенскомъ соборѣ.
38. Обѣдъ въ Грановитой палатѣ.
39. Встрѣча въ Москвѣ Филарета Никитича.
40. Его посвященіе въ патріархи.
41. Корона
42. Держава
43. Скипетръ
44. Тронъ
45. Печать
46. Подпись

} царя Михаила Θеодоровича Романова.

47. Кремлевскіе дворцы при основателѣ Царствующаго Дома Романовыхъ.
48. Престольная и
49. Крестовая палаты

} въ царскихъ теремахъ.

50. Дворцовые храмы: Спаса за золотою рѣшеткою.
51.—Рождества на Сѣняхъ.
52.—Воскресенія Словущаго.
53.—Св. Лазаря.
54. Дворцовая икона Θеодоровскія Богоматери.
55. Усыпальница бояръ Романовыхъ въ Новоспасскомъ монастырѣ.
56. Храмъ въ усыпальницѣ.
57. Грамота объ избраніи на царство Михаила Θеодоровича Романова.
58. Портреты Михаила Θеодоровича и Алексѣя Михайловича въ соборѣ Новоспасскаго монастыря.
59. Гробница первыхъ царей дома Романовыхъ въ Архангельскомъ соборѣ.
60. Печати патріарха Филарета Никитича.
61. Выходъ царя и царицы послѣ бракосочетанія.
62. Братина царя Михаила Θеодоровича.

СПИСОКЪ

свѣтовыхъ картинъ къ чтеніямъ: „Столѣтіе Отечественной войны 1812 года“.

1. Портретъ императора Александра I.
2. Медаль въ память войны 1812 года.
3. Наперсный крестъ 1812 года.
4. Голенищевъ-Кутузовъ.
5. Князь Багратіонъ.
6. Барклай-де-Толли.
7. Графъ Милорадовичъ.
8. Ермоловъ.
9. Раевскій.
10. Императоръ Наполеонъ.
11. Свиданіе въ Тильзитѣ.
12. Переходъ «великой арміи» чрезъ Нѣманъ.
13. Битва подъ Смоленскомъ.
14. Планъ Бородинскаго сраженія.
15. Общій видъ Бородинскаго поля.
16. Крестный ходъ съ иконой Смоленской Богоматери.
17. Бой у Багратіоновыхъ флешей.
18. Бой у батареи Раевскаго.
19. Бой у деревни Горки.
20. Кавалерійская схватка.
21. Шевардинскій редутъ.
22. Наполеонъ на Бородинскомъ полѣ.
23. Бородинскій монастырь.
24. Памятникъ на Бородинскомъ полѣ.
25. Совѣтъ на Филяхъ.
26. Графъ Ростопчинъ.
27. Его афишка.
28. Наполеонъ на Поклонной горѣ.
29. Вступленіе его арміи въ Москву.
30. Французы въ Кремлѣ.
31. Пожаръ въ Москвѣ.
32. То же, французская гравюра.
33. Наполеонъ на Кремлевской стѣнѣ.
34. Отъѣздъ Наполеона изъ Москвы.
35. Взрывъ Никольской башни.

36. Русскій отрядъ въ Кремлѣ.
37. Битва при Тарутинѣ.
38. Битва при Маломъ Ярославцѣ.
39. Битва при Вязьмѣ.
40. Битва подъ Краснымъ.
41. Витгенштейнъ.
42. Партизаны Фигнеръ, Давыдовъ, Сеславинъ.
43. Смерть Энгельгардта.
44. Великая армія въ Вильнѣ.
45. Старостиха Василиса и плѣнные.
46. Битва у Студянки.
47. Переправа чрезъ Березину.
48. Отъѣздъ Наполеона изъ Россіи.
49. Битва у Парижа.
50. Капитуляція Парижа.
51. Въѣздъ Александра I въ столицу Франціи.
52. Русскій молебенъ въ Парижѣ.
53. Медаль за взятіе Парижа.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

Въ шести частяхъ (862—1894). Съ 866 рисунками. В. В. Назаревскаго.
Цѣна 5 руб.

Компетентными учрежденіями разныхъ вѣдомствъ это изданіе по Отечественной Исторіи одобрено къ обращенію въ библіотекахъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а равно и въ войскахъ и народныхъ читальняхъ.

Давая множество рисунковъ, воспроизводящихъ портреты историческихъ лицъ, разнообразные памятники событій, храмы, жилища, одежды, оружіе, печати, монеты и художественныя изображенія прошлаго, а также снимки съ рукописей, географическія карты и планы, **этотъ полный курсъ Русской Исторіи** можетъ служить нагляднымъ пособіемъ къ изученію этого предмета въ школѣ и дома, а также и наградным подаркомъ для учениковъ и ученицъ. Въ коленкоровыхъ переплетахъ въ 3 томахъ. **Цѣна 6 руб. 50 коп.**

Изъ курса Русской Исторіи можно получать отдѣльныя царствованія:

1) **Императоръ Павелъ I и походы Суворова въ Италіи и Швейцаріи.** Съ 37 рисунками. **Цѣна 25 коп.**

2) **Императоръ Александръ I, 1812 годъ и другія войны этого царствованія** Съ 96 рисунками. **Цѣна 50 коп.**

3) **Царствованіе Императора Николая I.** Съ 92 рисунками. **Цѣна 50 коп.**

4) **Царствованіе Императора Александра II.** Съ 107 рисунками. **Цѣна 50 коп.**

5) **Царствованіе Императора Александра III.** Съ 92 рисунками. **Цѣна 50 коп.**

В. В. НАЗАРЕВСКІЙ. Великія Годовщины 1612—1613—1812. Междуцарствіе и народныя ополченія Минина и Пожарскаго. Трехсотлѣтіе избранія на царство Михаила Өеодоровича Романова. Столѣтіе Отечественной войны 1812 года. Съ 146 рисунками. **Цѣна 75 коп.**

Вышла изъ печати новая брошюра: **ДВУХСОТЛѢТІЕ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ. В. В. Назаревскаго.** *Изданіе второе.* Съ 42 рисунками. Цѣна **25** коп.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія **внесено** въ каталоги низшихъ учебныхъ заведеній и народныхъ читаленъ.

Цѣна **75** коп.